Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник научных статей

№ 1(2012)

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2013

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Редакционный совет:

Рудской А.И., чл.-корр. РАН – председатель;

Арсеньев Д.Г., д-р техн. наук, профессор;

Кораблев В.В., д-р физ.-мат. наук, профессор;

Никифоров В.М., профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;

Прохоренко А.В., д-р филос. наук, профессор;

Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;

Ягья В.С., д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор – *главный редактор;*

Малинов А.В., д-р филос. наук, профессор – ответственный секретарь;

Осипов И.Д., д-р филос. наук, профессор – заместитель главного редактора;

Жуков А.Ф., д-р ист. наук, профессор;

Павлова О.К., д-р ист. наук,

Живулин В.П., канд. филол. наук, доцент.

Сборник зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9480.

С 2010 года ежегодный сборник **«Международные отношения и диалог культур»** издавался в виде коллективных монографий преподавателей, ученых и партнеров кафедры «Международных отношений» Санкт-Петербургского политехнического университета.

С 2012 года сборник выпускается как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: **«Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and Dialogue of Cultures».**

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на сборник обязательна.

Сборник рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42
***Электронный адрес редакции:* E-mail: kmo@imop.spbstu.ru**

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

St. Petersburg State Polytechnic University

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 1(2012)

Polytechnic University Publishing House
Saint Petersburg
2013

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Editorial Council:

Andrey I. Rudskoy,
Corresponding Member of
Russian Academy of Sciences– chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Vadim V. Korablev,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexandr V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Igor Y. Timermanis,
Doctor of Science, Professor;
Vatanyar S. Yagya, Doctor of Science, Professor

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin,
Doctor of Science, Professor – Chief Editor;

Aleksey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor –
Executive Secretary;

Igor D. Osipov, Doctor of Science,
Professor – Deputy Editor;

Akesey F. Zhukov,
Doctor of Science, Professor;

Olga K. Pavlova,
Doctor of Science,

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Scientific articles selection is registered in the International System of Periodicals ISSN 2304-9480.

Since 2010, the annual compilation of "International Relations and Dialogue of Cultures" was published in the form of monographs by teachers, scientists and partners of the Department of "International Relations", St. Petersburg State Polytechnic University.

Since 2012, issued as an independent periodical in Russian and in English under the title: “Международные отношения и диалог культур” = «International Relations and Dialogue of Cultures».
Scientific articles selection is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Certificate of Registration PI №FS 77-52142 of December 11, 2012)

In selecting articles the editorial board is guided by scientific and editorial policy of the Scientific articles selection and by the principles of publishing ethics.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The collection is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251
Phone: **+7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42**
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© St. Petersburg State Polytechnic University, 2013.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ежегодный сборник научных статей «Международные отношения и диалог культур» кафедры международных отношений Института Международных Образовательных Программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета открывает актуальное и перспективное направление междисциплинарных гуманитарных исследований. Наступило важное и сложное для России и человечества время – период глобализации. Впервые в истории столь масштабно и так интенсивно взаимодействуют цивилизации и культуры, выражая основную тенденцию социального прогресса. Вместе с тем, как показывают события, общение цивилизаций имеет сложный и разнонаправленный характер, где присутствуют как моменты сотрудничества, так и различные по своей природе конфликты. В этих условиях всё очевиднее необходимость международного, межнационального и межконфессионального диалога. Его формы могут быть разнообразны, но их подлинный смысл заключается в создании новой культуры межличностных коммуникаций в мире, построенной на нормах международного права, моральных принципах гуманизма и социальной справедливости, осуществления императива культурного единства в многообразии.

В понятие культуры включаются научные, религиозные, философские и эстетические, экономические, политические и правовые идеи и институты, образовательные практики и технологии. Поэтому тематика Ежегодника обширна и позволяет публиковать статьи ученых–представителей гуманитарных, а также общественных наук. Приоритетной же его задачей является объективное

исследование современных научно-философских концепций, в которых отражены идеи, ценности межкультурных коммуникаций в контексте генезиса и формирования международных отношений и институтов. Многие из них существуют уже тысячелетия и проявляются в экономике и науке, искусстве, литературе и спорте, а некоторые возникли совсем недавно: масс-медиа, интернет. В Ежегоднике также будут рассматриваться и различные точки зрения на место религии в современном мире и социальной культуре.

Важной темой для обсуждения на страницах Ежегодника будет и история межкультурной коммуникации и международных отношений. Исторический контекст социальных проблем межкультурного взаимодействия является одним из принципиальных. Довольно часто в настоящее время предметом научной и публичной полемики является история народа, его традиции, язык и религия. Выработка научно обоснованных критериев оценки исторических событий возможно только в процессе обсуждения теоретических проблем – в ходе диалога ученых, представляющих различные страны и национальные культуры.

Редакция Ежегодника планирует издавать статьи не только на русском, но и на английском языках под англоязычным названием: «International Relations and Dialogue of Cultures».

Таким образом, предстоит большая работа, и всех, кто интересуется названными проблемами, приглашаем в качестве авторов публикаций.

Свои статьи, предложения и пожелания присылайте по адресу: kmo@imop.spbstu.ru

Главный редактор Сергей Погодин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 321

С. Н. Погодин

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНЛЯНДИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

В сфере безопасности Финляндия проводит политику военного неприсоединения и самостоятельной обороны, а также выступает за укрепление безопасности Европейского региона на основе широкого международного сотрудничества. Важнейшими элементами современной финской внешней политики безопасности являются развитие всестороннего сотрудничества с Российской Федерацией и активное участие в интеграционных процессах в рамках Европейского союза.

С 1955 года Финляндия является членом ООН. За время участия в этой организации страна активно участвовала в вопросах коллективной безопасности. Стремление содействовать дальнейшему укреплению деятельности ООН основано на том, что эта организация прилагает все усилия к разрешению международных споров исключительно мирными средствами. Следовательно, работа Финляндии в ООН представляет ей благоприятную возможность продемонстрировать свою политику нейтралитета.

Интенсивный процесс укрепления безопасности и сотрудничества в Европе тесно связан с внешнеполитической деятельностью Финляндии с конца 60-х годов XX века, когда страна инициировала поиски способов смягчения противостояния между Востоком и Западом. Финляндия приложила огромные усилия,

направлены на ослабления напряженности в годы холодной войны и преодоления политического раскола в Европе.

В основу этого процесса легло Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, проведенное в 1975 году в Финляндии. В Хельсинки страны-участницы Совещания приняли Заключительный акт, документ который признавал сложившийся статус-кво на европейском континенте и продолжал дальнейшее движение по пути разрядки напряженности в отношениях между Западом и Востоком. Документ содержал базовые принципы, определяющие нормы взаимоотношения и сотрудничества стран-участниц.

Хельсинский Заключительный акт 1975 года впоследствии привел к созданию СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе), который в дальнейшем был переименован в ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). Хельсинский акт также стал основой для других решений ОБСЕ, таких как Парижская хартия для новой Европы (1990) и Стамбульский документ 1999 года [1].

ОБСЕ крупнейшая в мире региональная организация, занимающаяся вопросами безопасности. Она объединяет 56 стран, расположенных в Северной Америке, Европе и Центральной Азии. Политическая значимость организации заключается, в том, что она единственная европейская организация в сфере безопасности, непосредственно занимающаяся ранним предупреждением, урегулированием конфликтов и после кризисным восстановлением в кризисных регионах, а также превентивной дипломатией, наблюдением за выборами, экологической безопасностью в Европе.

В период своего председательства в 2008 году Финляндия подчеркивала историческое значение упомянутого процесса при устранении разделительной линии в Европе. По мнению финнов ОБСЕ остается весьма востребованной организацией, играющей значимую роль в содействии стабилизации, безопасности и сотрудничеству в европейском регионе. Председательство Финляндии

в ОБСЕ пришлось на период, когда основы сотрудничества, заложенные в 90-х годах, подверглись испытанию. В качестве председателя Финляндия придала особое значение диалогу, который должен охватывать все проблемы. Это особенно важно, поскольку ОБСЕ является единственной европейской организацией, в которой на равных представлены все страны Евроатлантического и Евразийского региона. Финляндия поддерживает открытый диалог и стремится найти способы для его активизации в рамках ОБСЕ [2].

Деятельность ОБСЕ опирается на безопасность, основанную на сотрудничестве. В роли председателя Финляндия исходила из соображений открытости и результативного сотрудничества. При принятии решений Финляндия стремилась к упреждающему подходу и тесному взаимодействию со всеми государствами-участниками ОБСЕ. Сотрудничество с государствами-партнерами, другими международными структурами и неправительственными организациями продолжается на основе совместно принятых обязательств.

Всеобъемлющая концепция безопасности принятая ОБСЕ включает в себя военно-политическое, экономико-экологическое и человеческое измерение. Финляндия всегда стремилась повысить последовательность работы ОБСЕ, уделяя внимание деятельности, охватывающей сразу несколько измерений безопасности. В настоящее время страна поддерживает проекты, нацеленные на борьбу с торговлей людей, укрепление безопасности границ и совершенствование пограничного режима. Финляндия стремиться к повышению дееспособности ОБСЕ и к укреплению существующих переговорных структур, в том, числе, путем проведения совместных совещаний и разработки целевых рабочих программ. Она довивается доведения до конца переговоров о международной правосубъектности ОБСЕ и готова к рассмотрению и других предложений, нацеленных на повышение эффективности работы

организации. Финляндия подчеркивает необходимость обеспечения ОБСЕ достаточными ресурсами для ее деятельности и развития.

Деятельность ОБСЕ основана на общих ценностях демократии, прав человека и верховенства закона. Финляндия подчеркивает значение обязательств, принятых в рамках ОБСЕ, и необходимости их выполнения. Задачей Финляндии является выполнение политических обязательств, принятых государствами-участниками, во всем регионе ОБСЕ. Для достижения этой цели необходимо усилить механизмы выполнения обязательств. Выполнение обязательств будет также поддерживаться с помощью миссий на местах и проектов, нацеленных на наращивание собственного потенциала государств-участников.

Финляндия подчеркивает важность преемственности в деятельности ОБСЕ. Несмотря на трудности, организация может играть значимую роль при выработке политических решений существующих проблем. ОБСЕ располагает действительными инструментами предупреждения конфликтов, регулирования кризисов и постконфликтного восстановления. Этот потенциал следует сохранять и развивать далее.

Поскольку Финляндия является одной из немногих европейских стран неприсоединившихся к НАТО, доля нее существенное значение имеет учет международным сообществом финских национальных интересов при принятии решений по ключевым проблемам мировой и особенно европейской безопасности. Наиболее существенным каналом влияния для Финляндии является Евросоюз. Финское внешнеполитическое руководство неизменно подчеркивает, что со вступлением в ЕС страна получила значительные возможности для продвижения своих интересов. Финны, тем не менее, опасаются, что в результате перераспределения властных полномочий после расширения ЕС и его институциональной реформы возможности страны влиять на процесс принятия решений резко ухудшился.

Европейская политика в области безопасности и обороны превратилась в несомненную составляющую североатлантического пространства безопасность. 1 декабря 2009 года вступил в действия Лиссабонский договор, который превратил европейскую политику в области безопасности и обороны (ЕПБО) в единую политику союза в области безопасности и обороны. Задача военных и политических структур ЕС – дальнейшее развитие единой политики в области безопасности и обороны, а также политический контроль над операциями Европейского Союза по урегулированию кризисов и стратегическое управление ими. Следует отметить, что Финляндия участвует в совместных операциях ЕС по кризисному регулированию [3].

Комитет по политике и безопасности играет центральную роль в формировании как единой внешней политики и политики в области безопасности, так и политики в области безопасности и обороны. Военный комитет и военный штаб занимаются военными аспектами политики в области безопасности и обороны.

Финляндия поддерживает развитие единой политики безопасности и обороны Европейского Союза, делая акцент на формирование гуманитарного потенциала кризисного урегулирования. Единая политика безопасности и обороны должна обеспечить союзу возможность расширения его гражданских и военных мощностей в сферах кризисного управления и предотвращения конфликтов на международном уровне и тем самым внести вклад в дело сохранения мира и международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН.

Основой европейской политики в области безопасности является действенное партнерство Европейского Союза и НАТО. Ответственность за коллективную военную оборону Европы несет НАТО. Таким образом, Европейский Союз и Североатлантический альянс имеют взаимодополняющие задачи. Согласно соглашению 2002 года «Берлин плюс», при необходимости Европейскому Союзу

может быть предоставлен доступ к военным средствам НАТО во время управления кризисами. Следовательно, НАТО полностью поддерживает инициативу Европейского Союза, которая развивается по согласованию с самим альянсом [4].

Финляндия не сразу определилась с отношением к идее развития совместной обороны Европейского Союза и создания «оборонного ядра» союза. По этому вопросу велись большие дискуссии между представителями оппозиционной Национальной коалиционной партии Финляндии, которая поддерживает участие страны в любых европейских структурах, оказывающих то или иное влияние на европейскую политику, и центристами, полагающими, что Финляндия должна участвовать в европейских организациях избирательно, исходя из своих интересов.

Главной озабоченностью финского руководства в отношении внутри Европейского Союза является реализация собственных интересов, несмотря на попытки значительного числа членов ЕС перераспределить властные полномочия в свою пользу. Финляндия поддерживает усиление роли Комиссии Европейских сообществ, считая, что она наилучшим образом обеспечит интересы малых стран-членов [5].

Главной приоритетной задачей 2010 года стало развитие готовности Европейского Союза к быстрому реагированию и созданию боевых групп союза. Боевые группы Европейского Союза это подразделения быстрого реагирования примерно в 1500 человек. Механизм деятельности таких групп рассчитан на 15 дней, из которых пять дней отводится на принятие политического решения и десять дней на прибытие подразделения в регион проведения операции.

Концепция боевых групп была утверждена летом 2004 года, на ее основе с начала 2007 года сохраняется готовность к двум одновременным операциям. Боевые группы действуют, прежде всего, по просьбе ООН и могут выполнять задачи по урегулированию

кризиса во всем мире. Большинство боевых групп многонациональны, кроме стран-членов Европейского Союза в них входят и еще третьи страны: Турция, Норвегия, Хорватия и Македония.

Финляндия принимала участие в двух боевых группах. В 2007 году страна приняла участие в немецко-финско-голландской боевой группе, а в 2008 году в Северной боевой группе под командованием Швеции. Кроме Швеции и Финляндии, в этой боевой группе принимали участие Эстония, Норвегия и Ирландия. Северная боевая группа Европейского Союза это военное подразделение, напрямую не входящее в структуры НАТО, но активно с ними сотрудничающее. Считается, что она создана для привлечения имеющих статус нейтральных государств Финляндии и Швеции к военным операциям стран-участниц НАТО.

Участие в боевых группах служит для Финляндии инструментом преобразования своих сил обороны. Этот опыт повышает уровень военной подготовки страны, как на международном, так и на национальном уровне. Более того, участие в боевых группах позволяет стране расширить международное сотрудничество.

В январе 2011 года Финляндия приняла участие в двух боевых группах. Первая группа возглавлялась Нидерландами, в ее состав входили Германия, Австрия и Литва. Данная группа находится в режиме ожидания с 1 января 2011 года. Вторая группа – Северная, в ней Финляндия принимает участие уже второй раз, ее режим боевой готовности 3 января 2011 года. Северная боевая группа Европейского Союза предназначена для выполнения боевых заданий на Северном фланге ЕС и в условиях Заполярья. Радиус действия подразделения определен в 6000 км. От столицы Европейского Союза – Брюсселя. Решение о применении боевой группы принимается Советом Европы. Всего у Европейского Союза двенадцать специализированных военных подразделений различного назначения. Группы обладают

способностью самостоятельно выполнять боевое задание в течение как минимум четырех месяцев [6].

Помимо сотрудничества с Европейским Союзом Финляндия плодотворно сотрудничает со Станами Северной Европы как на двусторонней основе, так и в рамках Северного измерения, Северного совета и Совета министров Северных стран. В рамках этих институтов происходит координация совместных действий Северных стран направленных на защиту национальных интересов, как отдельных стран, так и Скандинавского региона в целом.

В ноябре 2009 года Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция создали силы коллективного военного взаимодействия – NORDEFCO (Nordik Defence Cooperation), подписав соглашение о сотрудничестве. Соглашение об объединении усилий в сфере обороны было подписано министрами обороны Северных стран на встрече в Хельсинки. Целью этой организации является уменьшение расходов на оборону и одновременно повышение эффективности армии, флота и авиации. По мнению министра обороны Швеции, Стена Толгфорса, это сотрудничество позволит также организовать совместные действия в рамках международных миротворческих операций. Главной задачей NORDEFCO является пополнение материальной базы для реализации общих целей в области обороны, а также совместная разработка технологий, имеющих оборонное значение [7]. Страны участники данного объединения будут проводить совместные учения и обмены военными для повешения их подготовки.

Сохраняя политику «военного неприсоединения», Финляндия сотрудничает с НАТО, чья активность в регионе с начала 90-х годов XX века начала резко возрастать. Трансатлантическое сотрудничество и кооперация со странами Северной Европы стали еще прочнее, в современных условиях они определяют судьбу региона и его безопасность.

Подписав в 1948 году «Договор о сотрудничестве и взаимной помощи» с Советским Союзом, Финляндия была сильно ограничена в своей внешнеполитической деятельности. Согласно договору, перечень доступных стран систем вооружений был ограничен, более того, страна должна была соблюдать нейтралитет по отношению к любым военно-политическим блокам. Именно поэтому Финляндия, являясь страной с демократической формой правления, что предполагало ее вступление в альянс, не входила в НАТО, хотя ее географическое положение было очень привлекательным для блока.

В сентябре 1990 года Финляндия вышла из договора 1948 года, в связи с окончанием холодной войны. Однако через два года был подписан новый договор с Россией направленный на укрепление взаимоотношений между странами. Согласно новому договору обе стороны признавали нерушимость границ, а неприятное для финской стороны слово «нейтралитет» было заменено на «неучастие в военных блоках» [8].

Проблема взаимоотношения Финляндии НАТО не так проста, как на первый взгляд это кажется. Финляндия никогда не вступала в военные блоки, и даже после распада СССР продолжает придерживаться выбранной внешнеполитической линии. Однако внутри страны достаточно много политических сил, стремящихся к вступлению Финляндии в альянс. Официально финское правительство продолжает придерживаться политики неприсоединения к каким-либо военным и политическим блокам. Сторонники НАТО говорят не об угрозе со стороны России, а о повышении национального патриотизма. Вступление в альянс, по их мнению, еще более подчеркнет независимость Финляндии на международной арене, избавит страну от ощущения исторического давления со стороны Москвы.

Не являясь членом НАТО, Финляндия активно стремиться сотрудничать с этой организацией. После распада Варшавского договора финское правительство установило отношения с альянсом в

1991 году. Уже в следующем году Финляндию, по ее инициативе, пригласили в Осло на саммит стран НАТО на уровне министров иностранных дел, а страна получила статус наблюдателя в совете альянса. Одновременно был подписан контракт с США о поставках в страну военной техники.

В основе сотрудничество Финляндии с НАТО построено на давней политике военного неприсоединения и на национальном политическом консенсусе. На этой основе страна выделяет именно те области сотрудничества, которые соответствуют совместным целям и интересам. Финляндия активно развивает свое двустороннее сотрудничество с организацией в программе «Партнерство ради мира», к которой страна присоединилась в 1994 году. Многостороннее сотрудничество строится в рамках Совета Евро-атлантического сотрудничества, членом которого Финляндия стала в 1997 году.

«Партнерство ради мира» (ПРМ) – программа военного сотрудничества, которая была создана в 1994 году, для взаимосвязи НАТО с европейскими государствами и бывшими советскими республиками Закавказья и Центральной Азии, которые не являлись членами организации. ПРМ позволяла странам-партнерам развивать индивидуальные отношения с НАТО, самостоятельно определяя приоритетные направления сотрудничества. В основе этой программы лежит приверженность демократическим ценностям, на которых строиться Североатлантический союз. Целью программы является повышение стабильности, снижение угрозы миру и укрепление отношений в сфере безопасности между отдельными странами-партнерами и НАТО, а также среди самих стран-партнеров.

Основу программы «Партнерство ради мира» составляет рамочный документ, в котором излагаются конкретные положения для каждой из стран-партнеров. Страна-партнер берет на себя ряд политических обязательств: сохранять демократическое общество, соблюдать принципы международного права, выполнять обязательства, вытекающие из Устава ООН, Всеобщей декларации

прав человека, Хельсинского заключительного акта и международных соглашений о разоружении и контроле над вооружениями. Также страны должны воздерживаться от угрозы или применения силы против других государств, не нарушать существующих границ государств и разрешать споры мирным путем [9].

Страны-партнеры обязуются способствовать прозрачности государственной системы оборонного планирования и формирования оборонного бюджета, обеспечивать демократический контроль над вооруженными силами, развивать потенциал, необходимый для ведения совместных действий с НАТО в рамках миротворческих и гуманитарных операций. Как закреплено в Рамочном документе, государства-члены НАТО обязуются проводить консультации с любой страной-партнером, если, по мнению этой страны, существует прямая угроза ее территориальной целостности, политической независимости или безопасности.

Сотрудничество ведется и по вопросам военной реформы, борьбы с распространением оружия, снижение угрозы, возникающей в связи с существованием противопехотных мин и арсеналов боеприпасов, готовность к реагированию на стихийные бедствия и катастрофы, научно-исследовательские работы. Следует отметить, что сотрудничество затрагивает практически каждую область деятельности НАТО, включая оборонную политику и планирование, гражданско-военные отношения, обучение и подготовку. Противовоздушную оборону, системы связи и информации, кризисное регулирование и чрезвычайное гражданское планирование.

Для активного участия стран-партнеров в проведении операций под руководством НАТО, эти страны регулярно участвуют в программе учений и боевой подготовки альянса. В рамках этой подготовки в 1995 году Финляндия впервые приняла участие в НАТОвских военных учениях, проходивших на территории Дании.

В рамках программы «Партнерство ради мира» Финляндия поддерживает военные реформы стран-партнеров, в частности проект

по поддержанию стабильности в центральной Азии, на Южном Кавказе и на Западных Балканах. В настоящее время данный проект включает в себя операции по разминированию и обезвреживанию неразорвавшихся боеприпасов, уничтожение стрелкового оружия и излишков боеприпасов, а также помощь странам в проведении военной реформы [10].

В 1997 году Финляндия стала членом Совета Евро-атлантического сотрудничества (СЕАС), отношения между страной и НАТО перешло на новый уровень. СЕАС является институтом альянса и многосторонним форумом, созданным для улучшения отношений между НАТО и не входящими в нее стран в Европе и Азии, примыкающих к европейской периферии. Совет был создан 29 мая 1997 года в качестве преемника Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС) и работает совместно с программой «Партнерство ради мира». Решение о создании СЕАП соответствовало желанию НАТО продвинуться дальше вслед за достижениями Совета Североатлантического сотрудничества, учрежденного в 1991 году, по пути строительства форума безопасности для боле углубленного и оперативного партнерства. Для развития отношений со странами-партнерами был создан новый форум, в большей мере отвечающий все более сложным требованиям, выдвигаемым для осуществления программы «Партнерство ради мира». На данный момент в состав СЕАП входит 28 стран-членов НАТО и 22 страны-партнера.

СЕАП обеспечивает общие политические рамки для сотрудничества между НАТО и странами-партнерами и для развития двухсторонних отношений между Североатлантическим союзом и отдельными странами-партнерами по линии программы «Партнерство ради мира». Государства-члены сотрудничают и консультируются по целому ряду политических вопросов, и в том числе по вопросам безопасности. План действий СЕАП предусматривает консультации и сотрудничество по ряду политических вопросов, включая

региональные проблемы, контроль над вооружениями, миротворчество, экономические аспекты обороны, вопросы науки и окружающей среды. После трагических событий сентября 2001 года в США стало уделяться больше внимания мерам по борьбе с международным терроризмом [11].

Финляндия отрыла свою дипломатическую миссию при штаб-квартире НАТО в Брюсселе, что способствует регулярным контактам и позволяет проводить консультации по важнейшим внешнеполитическим вопросам. Для Финляндии «Партнерство ради мира» стало ключевым моментом в обеспечении Европейской безопасности. Следует отметить, что правительство, придерживаясь вопроса соблюдения нейтралитета и внеблоковой внешней военной политики, тем не менее, принимает участие в миротворческих операциях НАТО. В рамках сотрудничества с «Партнерство ради мира» Финляндия приняла участие в миротворческих операциях в Боснии, в Косово и в Афганистане под руководством НАТО. Эти операции дают ценный опыт финским командирам и войскам, развивая оборонную политику страны, и укрепляют позиции страны в глазах иностранных государств. Следует отметить, что финские войска высоко ценятся в мире.

С 1998 года Финляндия активно заимствует НАТОвские стандарты при формировании своих сил обороны. В структуре финских вооруженных сил находится специальное подразделение, предназначенное для участия в международных миротворческих операциях. Данное спецподразделение называется Силами Быстрого Реагирования Финляндии (СБРФ), оно может быть задействовано и для обороны страны. Хотя это подразделение используется как дополнительное к основному миротворческому контингенту, многие штатные военнослужащие-миротворцы проходят подготовку на базах СБРФ. Впервые это подразделение было задействовано в Косово в составе KFOR в 1999 году.

Руководство НАТО неоднократно высказывалось за расширение Альянса и дважды заявляло о готовности принять Финляндию в свои ряды в рамках программы расширения блока на Восток. НАТО высоко ценит отношения с Финляндией. С точки зрения Альянса Финляндия является активным и эффективным партнером, который вносит большой вклад в международную безопасность [12].

Важнейшим фактором, способствовавшим сближению Финляндии с НАТО, стало то, что в настоящее время задачи Альянса не ограничиваются только общей обороной государств-членов блок, но и затрагивают вопросы регулирования кризисных ситуаций и интенсивное сотрудничество с другими странами. Переориентация НАТО соответствовала концептуальным основам внешней политики Финляндии, которая традиционно приветствовала превентивную дипломатию.

Вопрос о вступлении Финляндии в НАТО начал обсуждаться в политических кругах в 1989 году. Этот год связан в первую очередь с проблемой позиционирования Финляндии в Европе после распада СССР и поиском новой идентичности. «Существует три основных вызова безопасности Финляндии – это Россия, Россия, Россия, – сказал тогдашний министр обороны Финляндии Юрии Хякямиес, – в нашем новом правительстве существует много позиций за и против вступления в НАТО. Но пока мы на этот гамлетовский вопрос – быть или не быть – не ответили». Позднее тогдашний премьер-министр Ванханен отметил, «До тех пор, пока Финляндия не вступит в НАТО, страна так и останется «диковиной» для Западной Европы» [13].

Следующий этап обсуждения в правительстве вопроса о вступлении в НАТО приходится на 1995 год. В ходе этого обсуждения было принято решение в поддержку неприсоединения к НАТО и тем самым в очередной раз было подчеркнута приверженность политике нейтралитета. Президент Тарья Халонен, переизбранная в феврале 2006 года на второй срок, продолжала заявлять, что Финляндия не испытывает «дефицита безопасности» и

поэтому в настоящее время нет причин для изменения политики неучастия в военных союзах.

Несмотря на официально провозглашенный принцип нейтралитета, Финляндия активно вовлечена в программы ESDP («Оборонительная политика Европейских государств»), многие которые проводятся под эгидой НАТО. Таким образом, Финляндия рассчитывает на потенциальную военно-политическую поддержку со стороны Европы в случае возможных военных конфликтов, угрожающих ее безопасности. В Финляндии помнят непростые отношения с СССР, и поэтому Хельсинки стремиться поддерживать максимально положительные отношения с Москвой. Сегодня реальной угрозой со стороны восточного соседа не существует, однако Финляндия старается максимально заручиться поддержкой Европейских стран на случай гипотетического масштабного конфликта, в который она может быть вовлечена [4].

Внешнеполитическая доктрина Финляндии констатирует, необходимость поддержания трансатлантических связей, которые являются необходимым фактором сохранения стабильности в Европе и на Балтике. Вышедшая в 2009 году «Белая книга по вопросам безопасности и обороны Финляндии», отмечает, что НАТО является единственной международной организацией, способной осуществлять кризисное управление, требующее военного вмешательства, и военные операции по принуждению к миру, а расширение НАТО повышает уровень безопасности в сопредельных с Финляндией территориях.

Финское руководство приветствует «невоенное» сотрудничество с НАТО в общих правилах для защиты окружающей среды в деятельности, связанной с обороной; участие в миротворческих операциях; сотрудничество в невоенной сфере чрезвычайного планирования. Следует отметить и факт широкого воздействия на Финляндию со стороны НАТО и США. Это влияние ведется через финляндско-американское культурное сообщество,

имеющее свои отделения во всех частях страны; финское отделение американского информационного агентства «ЮСИА»; обмен студентами и журналистами; обучение финских технических специалистов, в том числе и военных.

Определяющим направлением влияния НАТО на Финляндию является развитие контактов со странами – членами Альянса по военной линии и в частности по направлению Северного совета. В состав совета наряду с Финляндией и Швеция входят Норвегия, Дания, Исландия, являющимися активными членами НАТО. Благодаря этому сотрудничеству военная мощь Финляндии заметно укрепилась. Финские вооруженные силы постоянно модернизируются, в соответствии со стандартами НАТО.

В январе 2008 года Финляндии, Швеция и член НАТО Норвегия создали Северную боевую группу. Эта группа – одно из нескольких тактических формирований, действующих в рамках новой оборонительной политики Европейского союза. Эти мобильные группы должны быть перемещены в районы вероятных конфликтов в течение нескольких дней. Скандинавское подразделение состоит из 2800 солдат из Швеции, Норвегии, Финляндии, Эстонии и Ирландии. Костяк этой группы составляют шведы, на долю которых приходится 2000 солдат. Финская сторона обеспечивает инженерную и противохимическую поддержку, норвежская – полевой госпиталь, эстонская и ирландская осуществляют ответственную миссию прикрытия. На вооружении группы имеются бронетранспортеры, транспортные самолеты и вертолеты. Штаб-квартира Северной боевой группа находится на шведской военной базе.

По данным министерства иностранных дел Финляндии страна и в дальнейшем будет стремиться к развитию многосторонних отношений с НАТО. Сотрудничая с Альянсом, Финляндия хочет расширить трансатлантические связи в области безопасности и считает блок ключевым элементом обеспечения стабильности в регионе [14].

В 2008 году правительство Финляндии приняло решение о присоединении страны к программе развития стратегической транспортной авиации НАТО. В реализации программы участвуют 13 стран – членов Североатлантического альянса: Болгария, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Румыния, Словения, США, Чехия и Эстония. Программа предусматривает совместные закупки и эксплуатацию трех стратегических военно-транспортных самолетов С-17 производства американской компании «Боинг».

В рамках партнерских отношений с НАТО, Финляндия содействует регулярному политическому диалогу с организацией по вопросам безопасности. Финляндия выразила свою готовность участвовать в операциях под эгидой НАТО и в будущем. В этой связи предполагается сотрудничество в области разработки военной совместимости, будут проводиться более интенсивная подготовка кадров. В 2009 году Финляндия и НАТО подписали соглашение в области оборонных технологий. Данный договор будет способствовать сотрудничеству в новых областях: сетевые технологии, а также проверка и подтверждение оперативной совместимости ключевых систем и технологий.

Несмотря на тесное сотрудничество с НАТО, руководство Финляндии не стремится участвовать во всех военных операциях Альянса. Гражданская война в Ливии 2011 года привела к дискуссиям в политических кругах Финляндии относительно неучастия страны в военных действиях в Ливии под эгидой альянса. На конференции в Лондоне 29 марта 2011 года представители международной коалиции, НАТО, ОНН, Африканского союза, Лиги арабских стран обсуждали дальнейшие шаги международного сообщества по отношению к ситуации в Ливии. Однако Финляндии среди приглашенных стран не было, что и стало поводом для неучастия в военных операциях.

Министр иностранных дел Финляндии А. Стубб отмечал, что Министерская комиссия по иностранным делам и Президент

республики приняли решение, что Финляндия не участвует в международной операции, контролирующей запрет на полеты в Ливии. А. Стубб подчеркнул, что Финляндия среди первых стран осудили действия Муаммара Каддафи, а также в качестве первой страны Европейского Союза предложила введение санкций против Ливии. Кроме того, Финляндия одной из первых стран отправила гуманитарную помощь в Ливию. Министр подчеркнул, что в ходе такой операции каждая страна играет свою роль и тем не менее он не исключил возможности участия Финляндии в операции в Ливии в будущем [15]. По мнению премьер-министра Мари Кивиниеми, участие в ливийской военной операции стало бы отклонением от привычного внешнеполитического курса Финляндии, курса нейтралитета. Также не исключено, что отказ от военных действий был связан с парламентскими выборами в Финляндии, которые состоялись в апреле 2011 года.

Представители национальной коалиционной партии (НКП) и бывший премьер-министр Финляндии Матти Ванхайнен высказались против такой пассивной внешнеполитической линии. М. Ванхайнен резко критиковал финскую политику в ливийском кризисе, он спрашивал, почему правительственная комиссия по вопросам внешней политики и политики безопасности поддерживают резолюцию ООН, и, однако, не предпринимают мер по возможному участию страны в ливийской операции. По его мнению, если Финляндия не хочет принимать участия в операции, то нужно прямо сказать об этом, а не мотивировать свое неучастие отсутствием просьбы [16]. Такая политика отражает пронатовские настроения Национальной коалиционной партии.

Сегодня Финляндия не входит в число стран-членов НАТО, хотя имеет серьезные предпосылки для вступления в блок. Об этом говорят доклады правительства по вопросам безопасности и обороны. Вопрос присоединения к блоку не потерял своей актуальности для страны, а сотрудничество с Альянсом имеет многоплановый характер.

По существу, единственным препятствием для вступления Финляндии в НАТО является негативное отношение к этому финской общественности и российский фактор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The history of OSCE [Electronic resource]. site of Organization for Securiry and Co-operation in Europe. – URL: http://www.osce.org/who/87
2. Преемственность, последовательность и сотрудничество» [Электронный ресурс]. Сайт Министерства иностранных дел Финляндии. – URL: http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentld=108694&contentlan=15&culture=ru-RU
3. Европейская политика в области безопасности и обороны [Электронный ресурс]. Сайт Министерства обороны Финляндии. – URL: http://www.mod.gov.ee/ru/csdp
4. Improving the European Unions defence capabilities [Electronic resource]. Site of the Ministry of Defence of Finland. – URL: http://www.defmin.fi/index.phtml?l=en&s=417
5. Внешняя политика Финляндии [Электронный ресурс]. – URL: http://suomi-fin.narod.ru/economic/politicout.htm
6. Finland on standby for two EU battle groups in earli 2011 [Electronic resource]. Site of the Ministry of foreign affairs. – URL: http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentld=208568&nodeld=23&contentlan=2&culture=en-US
7. Страны Северной Европы создали оборонительный союз [Электронный ресурс]. Новостной портал. – URL: http://ru.tsn.ua/svit/strany-severnoi-evropy-sozdali-oboronitelnyi-soyuz.html
8. **Осмо Юссила, Сеппо Хентиля, Юкка Невакиви** Политическая история Финляндии 1809-2009. М., 2010. С. 402.
9. Партнерство ради мира [Электронный ресурс]. Официальный русскоязычный сайт НАТО. – URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_50349.htm
10. Finland and NATO [Electronic resource] sitte of Mission of Finland to NATO. – URL: http://www.finladnato.org/public/default.aspx?nodeid=31554&contentlan=2&culture=en-US
11. Совет евроатлантического партнерства [Электронный ресурс]. Официальный русскоязычный сайт НАТО – URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_49276.htm
12. NATO’s relations with Finland [Electronic resource]. Official website of NATO – URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_49276.htm
13. **Широкорад А.Б.** Финляндия. Через три войны к миру. – М. 2009. – С.361.
14. National defence policy [Electronic resource]. Site of the Ministry of Defence of Finland. – URL: http://www.defmin.fi/index.phtml?l=en&s=61
15. **Стубб А.** Финляндия не отправляет истребителей в Ливию [Электронный ресурс]. Финский информационный портал YLE. – URL: http://yle.fi/novosti/novosti/article2474874.html
16. Правящие «Центр» и «Национальная коалиционная партия» спорят о роли Финляндии в операции в Ливии [Электронный ресурс]. Финский информационный портал YLE. URL: http://yle.fi/novosti/ novosti/article2477997.html

УДК 321

Е. Л. Болдырева

СТРАТЕГИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ ФИНЛЯНДИИ «БЕЗОПАСНО В БУДУЩЕЕ»

Одним из самых важных и исчерпывающих документов относительно политики безопасности Финляндии является представляемый каждые четыре года доклад правительства – Белая Книга – финской политики безопасности и обороны, представляемый Государственным советом парламенту.

Поскольку основная ориентация внешней политики и политики безопасности Финляндии трансформировалась от политики нейтралитета к неприсоединению к военным блокам, можно определить национальные стратегические интересы Они нашли свое выражение в формулировках, которые теперь не сдерживаются характеристиками политики нейтралитета времен холодной войны. Финляндия активно участвует в построении современной системы европейской безопасности, а международной сотрудничество в области безопасности является также и вкладом в национальную безопасность Финляндии.

Одним из самых важных и исчерпывающих документов относительно новой ориентации Финляндии после времен холодной войны являлась Белая Книга финской политики безопасности и обороны, представленная Государственным советом парламенту 17 марта 1997 года. Этот документ, озаглавленный как «Развитие европейской безопасности и Финская обороноспособность»

определял «военное неприсоединение, самостоятельную оборону и членство в ЕС» [1] как основные факторы политики национальной безопасности Финляндии.

В Белой книге 2004 г. уже говорилось о том, что «НАТО является единственной международной организацией, способной осуществлять кризисное управление, требующее военного вмешательства, и военные операции по принуждению к миру», а «расширение… НАТО повысило уровень безопасности в сопредельных с Финляндией территориях».

Финляндия также подчеркивала право всех стран региона выбирать собственные пути для обеспечения своей безопасности, включая военное выравнивание [2].

Действующий доклад [3] охватывает период с 2013 до 2020 года, а предыдущий был составлен в 2009 году. В докладе правительства по оборонной политике и политике безопасности подчеркивается роль скандинавского и международного сотрудничества в обеспечении безопасности. Финляндия должна и в будущем поддерживать собственную оборонную систему, говорится в отчете. Линия Финляндии в отношении НАТО не меняется. В ближайшие годы особое внимание будет уделяться предотвращению кибератак. Возможное участие Финляндии в патрулировании воздушного пространства Исландии оговаривается отдельно.

По словам президента Финляндии Саули Ниинистё [4], в области оборонной политики необходимо придерживаться трех основных принципов, связанных с военным неприсоединением, всеобщей воинской обязанностью и обороной всей территории страны. С. Ниинистё подчеркнул в интервью Yle [5], что, насколько ему известно, ни один политик или ни одна партия не подвергает сомнению эти принципы. Поэтому он уверен, что эти основы обороны сохранятся, но следующему правительству и парламенту придется решить вопрос о финансировании системы обороны страны.

Белая книга основывается на долгосрочном планировании, в его основу положены многие исследования и разработки различных государственных органов Финляндии. Одним из таких документов, опирающимся на кратко- и среднесрочное планирование в сфере обороны, и озаглавленный как Стратегия Министерства обороны Финляндии «Безопасно в будущее» [6] прогнозирует пути развития вооруженных сил страны до 2025 года и содержит три основные цели: 1) вкратце оценить долгосрочное развитие среды безопасности; 2) на основе данной оценки описать возможные изменения оборонительной и военной политики Финляндии; 3) описать методы, которыми эти изменения могут быть достигнуты.

Данная стратегия основывается, как уже было отмечено, на процессе стратегического планирования министерства обороны, включает в себя методы средне- и краткосрочного планирования.

Ключевыми терминами Стратегии 2025 являются – безопасность, надежность, достоверность и патриотизм.

Под безопасностью в документе подразумевается обеспечение безопасности жизнеобеспечения общества, оборона территории страны и предотвращение внутренних угроз, а также участие в международном сотрудничестве и военном кризисном управлении.

Под надежностью документ подразумевает действия руководства страны как части демократического общества, а также возможность всегда положиться на министерство обороны и вооруженные силы страны.

Достоверность означает честность во всем, что касается обороноспособности, т. к. относится к превентивному отражению внешних угроз и организации обороны.

Патриотизм подразумевает работу для будущего нации на основе опыта предыдущих поколений, а также надежду на то, что будущие поколения будут также свободны и способны принимать независимые решения.

В стратегии 2025 большое внимание уделяется как глобальным, так и региональным трендам развития. Особое внимание уделяется таким из них, как – население, численность которого растет в развивающихся странах и Европе, а в России сокращается. Говоря об окружающей среде и ископаемых ресурсах, Стратегия подчеркивает тот факт, что недостаток ресурсов вызывает нестабильность, а Финляндия остается зависимой от поставок энергоресурсов. Кроме того, в сфере технологического развития опасения вызывает рост цен и системная уязвимость (особое внимание будет уделяться предотвращению кибератак), а в связи с глобализацией экономики – рост взаимозависимости.

В Стратегии подчеркивается роль скандинавского и международного сотрудничества в обеспечении безопасности страны. «Финляндия должна и в будущем поддерживать собственную оборонную систему», – подчеркивается в отчете правительства. Линия Финляндии в отношении НАТО не меняется, т. к. ЕС и трансатлантические отношения важны для Финляндии, особенно в связи с тем, что будущее оборонительных сил будет отражать изменения, происходящие в среде безопасности. По этой причине в Стратегии предвидение названо сущностью успешной оборонительной системы, так же как превалирование качества над количеством, все расходы на оборонительные силы должны быть оптимизированы и сбалансированы.

К основным задачам Стратегии 2025 отнесены: военная оборона, поддержка других ветвей власти и международное управление кризисами.

Таким образом, Стратегия 2025 обращает основное внимание на те же вопросы, имеющие основное значение для политики безопасности и обороны Финляндии, что и раньше – отношения с Россией, НАТО, ЕС и Северными странами, подчеркивая тем самым преемственность политики страны в этом отношении. Очевидно, что в кратко- и среднесрочной перспективе присоединения Финляндии к

НАТО не произойдет, сотрудничество с Альянсом будет все больше происходить в области управления кризисами. В любом случае, четко просматривается подтекст Стратегии 2025, который, как и раньше, состоит в том, что Финляндия воспринимается как геополитическая буферная зона между Россией и Западом

Появились, тем не менее, новые угрозы безопасности страны – возможной кибератаки, взаимовлияние экономических кризисов в условиях глобализации и демографические проблемы. Этим вопросам в Стратегии также уделено достаточное внимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The European Security Development and Finnish Defense. Report by the Council of State to Parliament on 17.03.1997. Helsinki, 1997, p.47
2. Ibid., p.35
3. Finnish security and defence policy 2012/ Government report VNS X/2012
4. YLE по-русски http://vk.com/club31101427
5. Ibid.
6. Securely into the future. Ministry of defence strategy 2025/ Ministry of defence – www.defmin.fi

УДК 327

И. И. Климин

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ: РАЗНОГЛАСИЯ ПОЛИТИКОВ ДВУХ СТРАН ПРИ РАЗРАБОТКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО АКТА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

В соответствии с Договором о создании Союзного государства, подписанным президентами Б. Ельциным и А. Лукашенко 8 декабря 1991 г. и ратифицированным национальными парламентами, должен быть разработан

Конституционный Акт, своего рода основной закон, рассчитанный на переходный период который, являлся бы фундаментом интеграции и должен определять устройство, правовую систему Союзного государства. Вот почему по поручению двух президентов Совет Министров Союзного государства уже в октябре 2001 г. образовал совместную российско-белорусскую группу для его подготовки. При этом сопредседателем данной группы с российской стороны был назначен первый заместитель министра юстиции РФ — Юрий Демин, а белорусской — заместитель главы Администрации Президента Леонид Козик.

О первых и весьма противоречивых итогах работы данной совместной рабочей группы можно судить по содержанию интервью, которое дали их сопредседатели официальному органу Союзного государства, газете «Союз. Беларусь — Россия». Так, 21 февраля 2002 г. на ее страницах Ю. Демин рассказал, что к настоящему времени имелось три проекта Конституционного Акта, подготовленных

российской стороной и один — белорусской. В них отражались различные точки зрения, причем у каждого проекта имелись «свои несомненные плюсы».

При этом Демин особо выделил проект, подготовленный Государственной думой РФ, в его составлении участвовали известные депутаты, ученые-правоведы. По его мнению, он являлся наиболее юридически подготовленным документом, который и приняли за основу дальнейшей работы. По оценке Демина, специалисты Постоянного комитета во главе с государственным секретарем Союзного государства П. Бородиным также разработали вариант Конституционного Акта, «фундаментальный труд, насыщенный обильным фактографическим материалом, подробными справками и социологическими выкладками». Он предусматривал различные сценарии и модели государственного и правового устройства Союзного государства.

Кроме того, научная группа под руководством вице-президента Российской ассоциации политической науки Игоря Яковлева, представила свой вариант проекта. Но против его рассмотрения на заседании совместной группы возражала белорусская сторона, так как он не прошел «необходимый официальный путь» [1].

На первом заседании рабочей российско-белорусской группы предпринималась попытка рассмотреть все совместные проекты Конституционного Акта. Однако это закончилось неудачей, как выразился Демин, «первый блин вышел комом». В связи с возникшими разногласиями среди членов группы стало ясно, что «наскоком», оперативно, невозможно было получить согласованный текст, на основе консенсуса. Поэтому на заседании приняли решение о создании уже узкой группы экспертов по 4 человека от российской и белорусской сторон, чтобы попытаться выработать общий документ и преодолеть существующие расхождения в целях поиска единой юридической формулировки [1].

Судя по всему, по-видимому, главным яблоком раздора группы стал представленный белорусской стороной проект документа, названный «Принципы Конституционного Акта Союзного государства», на базе которых и должна формироваться единая страна. Суть документа и позицию белорусской стороны изложил на страницах газеты «Союз» Л. П. Козик 30 мая 2002 г. По его оценке, Конституционный Акт, с одной стороны, должен «предложить действенную систему взаимоотношений двух государств без какой-либо попытки или возможности ущемления интересов друг друга». А с другой, — он может обеспечить «выполнение норм, предусмотренных основополагающими документами Союзного государства».

Для белорусской стороны являлось главным мотивом в составлении Основного закона Союзного государства — закрепить в нем принцип равноправия двух независимых, суверенных государств. Как подчеркивал Л. Козик, «Союзное государство — это Союз двух равных и суверенных государств — Республики Беларусь и Российской Федерации, объединивших свои усилия на основе международного права для достижения экономического процветания и обеспечения защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав своих граждан» [2].

Проект Конституционного Акта, по Козику, не указывает «на возможность утраты государствами-участниками части своей территории ни в настоящем, ни в будущем». И все хозяйствующие субъекты на территории Союзного государства пользуются одинаковыми правами и возможностями». Согласно проекту, подчеркивал он, в Союзном государстве «будет единая денежная единица, а ее эмиссия станет осуществляться единым эмиссионным центром» [2].

Все первоначальные наработки и проекты Основного закона Союзного государства совместная российско-белорусская рабочая группа представила на заседании Высшего Государственного Совета (ВГС) 12 апреля 2002 г. Его члены, поддержав проделанную работу,

порекомендовали группе, чтобы сосредоточить свою деятельность в дальнейшем над концепцией и структурой будущего Конституционного Акта, рассмотрение которого намечалось двумя президентами в июне 2002 г. Однако после их встречи, 11 июня и разразился российско-белорусский «интеграционный кризис». Одной из его главных причин как раз и явился, судя по всему, белорусский вариант Конституционного Акта, с зафиксированными в нем принципами равноправия сторон и наложения права вето на постановления Союзных органов власти.

В этой связи доктор юридических наук Владимир Трофимов заметил, что проект, внесенный белорусской стороной, включал «положения о широком праве «вето» на любые решения или о том, что национальные конституции имеют приоритет над правовыми актами Союзного государства» [3]. В случае одобрения данного положения, как считала российская сторона, его реализация на практике могла бы привести к «войне законов», как это имело место в СССР, накануне его распада. Не устраивали российскую власть и предложения белорусов о введении поста президента в Союзном государстве. Об этом резко отрицательно высказывался и Д. Рогозин в 2002 году, опасаясь «захвата» власти законным путем А. Лукашенко. По его словам, «по сговору», когда два человека, один из которых стоит во главе России, другой — во главе Беларуси, договариваются о том, что, несмотря на разный вес этих двух образований они будут паритетны в своих правах: сначала один правит, потом второй. «От чего мы точно никогда не откажемся — так это от ощущения внутренней свободы и независимости. И тут вдруг кто-то предлагает назначить нам президента через процедуру какого-то странного образования — третьей формы союзного государства. Мы не хотим, чтобы нам назначили президента. Мы начальников уже наелись» [4].

В данном случае Рогозина, желающего политически похоронить Лукашенко, не устраивал один из разрабатываемых проектов

Конституционного Акта, предусматривающий равноправие двух суверенных стран в рамках Союзного государства с президентской формой правления, поскольку его позиция в 2002 г. сводилась к присоединению Беларуси к России на основе Конституции последней, согласно идеям, озвученным Путиным летом 2002 г., но отвергнутым политическим классом РБ и ее народом.

А это вынудило политическую элиту России изменить интеграционную тактику, в том числе и в разработке Конституционного Акта. 27 ноября 2002 г. состоялась встреча президентов В. Путина и А. Лукашенко, итогом которой стало создание новой двусторонней комиссии по подготовке Конституционного Акта, поскольку ранее созданная совместная группа для этой цели с сопредседателями Деминым и Козиком с возложенными на них задачами не справилась. Она не сумела составить его компромиссный вариант, устраивающий обе стороны. Новую комиссию возглавили спикер Государственной думы РФ Геннадий Селезнев и председатель Палаты Представителей Национального Собрания Беларуси Вадим Попов. С каждой стороны в ее состав вошли по 20 человек [5].

О целях данной комиссии рассказал на страницах «Союза» 26 декабря 2002 г. сопредседатель ее российской части Г.Н. Селезнев: «У нас задача конкретная — нужно разработать такой документ, — подчеркнул он, — в последней главе которого последней строкой было бы сказано: с момента принятия Конституционного акта действие Союзного договора прекращается… Мы хотим, чтобы будущий основополагающий документ напоминал именно Конституционный акт, чтобы руководствуясь им мы понимали: документ, во-первых, не вторгается в национальные законодательства, но он и не противоречит им, как любой крупный международный договор. Это должен быть не документ политического раздрая, а документ политической консолидации. Сложностей много — у нас и экономики разные, и уровень жизни, и

размер зарплаты. Мы говорим о такой структуре, где россияне и белорусы могли бы жить без границ, без таможни, с одинаковым правом на труд, на социальные гарантии. Это сложно, мы понимаем. Поэтому хорошо бы все сделать в 2003 году» [6].

Причем Селезнев даже высказал предположение, что выборы в парламентское собрание Союзного государства могут состояться уже в декабре 2003 г. Увы, выборы в парламент не состоялись и Конституционный Акт не был разработан не только в конце 2003 г., но и в последующий период вплоть до настоящего времени. И сдержанный оптимизм председателя Государственной думы так и не оправдался. И в этом, конечно, не вина Селезнева, Попова и членов возглавляемой ими совместной комиссии по составлению Конституционного Акта, а прежде всего руководителей двух стран. У них не хватило политической воли выработать компромиссный вариант данного документа.

Хотя комиссия, начиная с 15 января по 31 марта 2003 г. провела 5 заседаний [7], к ее работе привлекались как с белорусской, так и российской стороны крупные специалисты, правоведы, ученые, депутаты национальных парламентов, представители органов власти. 31 марта 2003 г. комиссия в основном одобрила подготовленный проект Конституционного Акта.

Причем ее работа над документом проходила весьма сложно. В ходе развернувшейся дискуссии на заседаниях комиссии, ее участники, эксперты, иногда вносили противоположные поправки, предложения в проект документа. Поэтому согласование его статей проходило непросто. Например, в начале февраля 2003 г. на втором заседании комиссии все же удалось 30 статей согласовать и найти по ним консенсус. Причем на данном этапе интеграции двух стран ее члены посчитали нецелесообразным давать определение в документ, «какое именно государство мы строим — федерацию или конфедерацию, или отвечать конкретно, является ли Союзное государство нового типа или переходного периода». Кроме того, составители проекта

Конституционного Акта не выделили и другую принципиальную его составляющую, «приоритетную тему о предметах ведения Союзного государства» [8].

19 февраля 2003 г. на очередном заседании данной комиссии по выработке проекта Конституционного Акта продолжался процесс согласования его спорных статей, хотя группа российских и белорусских экспертов до этого постаралась найти по ним консенсус. Однако и на этом заседании его участники вновь спорили о статьях, в которых речь шла о предметах исключительного и совместного ведения Союзного государства. К этому вопросу члены комиссии подходили с разных позиций. Например, председатель палаты представителей национального собрания РБ Вадим Попов считал, что в настоящее время не следует «излишне детализировать» указанные статьи, ибо учесть все в данный момент невозможно. Со своей стороны, председатель Центральной избирательной комиссии РФ Александр Вишняков указал на то, что ряд положений документа «повторяют ошибки СССР», ибо в них «заложена вероятность конфликта между Союзным парламентом и национальными парламентами». Причем Вишняков предложил уточнить в документе, на базе которого строится наше Союзное государство, чтобы «законы прямого действия, принятые Союзным парламентом, подлежали ратификации парламентами Беларуси и России» [9].

По мнению председателя Центральной избирательной комиссии РБ Лидии Ермошиной, в Конституционном Акте должен быть четко изложен вопрос о формировании общего бюджета, хотя предложение о введении специального «союзного налога» не нашло поддержки у членов комиссии [10], как непопулярной мере среди населения.

Много споров, разногласий как у экспертов, так и у членов комиссии вызывали статьи документа, регламентирующие политическое и государственное устройство Союзного государства. В этой связи председатель Комиссии по международным делам и национальной безопасности Совета Республики Национального

собрания Беларуси Николай Чергинец отмечал, что «наши российские коллеги поддержали, например, позицию белорусских участников комиссии в том, чтобы оставить на рассмотрение президентов варианты двух статей, в одной из которых «предусмотрена президентская форма правления и наличие поста вице-президента. Во второй зафиксировано, что государственную власть осуществляют Высший Госсовет, парламент, Совет министров. В этом случае председателем ВГС является глава одного из субъектов Союзного государства на основе ротации» [11].

11 марта 2003 г. в Минске прошло очередное заседание совместной российско-белорусской комиссии по подготовке проекта Конституционного Акта Союзного государства. Его провели сопредседатели Г. Селезнев и В. Попов. По их мнению, «работа комиссии успешно завершена, проект главного документа в хорошем состоянии и принят за основу», хотя требовалось еще экспертам «отшлифовать» его отдельные статьи». В подготовленном проекте Конституционного Акта содержалось 8 глав и 66 статей, «абсолютно конкретных по разным направлениям, но все они основаны на Союзном договоре, заключенном в 1999 году», — отметил В. Попов [12].

Как в самом начале работы комиссии, так и на заключительном этапе ее деятельности самыми спорными, дискуссионными вопросами в ходе составления Конституционного Акта являлись вопросы, касающиеся структуры высших органов власти, а также предметов исключительного и совместного ведения Союзного государства.

Так, в ходе составления документа и в представленных вариантах различными структурами немало вызвало споров положение о введении поста единого президента в Союзном государстве и формы его избрания. Например, вносилось предложение его избрать путем прямого голосования гражданами двух стран из числа претендентов. Но это не совсем устраивало белорусскую сторону, ибо избирателей в РФ насчитывалось больше, и

поэтому исход голосования мог быть не в пользу РБ. Другой вариант — выборы президента производить через Федеральное собрание Союзного государства, депутаты которого избирались населением двух стран. Высказывалась и такая точка зрения — избирать единого президента из ныне действующих, один из них глава государства РФ, второй — вице-президент от РБ. Поступало предложение и о формировании единого парламента, в который бы вошли в определенной пропорции и губернаторы регионов, из числа которых избирался бы и президент [7].

Однако совместная российско-белорусская комиссия во главе которой, как упоминалось, находились председатель Государственной думы РФ Г. Селезнев и руководитель Палаты представителей парламента РБ, на своем заседании 31 марта 2003 г. отклонила предложения о введении постов Союзного президента и вице-президента и утвердила проект документа для передачи его на рассмотрение Высшего Государственного Совета. Но некоторые важные вопросы так и остались ей неурегулированными, «ненеутрясенными», в том числе и такого порядка: «Каким будет Союзное государство?», «Кто станет во главе его?» и «Когда же окончательно будет принят Конституционный Акт?» [13].

2 апреля 2003 г. проект документа предварительно рассматривался на заседании Союзного правительства, об итогах работы над которым докладывали руководители групп российских и белорусских экспертов. Так, с российской стороны, заведующий сектором Института государства и права РАН Алексей Автономов в своем выступлении отметил, что за основу составления проекта Конституционного Акта был взят Договор о создании Союзного государства. В ходе работы над документом рассматривалось около 200 различного рода поправок, внесенных различными министерствами и ведомствами, две трети которых в него внесли. Проект, в отличие от Договора, дополнили новой главой о правах

граждан, уточнили положения о Союзном парламенте, Государственном Совете.

Со своей стороны, директор Национального центра законопроектной деятельности при Президенте РБ Игорь Андреев, руководивший группой белорусских экспертов, рассказал о сложной, напряженной работе над документом. Поскольку, по его словам, ведь «Союзное государство — это новое устройство, такой формулы на сегодняшний день еще не существовало». Причем он признал, что «у нас есть еще спорные моменты, мы их намерены дорабатывать». Однако несколько иную, хотя и образную оценку на заседании правительства дал премьер-министр РФ Михаил Касьянов. «Сделана лишь «болванка». Есть документ, который можно править, чиркать» [13]. Из такого суждения следовало, что представленный проект Конституционного Акта в принципиальном плане российскую сторону не устраивал. Об этом можно судить и по заявлению Г. Селезнева, по словам которого Президент России В. Путин «попросил рабочую группу обратить внимание на несколько статей проекта этого документа, которые требуют уточнения». В то же время, по данным Селезнева, А. Лукашенко признал, что подготовленный «проект Конституционного Акта Союзного государства «белорусскую сторону устраивает» [14]. Но дело до рассмотрения его на ВГС так и не дошло.

Из вышеуказанного, на наш взгляд, напрашивается вывод, что как первая российско-белорусская группа во главе с Деминым и Козиком, так и вторая — под руководством Селезнева и Попова, созданная по инициативе А. Лукашенко для составления Конституционного Акта, поработала «вхолостую», не справилась с поставленными перед ней задачами, не подготовила компромиссный вариант документа, удовлетворяющий в полном объеме политическую элиту двух стран и, прежде всего, российскую. Поэтому можно считать, что с лета 2003 г. разработка и проекта Конституционного Акта зашла в тупик вследствие серьезных

разногласий о его тексте. Таким образом, политическая российско-белорусская интеграция приостановилась, и основная вина за это ложилась на руководство двух стран и в первую очередь на правящий класс РФ, выступавший, судя по всему, против включения в Конституционный Акт принципа равноправия двух независимых суверенных стран в Союзном государстве. По-видимому, политики РФ рассчитывали по-прежнему в перспективе включить Беларусь в состав России. Об этом можно судить и по оценке В. Путина по поводу основного документа, высказанной им в 2003 г.

15 сентября 2003 г. на пресс-конференции ему задали вопрос: «Владимир Владимирович, каким образом Российская Федерация планирует проводить одновременно с Белоруссией референдум по Конституционному акту?». «Если Конституционный акт будет согласован в окончательном виде, — ответил Путин, — и это потребует референдума по Конституционному акту, то мы это сделаем… Мы сделаем все, что требуется внутренним законодательством. Это технический вопрос. Главное, чтобы мы пришли к пониманию того, каким должен быть этот Конституционный акт. Я ни на секунду не сомневаюсь, что подавляющее большинство граждан России поддерживают этот процесс и выскажутся на референдуме, если мы будем его проводить, в пользу объединения России и Белоруссии. Мы обсуждали этот вопрос с Александром Григорьевичем. Могу только повторить то, что говорил ему. Кроме того, я публично уже высказывался на этот счет. Россия — федеративное государство с федеративным устройством и Конституция у нас сделана под федеративное устройство, а Белоруссия — унитарное государство и соответственно имеет Конституцию унитарную» [15]. Из данной оценки следует, на наш взгляд, такая мысль: В. Путин по-прежнему и в 2003 г. придерживался позиции на российско-белорусскую интеграцию, сформулированную им летом 2002 г. Кроме того, негативно сказались в дальнейшем на ходе разработки проекта Конституционного Акта

результаты парламентских и президентских выборов в РФ. Их итогом стало и заметное обновление совместной комиссии по его составлению. 15 марта 2005 г. на заседании Союзного правительства рассматривался вопрос о ее изменении. Сопредседателем комиссии с российской стороны был назначен спикер Государственной думы Борис Грызлов, а с белорусской — руководитель Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь Владимир Коноплев [16].

22 апреля 2005 г. на заседании Высшего Государственного Совета В. Путин дал такое указание новым, «третьим», разработчикам проекта Конституционного Акта: они в своей работе над ним должны принимать во внимание и просчитывать «каждый нюанс» [17].

Однако обновление состава комиссии по разработке Конституционного Акта не только не ускорило завершение работы над ним, а наоборот, ее приостановило.

Хотя общеизвестно, что ни одна страна не может существовать без Основного закона, в том числе и будущее Союзное государство РБ и РФ. Ведь из-за отсутствия нормативно-правовой базы как экономическая, так и политическая интеграция двух стран, мягко выражаясь, сильно тормозилась, а, по сути, отсутствовала вообще. Если же судить по некоторым заявлениям официальных лиц, то составление Конституционного Акта совместной комиссией вроде бы продолжалось и в 2005 г. Так, по данным Б. Грызлова, к январю 2006 г. комиссия рассмотрела свыше 150 замечаний и поправок к документу, большинство из которых было принято [18]. По его оптимистической оценке, в этом году будут сняты все препятствия, стоящие на пути строительства Союзного государства и созданы условия для принятия Конституционного Акта и выборов в парламент. Однако, когда пришел декабрь месяц 2006 г., а Конституционного Акта так и не появилось, Б. Грызлов, оправдываясь перед озабоченными парламентариями двух стран, вынужден был констатировать, что документ «в настоящее время

имеет достаточно высокую степень готовности, но есть вопросы, которые должны согласовать президенты» [18, 19].

Председатель Комиссии по вопросам внешней политики Парламентского Собрания Союза Беларуси и России Николай Чергинец на встрече с журналистами в конце августа 2006 г. заявил, что проект Конституционного Акта «готов на 99 процентов, слово осталось за руководителями двух стран. Им решать, быть ли президенту Союзного государства или оставить ВГС. Мы ждем заявлений от глав Беларуси и России». Причем парламентарий также с оптимизмом подчеркнул: документ может быть принят путем проведения референдума уже в 2006 г. [20].

С подобными радужными заявлениями в октябре 2006 г. выступили председатель Совета Федерации России Сергей Миронов и руководитель Палаты представителей Национального Собрания Беларуси Владимир Коноплев, по мнению которых совместная комиссия подготовила для рассмотрения ВГС проект Конституционного Акта, за исключением вопросов, которые должны решить президенты [21].

Один из таких фундаментальных спорных вопросов сторон, как выше отмечалось, выносимых на рассмотрение руководителей РБ и РФ — это вопрос о верховной власти, о президентской форме правления в Союзном государстве. Причем наиболее принципиальным и последовательным защитником этой идеи являлся П. Бородин. Вот как он аргументировал свою позицию, когда редакция газеты «Союз» 30 марта 2006 г. задала ему вопрос: некоторые российские средства массовой информации как сенсацию расценили слова А. Лукашенко, сказанные им 20 марта о том, что он «не исключает возможности» введения поста президента Союзного государства? Этот вопрос будет решаться, отвечал Бородин, президентами наших государств в интересах наших народов, в интересах углубления белорусско-российской интеграции. «Не вижу ничего сенсационного в этих словах».

Развивая эту мысль, Бородин подчеркивал: «Я считаю, что в Союзном государстве необходима президентская вертикаль власти. Дело в том, что и Беларусь, и Россия — страны, которые успешно развивались при наличии крепкой власти». В целях доказательства своей позиции он сослался почему-то на мнение белорусского просветителя XVII в. Симеона Полоцкого, выступавшего за «сосредоточение всей полноты государственной власти в руках одного правительства». Он обосновывал это и тем, что только такая сильная власть может объединить Беларусь и Россию. Мечтая, по-видимому, в перспективе о монархической власти в Союзном государстве и о включении РБ в состав РФ, Бородин полагал, что Союзное государство «не сможет эффективно развиваться без самостоятельной и сильной власти в лице президента». По Бородину, именно он обеспечивает «согласованное взаимодействие всех ветвей власти», нес бы ответственность за построение Союзного государства, за соблюдение прав и свобод граждан. Поэтому Государственного секретаря явно не устраивал проект Конституционного Акта, выработанный совместной белорусско-российской комиссией, в котором отсутствовал в Союзном государстве пост президента. В этой связи он считал необходимым составленный проект изменить, чтобы главным органом являлся не Высший Государственный Совет, а президент в паре с вице-президентом [22]. Причем, по Бородину, президент Союзного государства должен избираться гражданами на срок 7 лет, обеспечивая тем самым вертикаль власти и последовательно решать долгосрочные задачи [23].

Позиция Бородина о необходимости введения должности президента в Союзном государстве нашла отражение и в разработанном, по-видимому, в аппарате возглавляемого им Постоянного комитета концепции «О государственно-правовом развитии интеграционного процесса Белоруссии и России», на содержании которого мы несколько подробней и остановимся [24].

Составители документа считали, что в нем должны быть определены, в первую очередь, предметы исключительного ведения Союзного государства, те суверенные полномочия, которые передадут Беларусь и Россия его органам, что в дальнейшем потребует изменения национальных конституций. Причем нормативно-правовые «акты Союзного государства, принятые по предметам его исключительного ведения, должны иметь прямое действие и быть обязательными для исполнения» его субъектами. Авторы концепции относили в исключительное ведение Союзного государства основополагающие задачи, необходимые для его эффективной деятельности, как оборона, пограничная политика, военное сотрудничество, валютная, таможенно-тарифная, денежно-кредитная политика, объединенные транспортные и топливно-энергетические системы, системы связи, вопросы гражданства, международная деятельность, бюджет, управление совместной собственностью. К совместному ведению составители документа относили и вопросы, связанные с реализацией защиты основных прав и свобод человека, охрану окружающей среды, а также гармонизацию и унификацию законодательств субъектов Союзного государства; единую социальную политику, формирование единого научного, образовательного, культурного и информационного пространств.

В разделе «Система власти» авторы концепции предлагали в Конституционный Акт записать введение президентской должности в Союзном государстве, поскольку Беларусь и Россия относились к тем странам, которые, по их мнению, могут успешно развиваться только при наличии «единоличной власти», а введение «института вице-президента позволит обеспечить равновесие и баланс интересов стран — участников Союзного государства». Причем высказывались различные варианты формирования президентской власти, один из них — избрание одновременно президента и вице-президента гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, второй вариант — совмещение поста

президента Союзного государства с постом Президента РФ, а поста вице-президента — с должностью президента РБ. Наконец, разработчики документа допускали, что, если президент Союзного государства обязательно избирается прямым всеобщим голосованием, то при таком варианте вводятся два поста вице-президента, их занимают по должности руководители Беларуси и России. Причем срок полномочий президента и вице-президентов устанавливался в 7 лет, ибо, как подчеркивали авторы концепции, «опыт показывает, что за 4 года объективно невозможно провести реформы, успешно реализовать планы социального и экономического развития».

При этом они настаивали на скорейшем формировании и представительных органов власти, в том числе однопалатного парламента Союзного государства, не превышающего по числу 100 человек, который следует избирать «всенародно».

Исполнительную власть представляет Совет министров Союзного государства, в который должны входить представители правительств стран-участниц. Его возглавляют премьер-министры двух стран. Этот орган осуществляет стратегическое руководство, определяет экономическую политику, принимает обязательные к выполнению в рамках своей компетенции нормативно-правовые акты.

Постоянно действующим национальным органом исполнительной власти Союзного государства предлагался комитет, с расширением его полномочий до аналогичного уровня, статуса Европейской комиссии. Кроме того, предусматривалось и создание Конституционного суда, как высшего органа судебной власти, к компетенции которого следовало отнести «разрешение споров в рамках правового поля Союзного государства». Наднациональным контрольным органом предлагалась Счетная палата, в ее задачу входило бы «обеспечение контроля над реализацией бюджета Союзного государства», использование его средств [24].

На наш взгляд, представленная интеграционная Концепция, хотя и не давала четкие ответы на часть вопросов о формах, темпах

строительства Союзного государства, его устройстве, структуре власти, тем не менее, ее содержание в основном опиралось на положения Договора от 8 декабря 1999 г., она их конкретизировала, развивала дальше и ориентировала скорее, как нам представляется, на конфедеративную форму государственного устройства с перспективой на создание федерального государства. Ее формулировки, мысли, как нам представляется, совпадали во многом с точкой зрения П. Бородина, в том числе и о необходимости введения поста президента в Союзном государстве, закрепив это принципиальное положение в Конституционном Акте. Такая позиция была близка и белорусской стороне, включая А. Лукашенко, мечтавшего, думается, попасть при случае, в определенное время, на какой-то срок на «Союзный трон», в Московский Кремль.

Однако подобный в перспективе сценарий развития политической интеграции двух стран явно не устраивал правящую элиту РФ, отношение к которому было отрицательное как в период разработки Договора о создании Союзного государства, так и во время составления Конституционного Акта в начале XXI в. Задача политиков РФ заключалась в том, чтобы под видом единения двух родственных народов не позволить введения президентской формы правления в Союзном государстве и тем самым не пустить «последнего диктатора» Европы Лукашенко в Кремль. Поэтому с российской стороны предпринимались усилия, чтобы в вырабатываемом проекте Основного закона Союзного государства не предполагалось введение президентского поста.

В 2005—2006 годах кроме основного совместного официального проекта Конституционного Акта появилось еще 8 вариантов, а по подсчетам того же Бородина, их количество к сентябрю 2006 г. достигало уже 9, один из которых был опубликован в печати. Существование такого большого числа проектов Основного документа — показатель тупиковой ситуации, его «бумажного

затмения», наличия глубоких разногласий не столько среди разработчиков, сколько среди политического класса РБ и РФ.

Тем не менее, П. Бородин и в 2006 г. был настроен оптимистично на принятие Конституционного Акта, рассчитанного на переходный период. Как выражался Государственный секретарь, из имеющихся вариантов проекта остается выбрать тот, который удовлетворял бы обе стороны, российскую и белорусскую, а технически и юридически реально проведение референдума по Конституционному Акту в двух странах в декабре 2006 г. [25, 26].

Однако прогнозы Бородина, как и некоторых других политиков, рожденные на маниловских интеграционных идеях, не претворялись в жизнь. Конституционного Акта не появилось ни в декабре 2006 г, ни в последующие годы. О том, что его разработка зашла в тупик, постепенно начал осознавать и главный «интегратор» Бородин. А ведь без наличия основополагающего закона невозможно было реализовать строительство Союзного государства. Так, 1 ноября 2007 г. он констатировал: вопрос о составлении данного документа «назрел давно», без него нельзя создавать Союз. «Нам сегодня нужны законы, нормативно-правовая база» [27].

26 ноября 2009 г. Бородин, говоря о трудностях российско-белорусской интеграции, вновь в качестве главной ее причины назвал отсутствие нормативно-правовой базы и Союзного парламента. «Я десять лет об этом твержу, — признал он, — и надеюсь, что в 2010 году такие решения будут приняты» [28].

Однако прошел и 2010 г., а надежды Бородина и на сей раз так и не оправдались, Конституционного Акта как не было, так и нет. И он, наконец-то, поняв тупиковую ситуацию, сложившуюся с его разработкой, накануне своей отставки из принципиального интегратора-оптимиста трансформировался в пессимиста, разочаровавшегося в «черепашьих» темпах строительства Союзного государства. 4 августа 2011 г. в интервью газете «Союз» по поводу судьбы Конституционного Акта, он, с одной стороны, указал на

наличие более 300 нормативно-правовых актов и свыше 150 двусторонних международных договоров Союзного государства, а с другой — с горечью сказал, что вопрос о принятии Конституционного Акта «остается на сегодняшний день одним из ключевых вопросов интеграции… Его отсутствие становится главным препятствием, затрудняющим дальнейшее развитие объединения… К сожалению, вынужден констатировать, что последнее заседание российско-белорусской комиссии по подготовке проекта Конституционного Акта Союзного государства состоялось более пяти лет назад. Работа над проектом фактически заморожена и такая ситуация не внушает оптимизма. Повторю, что только принятие Конституционного Акта и окончательное формирование правовой системы Союзного государства с ее эффективно действующими правовыми институтами, включая систему органов государственной власти и четкую иерархию нормативно-правовых актов, позволит перевести интеграционные процессы между Беларусью и Россией на качественно иной уровень» [29].

В силу занимаемой должности, П. Бородин, делая красноречивое, правильное, но запоздалое признание, не объяснил причины, почему же «заморозили» разработку Конституционного Акта и кто несет за это ответственность. Ведь над этим основополагающим документом с октября 2001 г. почти десять лет трудились в «поте лица» сотни, если не тысячи специалистов, правоведов, экспертов, политиков, парламентариев. За указанный период были созданы различные комиссии, подкомиссии, рабочие группы, проведены многочисленные заседания и встречи, написаны горы бумаг. А результат оказался нулевой, все свелось к заседательной суетне, к «бумажной канители» — вся эта работа, по сути, проделана была вхолостую.

В отличие от Бородина, бывшего высокопоставленного чиновника, аппаратчика, постоянно занимавшегося союзным строительством, на наш взгляд, искреннего и принципиального

сторонника, не только по должности, но и по убеждению, единения двух родственных народов, хотя иногда предлагавшего и маниловские проекты типа строительства Союзного парламентского центра в Санкт-Петербурге или сооружения транспортного коридора от Атлантики до Владивостока, мы попытаемся раскрыть факторы, приведшие к «похоронам» Конституционного Акта. И почему же политическая интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь так и не состоялась. Хотя частично об этом речь уже шла выше. Причины тому, прежде всего, следует искать в поведении, в настроениях политического класса двух стран и, в первую очередь, их руководителей. Они по-разному смотрели на темпы, формы, методы строительства Союзного государства, его устройство. А непринятие Конституционного Акта стало закономерным следствием «замораживания» Договора от 8 декабря 1999 г., по сути его денонсирования летом 2002 г. Ибо не по своей инициативе последняя совместная российско-белорусская комиссия Грызлова-Коноплева по составлению проекта Конституционного Акта, его «заморозила», приостановила над ним свою работу в 2006 г. Она с этого времени не собиралась ни разу, ведь не по своей инициативе, как утверждал Бородин в августе 2011 г.

Такой длительный перерыв в ее работе, продолжающийся и до настоящего времени, случайным эпизодом назвать нельзя. Он исходил от двух президентов, не сумевших поделить верховную власть в предполагаемом Союзном государстве, в соответствии с разрабатываемым Конституционным Актом. Они не могли его согласовать, договориться во время встреч и бесед в течение 2003—2005 годов. Между ними существовали серьезные, глубинные разногласия о темпах, формах строительства Союзного государства, его устройстве. Руководство Беларуси считало, что опираясь на принципиальные положения Договора от 8 декабря 1999 г., в которых изложены процессы как политической, так и экономической интеграции двух стран, нужно составить такой Основной закон на

переходный период, который был бы по содержанию намного сильнее Договора, где бы определялись конкретные цели, задачи по интеграции по всем направлениям. По мнению Лукашенко, Конституционный Акт — это фундамент всей российско-белорусской интеграции, на принципах равноправия двух независимых стран. Политическая элита РФ, наоборот, исходя из интеграционных предложений В. Путина лета 2002 г. предполагала включение РБ в состав России. Поэтому она иначе смотрела на содержание Конституционного Акта и методы строительства Союзного государства. Прежде чем его принимать и реализовывать политическую интеграцию двух стран, надо сначала объединить экономику, в том числе сформировать валютную интеграцию, ввести единую денежную систему. Такой подход не устраивал политический класс Беларуси, поскольку он боялся, что с введением единой валюты страна может потерять суверенитет, оказаться в составе РФ.

Вот как излагал собственную позицию относительно разработки проекта Конституционного Акта А. Лукашенко на протяжении нескольких лет. Так, 24 октября 2003 г. на организованной пресс-конференции, продолжавшейся 3,5 часа, он объяснял: в договоре о строительстве Союзного государства прописана последовательность интеграции двух стран. «Беларусь настаивает на строительстве фундамента Союзного дома, принятие Конституционного Акта. Россия же предлагает начинать с крыши, то есть вводить единую валюту. Беларусь вовсе не против того, чтобы вводить российский рубль, но нам нужны гарантии, что нам «не перекроют денежный кран». Эти гарантии должны быть закреплены в Конституционном Акте. А не наоборот» [30].

В июле 2004 г. на пресс-конференции, посвященной 10-летию пребывания А. Лукашенко на посту президента Беларуси, отвечая на вопрос об отношениях с Россией, он сказал: «Конституционный Акт готов, несколько вариантов. Мы выступаем за то, чтобы эта

Конституция была не слабее ныне действующего Договора. Российская сторона не готова к тому, чтобы принять сильную, настоящую Конституцию. Коль не готовы, то мы понимаем это. «Введение единой валюты — это верхний этаж здания. С верхнего этажа здание не строится, если не выполнен нижний венец, нижний венец означает, что надо выполнять те договоренности, которые нами подписаны, но не выполнены. В этом суть нашей позиции. Вынося за скобки вопросы единой валюты и Конституционного Акта, мы расчистили поле для дальнейших действий в политике и экономике» [31].

В данном случае за мягкой формулировкой Лукашенко о том, что президенты в связи с возникшими глубокими разногласиями по двум главным вопросам о Конституционном Акте и единой валюте, «вынесли за скобки», скрывалось то, что их просто «заморозили», а по существу «похоронили». Тем самым они наложили своего рода «жирный крест» на реальную политическую и экономическую интеграцию двух стран, не найдя компромиссного решения. Подтверждением тому служит и очередное замечание белорусского лидера, высказанное на встрече с российскими журналистами 23 ноября 2005 г. По его словам, 22 ноября в согласованный более или менее проект Конституционного Акта неожиданно поступили новые предложения из администрации президента России, которые, «конечно, нуждаются в доработке», причем в нем отсутствовала должность президента Союзного государства.

При этом Лукашенко отверг все критические оценки в свой адрес, будто он «тормозит» российско-белорусскую интеграцию, принятие Конституционного Акта, обвинив в ее торможении руководство РФ. По его мнению, некоторые политические силы России утверждают, что Лукашенко не хочет введения единой валюты, но она «может быть введена в государстве, когда будет принят Конституционный акт. Это все в Договоре прописано! Нам говорят: нет, берите нашу валюту, свою выбрасывайте», потом будем

думать, что делать и Конституционный акт принимать. Я им говорю: да не строится дом с крыши, он строится с фундамента» [32].

Эту же мысль развивал белорусский президент и в беседе с председателем ЦК КПРФ Геннадием Зюгановым в конце января 2007 года. По его мнению, мы должны были в 2006 г. провести референдум по принятию Конституции будущего Союзного объединения, но сорвали его руководители РФ. «Им это не надо, и они выкатили единую валюту в виде российского рубля. Но это лишь один из разделов Конституции. Может это будет российский рубль, но давайте пропишем это в Конституции» [33].

Подобные «антироссийские» настроения Лукашенко излагал 1 июня 2009 г. на встрече с главными редакторами российских газет «Известия», «Завтра», журналов «Российская Федерация сегодня» и «Союзное государство». Согласно его концепции, в Конституционном Акте должны быть прописаны все составляющие Союзного государства, чем оно должно заниматься, в том числе и о единой валюте, органах управления, о сферах ведения и следовало провести по Основному закону референдум. «Почему это не провели? — спрашивал президент журналистов и отвечал: — Вы думаете, потому что Белоруссия этого не хотела или Лукашенко злейший враг интеграции? Нет, этого не хотела Россия. Почему? Я постоянно задавал этот вопрос… Почему несколько вариантов Конституционных актов лежат на столе? Был белорусский вариант, был российский. Мы вроде бы согласовали эти варианты. Ну а потом нам начали намекать, что не будет Конституционного Акта, не будет референдума. И нам предложили: давайте вводить российскую валюту. Я говорю: «Подождите, в Договоре четко написано, с такого по такой год роль единой валюты будет выполнять рубль Российской Федерации. А с 1 января 2008 года у нас должна быть единая валюта. Это может быть не российский рубль. Это как договоримся, и единый эмиссионный центр. Это не значит, что единым эмиссионным центром будет обязательно

Центробанк России. Может быть. Но это не факт. Все это мы должны прописать в Конституционном Акте» [34].

О проблемах, связанных с формированием единой валюты требуется специальное исследование. Сейчас же подчеркнем еще раз, что в ее навязывании Беларуси руководством РФ Лукашенко усматривал злой, коварный имперский замысел — поглотить суверенитет его страны. Поэтому он настойчиво добивался на переговорах, чтобы в соответствии с Договором о строительстве Союзного государства в Конституционный Акт, который надо принять, в первую очередь зафиксировать и принцип равноправия двух суверенных независимых стран. Например, в феврале 2008 г. на встрече со студентами Белорусского государственного университета, он констатировал, что «Конституция Союзного государства должна быть не слабее ныне действующего Договора о создании Союзного государства», в ней должен «соблюдаться принцип равноправия», без него «никакой Союз не имеет перспектив» и Беларусь не отойдет от этой принципиальной позиции [35].

В отличие от резких, подчас эмоциональных оценок по поводу судьбы Конституционного Акта, исходящих от А. Лукашенко с обвинительным нередко уклоном в адрес руководства России, последнее публично на эти выпады никак не реагировало, хранило молчание, даже не упоминало о проекте Основного закона Союзного государства. Ибо политическая элита РФ этот вопрос решила еще летом 2002 г., предложив две модели интеграции: вхождение РБ в состав России или же объединение по типу Европейского союза, отвергнутые белорусским руководством.

В то же время некоторые официальные лица РФ публично о проекте Конституционного Акта все же иногда высказывались, по сути, подтверждая критические оценки Лукашенко. Российская верховная власть, как упоминалось, вместо разработки Конституционного Акта, политической интеграции, действительно,

предлагала сосредоточить все внимание на сближении двух экономик, формировании единой валюты, «позабыв» об Основном законе Союзного государства. Например, Б. Грызлов в начале 2007 г. признавал, что разработка Конституционного Акта оказалась работой непростой, для его принятия потребуется «длительный процесс сближения», в том числе по экономическим вопросам. А успех этого сближения будет «зависеть во многом от того, удастся ли нам сохранить реальные доверительные союзнические отношения» [36].

Посол РФ в Беларуси Александр Суриков в феврале 2008 г., говоря о существующих проектах Конституционного Акта, констатировал, что в них не определен «полный объем полномочий Союзного государства», в частности по единому таможенному, энергетическому, транспортному пространствам. «По этим направлениям мы должны определить свои полномочия. Это не утеря суверенитета и независимости в полном смысле этого слова, это передача части суверенитета» [37].

5 апреля 2012 г. Суриков повторил данную мысль о неготовности принять Конституционный Акт российской стороной. «Мы пока не привыкли к мысли, что суверенитет и независимость в большей степени укрепляются через повышение уровня жизни граждан. А для этого как раз и нужны интеграционные процессы, их законодательное цементирование Конституцией Союзного государства и передачей части своих суверенных полномочий национальным органам. Сейчас в каких-то проектах Конституции написано: один голос России, один — Беларуси. Европа к этому долго шла, но приняли они Лиссабонский договор. Нам еще предстоит работать над этим» [38].

В феврале 2012 г. на встрече с депутатами Государственной думы директор Второго департамента СНГ МИД РФ Виктор Сорокин высказался, прежде всего, за экономическую интеграцию. В ответ на замечание ответственного секретаря Парламентского собрания Союза

Беларуси и России, что «дальнейшая судьба Союза и успешное развитие Союзного государства во многом зависит от принятия Конституционного Акта», Сорокин заметил: «Без солидной экономической базы ни одно политическое образование функционировать нормально не может и долго не продержится, поэтому вся российская политика на белорусском направлении сконцентрирована на решении крупных экономических вопросов» [38].

Спору нет, экономики двух стран должны играть ключевую роль в интеграционных процессах, готовить предпосылки, условия для создания Союзного государства. Но и на этом направлении российско-белорусской интеграции дела обстояли не лучшим образом на протяжении последних 11 лет. На наш взгляд, следовало бы не противопоставлять искусственно процессы политической интеграции экономической двух стран, а постепенно, поэтапно, совместно их двигать вперед, устраняя препятствия, проблемы, в том числе и с помощью принятия Конституционного Акта, работу над которым «заморозили» и это сделали не столько по объективным причинам, которых существовало немало, а, думается, прежде всего, по субъективным факторам, из-за отсутствия политической воли у руководителей двух стран, нежелание жертвовать частью собственной власти, их амбиций, претендующих на первые роли в будущем Союзном государстве. В этой связи приведем точку зрения шеф-редактора газеты «Союз. Беларусь — Россия» Александра Батыгина, высказанную 21 апреля 2005 г.: «Причина, сдерживающая продвижение Конституционного Акта в жизнь упирается еще в один барьер, — писал он. — Его можно свести к короткому тезису: руководители не хотят или не знают, как поделиться властью. Тут мешают и исторические «традиции» держаться за кресло до последнего издыхания, и неприятие, а то и отторжение демократических правил игры во властных структурах. Тут для нас

еще сплошная «терра инкогнита» и никакие ссылки на опыт Евросоюза не помогут. Мы всегда шли своим путем» [39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2002. 21 февраля.
2. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2002. 30 мая.
3. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2002. 28 марта.
4. Белорусская газета. 2002. 21 октября.
5. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2002. 5 декабря.
6. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2002. 26 декабря.
7. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 16 янв.; Иллюстрированная история Союзного государства. М., 2004. С. 20—21.
8. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 6 февраля.
9. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 20 февраля.
10. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 27 февраля.
11. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 6 марта.
12. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 13 марта.
13. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 3 апреля.
14. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2003. 16 октября.
15. Дипломатический вестник. — 2003. — № 10 — С. 64.
16. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2005. 17 марта.
17. Цит. по: Российская газета. 2005. 23 апреля.
18. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2006. 26 января; 14 декабря.
19. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2006. 19 января.
20. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2006. 31 августа.
21. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2006. 19 октября.
22. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2006. 19 октября. 26 января; 30 марта.

23. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2007. 22 ноября.
24. Союзное государство. —2009. — № 8. —С. 20—24.
25. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2006. 28 сентября.
26. Союзное государство. —2006. —№ 2. — С. 20
27. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2007. 1 ноября.
28. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2007. 3 декабря.
29. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2011. 4 августа.
30. Советская Белоруссия. 2003. 25 октября.
31. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2004. 22 июля.
32. Советская Белоруссия. 2005. 24 ноября.
33. Советская Россия. 2007. 1 февраля.
34. Российская Федерация сегодня. —2009. — № 12. — С. 18—19.
35. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2008. 14 февраля.
36. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2007. 1 февраля.
37. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2008. 17 февраля.
38. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2012. 5 апреля.
39. Союз. Беларусь — Россия. Еженедельное приложение к «Российской газете». 2005. 21 апреля.

УДК 327

В. И. Мусаев

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЫ

1988 год, ознаменованный первым серьезным кризисом межнациональных отношений в СССР, фактически положил начало процессу децентрализации союзного государства. В стране сформировалось несколько очагов кризиса, одним из которых стала Прибалтика. Развитие событий в этом регионе не принимало таких острых форм, как в некоторых других союзных республиках (закавказских, среднеазиатских, в Молдавии), здесь дело не доходило до кровавых межэтнических столкновений и открытых военных конфликтов. Однако именно прибалтийские национальные движения первыми взяли курс на отделение своих республик от Советского Союза и восстановление их полного государственного суверенитета. Прибалтийский сепаратизм оказал стимулирующее воздействие на усиление центробежных тенденций в других союзных республиках и в известной степени стал катализатором дезинтеграционных процессов в стране.

Массовому движению в республиках Прибалтики предшествовала кампания в прибалтийской прессе, начавшаяся весной 1987 г., вскоре после визита Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Ригу и Таллинн, имевшего место в феврале того же года. Речи, произнесенные Горбачевым во время этой поездки, угнетающе подействовали на представителей местной

интеллигенции. Из них стало ясно, что надеждам прибалтийцев на существенные перемены в политике союзного Центра, связанные с провозглашением политики «перестройки» и «нового мышления», не суждено оправдаться. В результате в прессе начали появляться публикации, в которых пока еще осторожно критиковалась политика Кремля в Прибалтике и звучали высказывания в защиту прав прибалтийских республик и их населения. В частности, эстонский писатель Теэт Каллас в двух номерах журнала ”Sirp ja Vasar” («Серп и молот», за 6 и 13 марта 1987 г.) выступил в защиту эстонского языка и за расширение его прав в официальной сфере на территории республики. В том же духе высказывался публицист Мати Хинт на страницах популярного еженедельника ”Vikerkaar” («Радуга»). 26 сентября того же года в тартуской газете «Эдази» была опубликована разработанная группой деятелей эстонской республиканской компартии программа экономического самоуправления Эстонии, известная под аббревиатурой ИМЕ (IME – Ise Majandav Eesti, примерный перевод – «самоуправляющаяся Эстония»; само же слово ”ime” в переводе с эстонского языка означает «чудо») [1, с. 74-79]. Эта программа осталась на бумаге: на тот момент в глазах кремлевских политиков она выглядела слишком смелой, а позднее, когда Москва была бы готова пойти на подобные уступки, ограниченная самостоятельность уже не удовлетворяла самих прибалтийцев.

Летом-осенью 1987 г. в Прибалтике начались массовые политические акции. В Риге 14 июня – в годовщину депортации 1941 года – созданная в июле 1986 г. в г. Лиепая группа «Хельсинки-86» организовала возложение цветов к памятнику Свободы [2, с. 113]. Эта акция положила начало т.н. «календарным беспорядкам» – массовым публичным выступлениям, приуроченным к знаменательным дням памяти в Прибалтике. В августе в трех республиках прошли протестные акции в связи с очередной годовщиной советско-германского договора 1939 г. Наиболее массовый характер имел

митинг 23 августа, в день подписания договора, в Риге, где в центре города у памятника Свободе собрались около 7000 человек (в Таллинне число демонстрантов доходило до 2000 человек, в Вильнюсе оно оценивалось в 500-1000 человек) [3]. Милиция пыталась разогнать митинг, многие его участники были задержаны. Власти прилагали усилия, чтобы не допустить массовых акций 18 ноября, в день провозглашения независимости Латвии. Места возможных скоплений людей были перекрыты милицейскими кордонами [4, с. 310-311]. ЦК республиканской компартии, однако, позднее возобладала точка зрения о недопустимости действовать исключительно силовыми методами. На следующий год руководство республики допустило некоторые послабления по отношению к общественным движениям [5, с. 396-397]. 25 марта 1988 г. власти не препятствовали проведению в Риге демонстраций в память о массовой высылке жителей Латвии в Сибирь в 1949 г. Число участников этих демонстраций оценивалось более чем в 25 000 человек [1, с. 87].

Известную роль в развитии национального движения в Прибалтике сыграли экологические организации. В Латвии, например, еще осенью 1986 г. началась активная кампания в прессе против плана строительства гидроэлектростанции в Плявиняс на Даугаве. После того, как с рекомендациями против строительства гидроэлектростанции высказалась союзная Академия Наук, Совет Министров СССР уступил давлению и в ноябре 1987 г. аннулировал проект [4, с. 304-305]. Широкую известность в республике получила деятельность Клуба защиты окружающей среды, известного под аббревиатурой ВАК (VAK – Vides Aizsardzibas Klubs). В 1988 гг. ВАК сумел не допустить реализации проекта строительства метрополитена в Риге, а в 1989 г. организовал массовые демонстрации протеста против загрязнения акватории Балтийского моря. Популярность клуба была весьма высока: в 1989 г. в его рядах насчитывалось более 35 000 членов [1, с. 84-85; 6, с. 321].

В Эстонии начало массовым протестным кампаниям также положило экологическое движение. Весной 1987 г. разгорелась так называемая «фосфорная война» – кампания протеста против планов начать разработку фосфорных шахт на возвышенности Пандивере в районе Раквере, на площади около 2000 км² (около 4 % всей территории республики), которая имела бы следствием резкое ухудшение экологической обстановки в Эстонии и новый приток рабочей силы извне [7]. Еще в конце ноября 1986 г. вопрос о залежах фосфоритов на годовом собрании Союза писателей СССР затронули эстонские представители А. Валтон и Л. Мери. В феврале 1987 г. сюжеты о фосфоритных шахтах прошли по эстонскому телевидению [8, с. 101-102]. Это вызвало в республике широкий общественный резонанс. В протестные акции включились, в частности, республиканская Академия Наук, профессура и студенты Тартуского университета, Ассоциация эстонских юристов. Свое слово сказал архиепископ Эстонской Евангелическо-Лютеранской церкви. Союзные и республиканские власти в итоге были вынуждены отступить и отказаться от своих замыслов: соответствующее решение Совета Министров СССР было принято 14 ноября 1987 г. [4, с.305-307]. 23 августа в Таллинне также состоялся митинг; его участники, собравшись в Хирве-парке, требовали публичного осуждения секретных протоколов советско-германского договора (инициатором акции выступило Эстонское общество по разоблачению пакта Молотова–Риббентропа, известное под аббревиатурой MRP-AEG). В декабре того же года в Эстонии была образована первая неофициальная общественная организация – Общество эстонского наследия. В апреле 1988 г. общество в первый раз после долгого перерыва публично демонстрировало в Тарту сине-черно-белые флаги независимой Эстонии. На собрании руководителей творческих союзов республики 1–2 апреля впервые прозвучала мысль о возможности существования Эстонии вне

состава СССР: ее высказал Рейн Вейдерманн, редактор журнала «Викеркаар» [8, с. 103; 9, с. 133; 10, с. 139].

Весной-летом 1988 г. во всех трех республиках Прибалтики происходил процесс формирования широких общественных движений, принявших форму народных фронтов. В Эстонии инициаторами создания такого движения выступили реформистски настроенные деятели республиканской компартии Эдгар Сависаар и Марью Лауристин. 13 апреля 1988 г. была сформирована инициативная группа. Вслед за этим группы поддержки начали возникать по всей Эстонии, и вскоре было провозглашено создание Народного фронта (”Rahvarinne”) [11, с. 252; 9, с. 134]. В Литве, следуя эстонскому примеру, представители республиканской интеллигенции на своем собрании 3 июня 1988 г. приняли решение об образовании инициативной группы «Движения в поддержку перестройки в Литве» (“Lietuvos Persitvarkymo Sąjūdis”), ставшего известным под сокращенным названием «Саюдис» («Движение») [12, с. 125]. В Латвии формирование Народного фронта (“Tautas fronts”) началось летом 1988 г. 1–2 июня 1988 г. состоялся расширенный пленум Союза писателей Латвийской ССР. В принятой им резолюции было, в частности, записано, что Латвия в 1940 г. была насильственно аннексирована, что республика должна иметь право самостоятельно устанавливать связи с иностранными государствами, что латышский язык должен стать официальным языком республики, что местные воинские части должны формироваться на национальной основе. Для того времени подобная резолюция звучала необыкновенно радикально [13]. 7 июня сторонники идеи создания массового народного движения на собрании на квартире журналиста В. Авотиньша приняли решение приступить к организации Народного фронта. Им удалось заручиться поддержкой известного поэта, председателя республиканского союза писателей Яниса Петерса. Орган Народного фронта “Atmoda” («Пробуждение») стал одним из наиболее популярных печатных изданий в республике [14, с. 261; 5, с. 400].

Учредительные съезды Народных фронтов Эстонии и Латвии и литовского «Саюдиса» состоялись в октябре 1988 г. [11, с. 252; 5, с. 400; 12, с. 125]. Число членов и сторонников народных фронтов быстро росло. В Латвии, в частности, весной 1989 г. насчитывалось около 230 000 зарегистрированных членов Народного фронта [6, с. 323]. На первом этапе своей деятельности народные фронты выступали в качестве реформистских демократических сил и провозглашали своей целью достижение большей самостоятельности своих республик в рамках союзного государства. Их руководители занимали центристские позиции, выступая как против «консервативных» сил в партийных структурах республик, так и против политических экстремистов, призывавших к скорейшему разрыву с союзным центром. Первая программа Народного фронта Латвии (далее – НФЛ) включала в себя пункт о достижении суверенитета Латвии в составе СССР. Руководство Народного фронта Эстонии (далее – НФЭ) призывало к «преобразованию Советского Союза из унитарного государства в конфедерацию государств». В партийных организациях всех трех республик на постах первых секретарей ЦК в течение 1988 г. функционеров «брежневского периода» сменили реформисты (В. Вяльяс (бывший посол СССР в Венесуэле и Никарагуа) в Эстонии, Я. Вагрис в Латвии, А. Бразаускас в Литве). В сентябре 1988 г. ЦК КПЭ поддержал требование о придании эстонскому языку статуса официального в республике [5, с.400; 9, с. 138].

Летом-осенью 1988 г., наряду с народными фронтами, в Прибалтике стали возникать более радикальные политические группировки, для которых был характерен более явный национализм и сепаратизм. В Литве Лига свободы Литвы – радикальная антикоммунистическая группа, образованная еще в 1978 г. – вышла из подполья и начала проявлять себя как политический конкурент не только компартии, но и «Саюдиса». 28 сентября 1988 г. лига организовала в Вильнюсе митинг протеста. Использование силы при

разгоне митинга вызвало волну возмущения во всей республике. «Саюдис» впервые поддержал своего политического конкурента, потребовав проведения расследования событий 28 сентября [12, p.131]. В Эстонии образованная в августе 1988 г. «Эстонская национальная партия независимости» (”Eesti Rahvusliku Sõltumatuse Partei”), которую возглавили бывшие диссиденты Л. Парек и Т. Келам (освобожденные из заключения по амнистии в 1987 г.), однозначно выступала за достижение полной независимости. Лето-осень 1988 г. вошли в историю Эстонии как период «песенной революции». Ее кульминацией явился грандиозный песенный фестиваль в Таллинне 11 сентября, с участием около 300 000 человек, на котором прозвучало требование восстановления эстонской независимости [11, с. 252]. В Латвии группа бывших политзаключенных, правозащитников, активистов борьбы за охрану окружающей среды приступила к формированию «Движения за национальную независимость Латвии» (“Latvijas Nacionālās Neatkarības Kustība”). О его создании было заявлено на собрании 6 июля парке Аркадия с участием около 2000 человек. Движение ставило целью воссоздание независимой Латвии как правопреемницы довоенной Латвийской республики. 18–19 февраля 1989 г. в г. Огре состоялся первый съезд Движения. Принятая на съезде программа предусматривала «воссоздание независимой и демократической Латвии, создание парламентарной демократической республики, основанной на принципах Конституции Латвийской республики 1922 года». В республике возникали и другие радикальные организации, в частности, «Партия возрождения Латвии» (“Latvijas Ardzimšanas partija”). Неформальный народный фронт, войдя в состав НФЛ, образовал в его составе «Радикальное объединение НФЛ» [15, с. 120-122; 14, с. 277; 16, с. 260].

В целом прибалтийские национальные движения все более перерастали из движений за республиканский суверенитет в орудия борьбы за полную независимость и отделение от СССР. При этом в

них все более явственно проявлялась не только антисоветская, но и антирусская направленность. Во всех трех республиках стал подниматься вопрос о приоритете прав «коренных» наций и языков и верховенстве республиканских законов над общесоюзными. 16 ноября 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР на своей внеочередной сессии принял декларацию о суверенитете Эстонии, объявив себя носителем верховной законодательной и исполнительной власти в республике и провозгласив верховенство республиканских законов над союзными на ее территории (за принятие декларации проголосовали 258 депутатов, один проголосовал против, пятеро воздержались). Это была первая декларация такого типа, послужившая примером для других подобных деклараций в других республиках. 18 января 1989 г. Верховный Совет ЭССР объявил эстонский язык официальным языком в республике. Все официальное делопроизводство в республике в срок не более чем за четыре года подлежало переводу на эстонский язык (при голосовании по проекту закона о языке 204 человека проголосовали за, 50 – против, шестеро воздержались). 24 февраля того же года в Эстонии впервые за советский период праздновался день независимости. В тот же день сине-черно-белый флаг независимой Эстонии был поднят над главной башней таллиннского замка Тоомпеа [9, с. 145-148; 10, с. 141].

В Литве Верховный Совет 18 ноября 1988 г. принял решение об изменении трех статей республиканской конституции, также легализовав довоенный желто-зелено-красный флаг и гимн, не решившись, в то же время, провозгласить верховенство литовских законов. Однако 18 мая 1989 г. Верховный Совет Литвы на своей сессии принял схожую с эстонской декларацию, объявив, что вся земля и природные ресурсы в республике принадлежат ей, а не СССР, что в Литве будут действовать только законы, одобренные Верховным Советом республики или на республиканском референдуме, а также что в Литве будет введено собственное

гражданство [12, с. 138, 147]. В Латвии с марта 1989 г. началась кампания по формированию гражданских комитетов и регистрации граждан Латвийской республики и их потомков, в которой объединили свои усилия Движение за национальную независимость, Клуб защиты окружающей среды, группа Хельсинки-86 и радикальные группы НФЛ. 31 мая правление НФЛ обратилось к своим сторонникам с призывом начать обсуждение вопроса «о полной политической и экономической независимости Латвии». Декларация о суверенитете, аналогичная эстонской и литовской, В Латвии была принята 27 июля 1989 г. [5, с. 402; 6, с. 322].

Между тем позиции республиканских коммунистических партий в Прибалтике все более слабели. Это наглядно проявилось на выборах депутатов на Съезд народных депутатов СССР и в республиканские Верховные Советы. В Эстонии на выборах депутатов на съезд кандидаты НФЭ получили 27 из 36 мест, выделенных республике. В Литве коммунисты также потерпели чувствительное поражение: из 42 двух мандатов, зарезервированных для республики, 36 получили кандидаты «Саюдиса». В Латвии депутаты от НФЛ получили 80 % из выделенных Латвийской ССР мандатов. Кандидаты фронта одержали убедительную победу и на выборах в местные советы в декабре 1989 г., хотя в нескольких советах они не сумели получить преобладания, например, в Даугавпилсе и в Ленинградском (ныне – Курземском) районе Риги. Верховный Совет Литвы 7 декабря 1989 г. первым из законодательных органов союзных республик объявил недействующей 6-ю статью Конституции СССР, упразднив, таким образом, монополию коммунистической партии на политическое руководство и узаконив многопартийную систему (при голосовании 237 депутатов высказались за это решение, против – только один) [1, с. 119, 120; 5, с. 403; 10, с. 142; 12, с.. 152].

В рядах коммунистических партий Прибалтийских республик, терявших почву под ногами и подвергавшихся давлению с двух

сторон – союзного центра и сторонников независимости внутри республик – начался кризис, завершившийся расколом. В Литве на 20-м республиканском партийном съезде, прошедшем 19-20 декабря 1989 г., было принято решение (855 голосами против 160) об отделении от всесоюзной партийной организации и основании независимой Коммунистической партии, которую возглавил Альгирдас Бразаускас. Меньшинство участников съезда, несогласных с этим решением, образовали отдельную организацию, оставшуюся в составе КПСС (первый секретарь – М. Бурокявичюс). В Латвии раскол в рядах республиканской компартии произошел в апреле 1990 г., на 25-м партийном съезде. Здесь, напротив, большинство членов партии остались в составе КПСС, избрав первым секретарем Алфредса Рубикса, ранее возглавлявшего Рижский горком партии. Национал-коммунисты во главе с Иварсом Кезберсом образовали независимую компартию Латвии. В Эстонии оформление независимой республиканской компартии, которую возглавил Э.-А. Силлари, произошло 25 марта 1990 г. Фракция на платформе КПСС, не признавшая выход из состава всесоюзной партийной организации, отделилась от нее только в марте 1991 г. Почти все деятели народных фронтов, входившие ранее в состав коммунистических партий, к началу 1990 г. покинули их ряды. В январе 1990 г. группа бывших коммунистов – активистов НФЭ во главе с М. Лауристин основали Эстонскую независимую социал-демократическую партию. Председатель фронта Э. Сависаар, также вышедший из состава КПЭ, предпочел пока оставаться вне партий [5, с. 401; 9, с.171; 11, с. 255; 12, с. 152].

Характерным было стремление национальных движений трех республик координировать свои действия. В мае 1989 г. была достигнута договоренность о проведении регулярных встреч представителей дум всех трех народных фронтов – Балтийской ассамблее, а также руководителей трех организаций – Балтийском совете. В первый раз Балтийская ассамблея собралась в Таллинне 13-

14 мая 1989 г. На ней присутствовали 300 представителей. Ассамблея приняла общую резолюцию о преступлениях сталинизма, декларацию об экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии, декларацию прав балтийских наций. Было принято воззвание к Организации Объединенных Наций с требованием нейтрализации и демилитаризации Прибалтики. О политической независимости прямо не говорилось, но определенные намеки в этом духе в воззвании содержались. Первое заседание Балтийского совета состоялось в Пярну 15 июля 1989 г. 23 августа того же года, в 50-ю годовщину подписания советско-германского договора, состоялась инициированная Балтийским советом знаменитая акция «Балтийский путь», в которой приняли участие около 1 250 000 человек, образовавших живую цепь от Вильнюса до эстонского побережья Финского залива на протяжении 600 км [17, с. 109, 110]. В совместном заявлении трех народных фронтов осуждался «Пакт Молотова-Риббентропа» и содержался призыв к восстановлению «государственности» республик Прибалтики, однако термин «независимость» пока еще не использовался. На Съезде народных депутатов СССР, начавшем работу 25 мая 1989 г., представители балтийских республик договорились действовать совместно. Региональная группа прибалтийских депутатов была формально образована 30 сентября в г. Кримулда (Латвия). В ходе работы Первого и Второго съездов народных депутатов прибалтийские представители выдвигали требование поставить на повестку дня вопрос о советско-германском договоре 1939 г. и признать незаконными секретные протоколы к нему, на основании которых республики Прибалтики были аннексированы Советским Союзом в 1940 г. Комиссия съезда во главе с А. Н. Яковлевым, однако, отказалась дать оценку договору в том духе, как этого требовали прибалтийцы, заявив, что договор не имеет отношения к последующему присоединению Прибалтики к СССР. Это заявление

вызвало резкое недовольство прибалтийских представителей [17, с. 109; 18, с. 255].

Развитие событий в Прибалтике вызывало нарастающее беспокойство союзного партийного и советского руководства. Первое время перемены в Прибалтийских республиках благосклонно воспринимались М.С. Горбачевым и его окружением, считавшими Прибалтику «лабораторией перестройки». Однако в 1988-1989 гг. в Москве начали осознавать, что политический процесс в Прибалтике выходит из-под контроля. Политике союзного центра, однако, с самого начала недоставало четкости и последовательности. Кремль пытался маневрировать, чередуя жесткие заявления с уступками и уговорами. Президиум Верховного Совета СССР объявил неконституционными все основные части эстонской декларации о суверенитете от 16 ноября 1988 г. 11 мая 1989 г. руководители коммунистических партий Эстонии, Латвии и Литвы впервые за много лет были приглашены в Кремль на заседание Политбюро ЦК КПСС; каких-либо практических результатов обсуждение положения в Прибалтике, однако, не имело. Акция 23 августа 1989 г. вызвала жесткую реакцию в Москве. 26 августа ЦК КПСС в резолюции «О положении в республиках Советской Прибалтики» резко осудил «сепаратистские проявления» и «антиконституционные акции, противоречащие федеральным государственным принципам» [19]. 13 сентября того же года на встрече с партийными руководителями республик Прибалтики, М. С. Горбачев при оценке положения в регионе высказывался более мягко.

В самих республиках Прибалтики против отделения от СССР выступала часть русскоязычного населения (в Литве также некоторая часть этнических поляков). Сторонники сохранения единства с СССР основали собственные организации: объединение «Единство» (лит. “Vienibe”, пол. “Jednoćś”) в Литве, Интернациональный фронт трудящихся (Интерфронт) в Латвии, Интердвижение в Эстонии. Эти организации создавались на базах крупных промышленных

предприятий, некоторую поддержку им оказывали партийная номенклатура, структуры Прибалтийского военного округа, ветеранские организации. Еще с лета 1988 г. существовало менее политизированное Балто-славянское общество культурного развития и кооперации [6, с. 324]. Поиск неких форм самоорганизации был необходим для прибалтийских русских также в целях защиты своих прав и противостояния антирусским тенденциям, становившимся все более очевидными в национальных движениях [20]. Для прибалтийской публицистики того времени типичным был негативный образ русских «мигрантов» и «оккупантов», в котором причудливо сочетались два плохо вяжущихся друг с другом, но одинаково неприятных аспекта: «люмпены» и господа-колонизаторы. На учредительном съезде НФЭ в одной из резолюций о «мигрантах» говорилось как о «громадной массе низко квалифицированных и некультурных людей» [21, с. 447]. Подобный пассаж отдавал явным шовинизмом. Часть русскоязычных деятелей культуры балтийских республик также выступала против отделения от СССР, но другая часть, в большей степени проникнутая либеральными и прозападными настроениями, поддерживала народные фронты (тем более, что некоторые прибалтийские политики из тактических соображений старались до поры до времени не афишировать свою неприязнь к русским и заигрывали с русскоязычной интеллигенцией). Консолидации русскоязычного населения Прибалтики препятствовала и его идеологическая дезориентация: фактор этнического единства для него не имел существенного значения, а советская коммунистическая идеология все больше утрачивала свою силу и привлекательность.

Ближе к концу 1989 г. более определенно проявилась готовность центра к компромиссу с прибалтийскими национальными движениями. 27 ноября Верховный Совет СССР одобрил план экономической автономии республик Прибалтики, который допускал, в частности, введение в них собственных денежных

систем, долю участия в прибыли предприятий союзного значения и распоряжение природными ресурсами на своей территории. 24 декабря II Съезд народных депутатов СССР в постановлении «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г.» официально осудил «пакт Молотова–Риббентропа» и объявил его недействительным с момента подписания. Однако попытки рассмотрения событий 1940 г. в Прибалтике в Верховном Совете СССР блокировались союзными властями. Закон о региональном экономическом самоуправлении республик Прибалтики (модификация концепции республиканского хозрасчета) не вступил в действие. Усилия прибалтийских депутатов по отстаиванию своих интересов при разработке союзных законов о языке, гражданстве, разделении компетенции республик и Союза в экономике, выходе республик из состава СССР и ряда других не увенчались успехом [9, с. 172; 12, с. 150; 18, с. 255].

Частичные уступки в любом случае более не удовлетворяли прибалтийских политиков, которые теперь уже твердо были нацелены на достижение полной независимости и разрыв любых формальных отношений с союзным центром. Разногласия внутри национальных движений (в частности, между умеренным и радикальным крылом НФЛ на втором его съезде 7 октября 1989 г.) имели сугубо тактический характер: руководящие деятели народных фронтов предполагали постепенное достижение независимости, тогда как более радикальные группы настаивали на немедленном отделении от СССР. Верховный Совет Эстонии 12 ноября 1989 г. осудил советскую «агрессию, оккупацию и аннексию» Эстонии в 1940 г. и объявил решение о вхождении республики в состав СССР незаконным. В Латвии и Литве соответствующие акты были приняты в феврале 1990 г. Визит М. С. Горбачева в Вильнюс 10-13 января 1990 г. – первый за много лет официальный визит главы КПСС и Советского государства в Литву – закончился безрезультатно: его обещания посредством изменения союзной конституции допустить многопартийную систему

и выработать механизм выхода союзных республик из состава Союза не удовлетворили литовскую сторону. Идея независимости к тому времени приобрела широкую популярность среди населения Прибалтийских республик. В Эстонии, в частности, доля сторонников независимости республики выросла с октября 1989 г. по май 1990 г. среди эстонцев с 64 до 96 % и среди неэстонского населения – с 9 до 26 % [9, с. 172; 11, с. 254]. Все более массовый характер во всех трех прибалтийских республиках принимал отказ молодых людей призывного возраста от службы в рядах советской армии, которую в Прибалтике все чаще клеймили «оккупационной». Так, в осенний призыв 1990 г. в Эстонии и Латвии удалось набрать лишь по 25 % призывников, в Литве – 12 % [9, с. 190].

В конце зимы – весной 1990 г. в республиках Прибалтики состоялись выборы в республиканские органы власти. В Литве выборы в Верховный Совет 24 февраля – первые многопартийные выборы в истории СССР – принесли победу «Саюдису», кандидаты которого получили 91 место из 141. Компартия Литвы получила лишь 23 места [12, с. 150]. Витаутас Ландсбергис, избранный председателем Верховного Совета, ранее никогда не был членом КПСС и по отношению к проблеме достижения независимости занимал более жесткую позицию, чем руководители «Саюдиса» из числа бывших коммунистов и руководство независимой Компартии Литвы. Народный фронт Латвии уверенно победил на выборах в Верховные совет республики (18 марта, второй тур – 26 марта и 1 апреля). Кандидаты НФЛ получили в Верховном совете 131 место из 201 [5, с. 403]. В Эстонии на выборах в Верховный совет 18 марта кандидаты НФЭ получили 40 % мест. Всего же сторонники независимости имели 72 мандата из 102. 3 апреля лидер НФЭ Э. Сависаар был избран премьер-министром Эстонии. Он сформировал центристское правительство с участием лишь трех коммунистов [1, с. 122]. В Эстонии также проводились выборы в новый орган – Эстонский конгресс (24 февраля), в которых принимали участие не

все жители, а лишь «законные граждане Эстонской республики». В своем манифесте от 12 марта Конгресс объявил своей целью прекращение «оккупации» и восстановление независимой Эстонской республики на основе преемственности с довоенной независимой Эстонией и Тартуского договора 1920 г. Эстонская конституция 1937 г. объявлялась действующей [9, с. 174; 10, с. 142; 22]. В своем послании, адресованном в Кремль, Конгресс требовал начать немедленные переговоры о восстановлении эстонской независимости. Лидеры Конгресса настаивали на скорейшем выводе советских войск из Эстонии и отъезде «имперски настроенного русского пролетариата» [23, с. 142].

В феврале–марте 1990 г. в Прибалтике появились известия о том, что в союзном руководстве возобладали сторонники жесткой линии и что по инициативе М.С. Горбачева готовится принятие закона о выходе союзных республик из состава Союза, который фактически делал бы этот выход невозможным. Рассмотрение этого закона предполагалось на внеочередном заседании Съезда народных депутатов, намеченном на 12 марта. В этих условиях наиболее радикальную линию поведения приняло литовское руководство, которое решило сыграть на опережение и провозгласить независимость республики до принятия нового союзного закона. 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял «Акт о восстановлении независимого Литовского государства», который провозглашал полный государственный суверенитет республики, и закон «О наименовании государства и гербе», которым упразднялась советская символика, единственным официальным названием государства объявлялась «Литовская республика» [25]. Премьер-министром Литвы стала Казимера Прунскене, одна из руководителей «Саюдиса», незадолго до этого вышедшая из рядов КПСС. В. Ландсбергис немедленно обратился к М.С. Горбачеву с призывом «начать переговоры по урегулированию всех вопросов, связанных с уже свершившимся восстановлением литовской государственности».

Союзному премьер-министру Н. И. Рыжкову Ландсбергис предложил, чтобы экономические отношения между Литвой и союзным центром оставались на прежнем уровне, пока они не будут определены двусторонними соглашениями [12, с. 156-158].

Союзное руководство и лично М.С. Горбачев резко отрицательно восприняли литовскую декларацию о независимости. 15 марта постановлением внеочередного III Съезда народных депутатов СССР документы, принятые Верховным Советом Литвы, были признаны недействительными как противоречащие Конституции СССР. М.С. Горбачев предложил Верховному Совету Литвы отменить данное постановление и обсудить весь комплекс проблем на «единственно приемлемой основе» – в рамках Конституции СССР. В. Ландсбергис, со своей стороны, 18 марта объявил решение союзного съезда недействительным и не имеющим правовой основы в Литве. 21 марта президент Горбачев подписал указ «О дополнительных мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета Союза ССР на территории Литовской ССР», в котором он дал указание структурам КГБ усилить охрану границ в Литве и пресечь всякую «незаконную» деятельность. 25 марта военные взяли под свой контроль центральный дом печати и редакции основных республиканских газет и журналов в Вильнюсе [12, с. 1634-164; 26]. 31 марта Горбачев обратился непосредственно к Верховному Совету и народу Литвы. В обращении утверждалось: «Решения Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта с. г. подвели всех нас к критической отметке. Предпринимаемые нынешним литовским руководством попытки в одночасье разорвать связи республики с Советским Союзом, избранная им тактика односторонних и ультимативных действий ставят под угрозу нормальную жизнь всего народа республики… и вызывают большую тревогу в стране». В заключении президент СССР предостерегал, что «если сейчас не прислушаться к голосу разума, события могут иметь тяжелые последствия для всех нас» [27].

В Эстонии и Латвии новоизбранные органы власти также приняли декларации о государственном суверенитете, которые, впрочем, имели несколько более сдержанный характер: видимо, была принята во внимание резкая реакция Москвы на решения литовского руководства от 11 марта. Новоизбранный Верховный Совет Эстонии (Ülemnõukogu) 30 марта принял постановление «О государственном статусе Эстонии» (29 русскоязычных депутатов в голосовании не участвовали, остальные 73 проголосовали «за»). Постановлением подтверждался статус Эстонии как оккупированной территории, советское правление в республике объявлялось незаконным с момента его установления, провозглашалось начало процесса восстановления Эстонской республики. Однако в отличие от литовской декларации о независимости, данное постановление воздерживалось от провозглашения немедленной независимости Эстонии, объявив о начале «переходного периода», результатом которого будет восстановление суверенной Эстонской республики. Срок переходного периода оговорен не был. 8 мая Верховный Совет принял закон об эстонских национальных символах. Эстонская ССР была переименована в Эстонскую республику (Eesti Vabariik). Флаг и герб довоенной Эстонии были провозглашены ее официальными символами. Восстанавливалось действие статей 1-6 эстонской конституции 1937 г. [28; 9, с. 176-178; 10, с. 143; 22].

Первая после выборов сессия Верховного Совета Латвии началась 3 мая 1990 г. На следующий день было проведено голосование по вопросу о независимости. Фракция «Равноправие», связанная с Интерфронтом, в голосовании не участвовала. В ее отсутствии подавляющее большинство депутатов проголосовали за декларацию. В Латвии также была восстановлена довоенная государственная символика: малиновый флаг с горизонтальной белой полосой посередине и герб Латвийской республики [29]. В отношении государственного суверенитета латвийская декларация была еще осторожнее, чем эстонская: в ней также говорилось о

переходном периоде, но о его немедленном начале не объявлялось [5, с. 404; 16, с. 261].

Декларации Верховных Советов Латвии и Эстонии о независимости были восприняты Москвой аналогично литовской – указами Президента СССР от 14 мая они были объявлены недействительными с момента принятия. Руководители СССР отказывались принимать исходившие из Прибалтики требования признать незаконным присоединение Эстонии, Латвии и Литвы к Советскому Союзу в 1940 г. и считали, что весь комплекс вопросов, связанных с выходом данных республик из его состава, должен решаться на основе принятого 3 апреля 1990 г. (т.е. уже после заявлений Верховных Советов Литвы и Эстонии) закона о выходе республик из состава СССР. Закон, в частности, предусматривал проведение в республике, заявившей о выходе, референдума (не ранее чем через шесть месяцев после принятия такого решения) [30], а также переходный период, «не превышающий пять лет», в течение которого должны были решаться такие вопросы, как судьба объектов общесоюзной собственности на территории республики, ее финансово-кредитные и имущественные отношения с другими республиками и т. д. [31; 32, с. 19].

Центр в определенной степени стремился опереться в Прибалтике на силы, выступавшие против отделения от СССР. В Латвии 15 мая возник Комитет защиты Конституции СССР и Латвийской ССР и прав граждан, в который вошли представители Интерфронта, фракции «Равноправие», межрегиональной группы депутатов «Союз». Его председателем стал А. Рубикс. Одновременно сторонники Интерфронта попытались прорваться в здание Верховного Совета, но эта попытка была предотвращена милицией и ОМОНом (парадоксально, но рижский ОМОН, который впоследствии считался главной ударной силой противников латвийской независимости, в этот раз выступил на стороне латвийских властей). Раскол произошел в Прокуратуре Латвийской ССР. Большинство сотрудников проявило лояльность по отношению к

руководству республики, однако меньшая ее часть заявила, что подчиняется только Прокуратуре и законам СССР [5, с. 405]. В Эстонии еще 2 февраля 1990 г. был образован Комитет защиты советской власти и прав граждан в Эстонии. Комитет взял на себя функции координации законной власти в городах и районах, признававших его право на осуществление действующего законодательства СССР, и объявил о непризнании законодательных актов, расходившихся с Конституцией СССР. Также 15 мая попытка захвата правительственных учреждений была предпринята сторонниками Интердвижения в Таллинне, но и она не увенчалась успехом: на переданный по радио призыв премьера Э. Сависаара у Тоомпеа собралось почти втрое большее число сторонников Верховного Совета, которые оттеснили нападавших от правительственных зданий, при этом серьезных эксцессов удалось избежать. 26 мая в Кохтла-Ярве был сформирован Межрегиональный совет для «защиты советской власти в Эстонии», который формально возглавлял депутат ВС Эстонии В. Лебедев [18, с. 255; 9, с. 179, 183]. В Литве центр мог рассчитывать на лояльность местных поляков, составлявших большинство населения в Шальчининкайском (82 %) и Вильнюсском (63 %) районах: они опасались ущемления своих прав в независимой Литве. 23 мая 1990 г. Шальчининкайский район провозгласил себя польским национально-территориальным районом, в котором сохранялось действие Конституции Литовской ССР [33, с.316].

Наиболее критическая ситуация сложилась в отношениях союзного центра с Литвой. Кремль пригрозил экономическими санкциями против строптивой республики, если ее руководство не отменит декларацию от 11 марта. Верховный Совет Литвы попытался предотвратить подобное развитие событий, заявив 18 апреля, что он не будет принимать каких-либо законов в течение периода «предварительных консультаций» между Литвой и Советским Союзом. Москва, однако, не приняла этот компромисс и в тот же день ввела эмбарго на поставки энергоносителей в Литву. В результате

республика лишилась поставок нефти и 84 % потребляемого ею природного газа. Экономическая блокада нанесла Литве серьезный ущерб. Согласно литовским данным, к 1 июля 1990 г. шесть крупных промышленных предприятий республики были остановлены, 435 могли работать лишь не неполную мощность, транспорт работал с перебоями, потери республиканского бюджета составили 125 миллионов рублей, около 35 тысяч промышленных и строительных рабочих лишились своих мест. Определенные убытки от блокады понесла, впрочем, и советская экономика вследствие недопоставок литовских товаров. Блокада имела и серьезные политические последствия: после эйфории первых дней, по мере того, как все более сказывался эффект блокады, «Саюдис» начал терять поддержку среди населения. Рейтинг популярности В. Ландсбергиса снизилась с 45 % в апреле 1990 г. до 28 % в июне того же года [12, с. 166-167].

Не оправдались и расчеты прибалтийских сторонников независимости на поддержку стран Запада, часть которых ранее официально не признала присоединения Прибалтики к СССР. Хотя президент США Дж. Буш и предостерегал М. С. Горбачева от силовых действий в Прибалтике, идти на открытую поддержку сепаратистских движений в регионе Запад еще не был готов. Популярность Горбачева в Америке и Западной Европе, вера в него как в гаранта демократических перемен в Восточной Европе были еще велики. К тому же Запад пугала перспектива последующей всеобщей дестабилизации обстановки на советской территории, которая могла быть вызвана сецессией Прибалтийских республик. Мартовские решения литовского руководства были встречены в Европе и США без особого ликования. Руководители западных стран считали их нежелательными и несвоевременными, выражали опасения, что они могут помешать процессу реформ в Советском Союзе. Представители прибалтийских диаспор в США на встрече с Дж. Бушем и его советниками в Белом Доме 11 апреля 1990 г. не сумели убедить американского президента признать независимость

Литвы. Еще раньше, в конце марта, большинством голосов (59 против 36) против немедленного признания литовской независимости высказался Сенат Конгресса США. Канцлер ФРГ Г. Коль и президент Франции Ф. Миттеран в письме к В. Ландсбергису призывали литовского лидера «временно приостановить действие декларации о независимости» [34, с. 380, 382, 385]. К. Прунскене, которая отправилась в поездку по ряду стран Запада вскоре после принятия литовской декларации о независимости, и других прибалтийских представителей принимали в западных столицах вежливо, но исключительно как частных лиц.

В этих условиях литовскому руководству оставалось лишь искать компромисс с Москвой. 17 мая 1990 г. К. Прунскене встречалась с М. С. Горбачевым для обсуждения условий снятия блокады. 29 июня литовский парламент объявил о готовности ввести 100-дневный мораторий на действие декларации от 11 марта с момента начала переговоров «о восстановлении независимого Литовского государства». В ответ Кремль отменил запрет на поставку нефти в Литву, и постепенно экономическая блокада республики была полностью снята. В июле 1990 г. в Москве была назначена комиссия для переговоров (или, как они официально именовались, «консультаций») с Литвой во главе с Н. И. Рыжковым. Литовский парламент назначил главой своей делегации не К. Прунскене, считавшей необходимым добиваться компромисса путем переговоров, а гораздо менее склонного к уступкам В. Ландсбергиса. Встречи двух делегаций 2 и 20 октября закончились ничем и так и не привели к началу серьезных переговоров. Безрезультатными оказались и переговоры союзного центра с Эстонией, начавшиеся 23 августа 1990 г. Когда советская сторона в начале сентября попыталась свести их к обсуждению лишь измененного федеративного устройства союзного государства, эстонская делегация покинула Москву. В октябре 1990 г. состоялась новая встреча, но и она не дала каких-либо результатов. В ноябре Н. И. Рыжков пригрозил премьерам

Прибалтийских республик полным разрывом экономических отношений, если Прибалтика не останется в составе союза. На новом Съезде народных депутатов СССР, созванном в середине декабря 1990 г., одним из главных вопросов был проект нового союзного договора. Прибалтийские республики, однако, отказались участвовать в его обсуждении. Литовские представители вообще не приехали на съезд, депутаты от Латвии и Эстонии прибыли, но заявили, что будут присутствовать исключительно в качестве наблюдателей [9, с. 180, 188; 12, с. 172-173; 35, с. 248].

К тому времени, однако, все более ясно вырисовывалась особая позиция по отношению к событиям в Прибалтике, которую занимали председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин и его сторонники. Расхождения между союзными и российскими властными структурами наблюдались в самых разных вопросах. Стремление Б. Н. Ельцина действовать самостоятельно и зачастую в пику союзному руководству наглядно проявилось и в прибалтийском вопросе. 26 июля 1990 г. Ельцин на встрече в Юрмале с председателем Верховного Совета Латвии Анатолием Горбуновым заявил о необходимости признания независимости Латвии. На следующий день он встретился с руководителями всех трех Прибалтийских республик. Участники встречи решили незамедлительно начать подготовку двусторонних переговоров для выработки «исходных политико-правовых договоров, договоров об основах экономических, научно-технических, торговых, социальных, межнациональных, культурных и других отношений», а также соглашений по вопросам гражданства [32, с. 19]. Это было открытым выражением поддержки Россией стран Балтии и вызовом союзному центру. Б.Н. Ельцин и руководство РСФСР и в дальнейшем продолжали действовать в том же духе. 31 июля в Москве начались переговоры о заключении двустороннего соглашения между Российской Федерацией и Латвийской республикой. Ельцин заявил о необходимости подписать соглашение независимо от того, будет

Латвия принимать участие в подписании нового союзного договора или нет. 14 сентября между РСФСР и Латвией был подписан договор об экономическом сотрудничестве в 1991 г. и о развитии культурных контактов. Договор подписали председатель Совета Министров Латвии И. Годманис и председатель Совета Министров РСФСР И. Силаев. Договор, однако, не был ратифицирован Верховным Советом РСФСР [36, с. 455-456, 459].

Январский кризис 1991 г., когда была предпринята попытка силового решения прибалтийской проблемы, явился кульминационным моментом противостояния между Кремлем и республиками Прибалтики. Ход событий тех дней известен достаточно хорошо, однако в ряде вопросов сохраняется некоторая неясность. Во-первых, не вполне проясненной остается роль в событиях в Прибалтике, прежде всего в Литве, первых лиц союзного государства и лично М. С. Горбачева. 10 января Горбачев обратился к литовскому парламенту с требованием немедленно восстановить на территории республики действие Конституций СССР и Литовской ССР. «Ситуация по существу зашла в тупик. Необходимость выхода из создавшегося положения диктует принятие незамедлительных мер», говорилось в послании [37]. Однако после того, как военная акция совершилась, президент СССР отрицал свою осведомленность о ней и переложил всю ответственность на местное военное командование, действовавшее, по его словам, неадекватно. Во-вторых, некоторые западные и прибалтийские исследователи также задаются вопросом, почему силовые действия были предприняты именно в Литве, а не в Латвии или Эстонии, где доля русскоязычного населения была значительно выше, и, казалось бы, имелось больше шансов получить поддержку на месте.

Действительно, в последние месяцы 1990 г. и самом начале 1991 г. противники независимости развили особую активность именно в Латвии. 11 октября бюро ЦК КПЛ приняло решение о формировании рабочих дружин. 25 ноября ЦК организовал пленум Комитета защиты

Конституции СССР и Латвийской ССР и прав граждан, с участием 2217 делегатов, представлявших различные организации, оппозиционные по отношению к руководству республики. Комитет, преобразованный во Вселатвийский комитет общественного спасения, выступил в поддержку подписания нового союзного договора. 6 декабря комитет обратился к М. С. Горбачеву с призывом ввести президентское правление в Латвии. 2 января 1991 г. рижский ОМОН, перешедший к тому времени на сторону оппозиции, захватил здание пресс-центра. Наконец, 9 января Латвийский стачечный комитет потребовал отставки правительства, а на следующий день это требование было поддержано 10-тысячной демонстрацией у здания Кабинета министров [38, с. 256-258]. Рейн Таагепера, профессор Калифорнийского университета эстонского происхождения, выдвигал следующую версию относительно дальнейшего развития событий: Горбачев и «черные полковники» (сторонники жестких мер) договорились о том, чтобы посредством организации в Прибалтике конфликтов на этнической почве создать повод для введения в регионе прямого президентского правления. Акцию предполагалось приурочить к началу «войны в заливе» (коалиции во главе с США против Ирака), которая должна была поглотить внимание международной общественности. Основная акция планировалась в Латвии. Однако кризис, разразившийся в начале января в Литве, побудил «полковников» изменить планы и нанести главный удар в Вильнюсе, где в условиях хаоса успех казался достижимым, не дожидаясь войны в Персидском заливе и не консультируясь с центром [9, с. 192].

Кризис в Литве был вызван решением правительства от 7 января 1991 г. о повышении розничных цен на продовольственные товары. На следующий день у здания парламента состоялись массовые демонстрации протеста [39]. К. Прунскене, вернувшись в Вильнюс из Москвы, узнала о своей отставке. На ряде предприятий города при участии коммунистов были организованы забастовки. Одновременно

войсковые части взяли под свой контроль железнодорожный вокзал и некоторые здания в городе, включая пресс-центр. В ночь с 12 на 13 января стало известно о существовании Комитета национального спасения, который заявил о том, что берет власть в Литве в свои руки. Новый премьер-министр Литвы А. Шименас, назначенный на место К. Прунскене, таинственно исчез. Вместо него парламентом в должности премьера был утвержден Г. Вагнорюс [40]. В ту же ночь состоялся штурм частями Прибалтийского военного округа вильнюсского телецентра, приведший к человеческим жертвам (по литовским данным, 14 человек погибли и более 500 были ранены) [12, с. 175-176; 41]. При этом попыток захвата здания парламента не предпринималось, хотя теоретически большого труда это бы не составило.

В политическом отношении эффект военной акции оказался противоположным тем целям, которые перед ней ставились. Вместо того, чтобы повлечь за собой падение литовского парламента, она, наоборот, привела к сглаживанию социального протеста, вызванного непопулярными решениями правительства, и к сплочению населения вокруг руководства перед лицом внешней опасности. Кроме того, события в Вильнюсе имели неблагоприятный для советского руководства эффект за рубежом. Лидеры ведущих мировых держав критиковали советскую политику силы в Литве. Репутации М.С. Горбачева на западе был нанесен непоправимый ущерб. Страны ЕС пригрозили «приостановить сотрудничество между Европейским сообществом и СССР» и высказали убежденность в том, что «использование силы так, как это имело место в Литве, недопустимо». Свое негативное отношение к политике Москвы высказали и структуры НАТО [42]. Исландия первой из западных стран пошла в феврале 1991 г. на установление дипломатических отношений с Литвой (реакцией советской стороны на эту акцию были отзыв посла из Рейкьявика и требование объяснений). Дания в марте высказала намерение признать независимость Эстонии [34, с. 385].

В Риге 13 января, как только были получены известия о событиях в Вильнюсе, председатель НФЛ Дайнис Иванс призвал жителей организовать охрану стратегически важных объектов. Около 500 000 человек, среди которых было немало этнических русских, вышли на улицы с протестом против насилия в Литве. В городе начали строить баррикады. Просоветская оппозиция также пыталась действовать. ЦК КПЛ на своем пленарном заседании 13 января потребовал роспуска Верховного Совета, отставки правительства и передачи всей власти Вселатвийскому комитету общественного спасения. 15 января ЦК организовал митинг в поддержку этого требования [5, с. 408; 38, с. 258-259]. До массовых беспорядков в Латвии дело не дошло, части ПрибВО не были выведены из казарм, однако несколько человек погибли 20 января в результате вооруженных столкновений между рижским ОМОНом и подразделениями МВД Латвии [43]. В Эстонии ситуация оставалась спокойной, хотя некоторые русскоязычные члены Верховного Совета и требовали отставки правительства, угрожая забастовками и другими мерами, а военные взяли под свой контроль таллиннский аэропорт. На Тоомпеа были воздвигнуты баррикады, однако атаковать правительственные здания никто не пытался [9, с. 190].

В этот период особенно очевидным стало противопоставление отношений России с Прибалтийскими республиками политике Центра. В эти дни Верховный Совет РСФСР сделал заявление, в котором призвал союзное руководство гарантировать неприменение силы при решении возникающих проблем и в кратчайшие сроки начать переговоры с законными представителями Прибалтийских республик для поиска выхода из кризиса. Б. Н. Ельцин как Председатель Верховного Совета 12 января посетил с визитом Таллинн, где провел встречи с общественностью и политическими лидерами Прибалтики. Главным событием тех дней стало заключение договоров об основах межгосударственных отношений России с Эстонией и Латвией (соответственно 12 и 13 января 1991 г.), о

выработке которых стороны договорились в августе 1990 г. Сам за себя говорит уже выбор времени подписания договоров – в тот момент, когда исход событий в Риге и Вильнюсе был еще неясен, поездка Б. Н. Ельцина и заключение договоров еще раз демонстрировали поддержку Россией республик Прибалтики в их противостоянии с Центром. Что касается содержания договоров, то наиболее важные положения были зафиксированы в их преамбулах, ссылавшихся на государственный статус сторон согласно их декларациям (для Эстонии и Латвии соответственно от 30 марта и 4 мая 1990 г.). В совместном заявлении руководителей России и трех Прибалтийских республик (В. Ландсбергис, лично не присутствовавший на встрече, был ознакомлен с текстом заявления по телефаксу) говорилось, в частности, что стороны признают государственный суверенитет друг друга и «выражают готовность оказать конкретную поддержку и помощь друг другу в случае возникновения угрозы их суверенитету» [42]. После возвращения из Таллинна, на пресс-конференции 14 января Ельцин обратился к российским военным, находившимся на территории Прибалтики, и сообщил о принятии закона Российской Федерации, запрещающего военнослужащим использовать оружие против мирных жителей, защищающих свои демократические права, и использовать вооруженные силы в межнациональных конфликтах. Он заявил, что события в Прибалтике свидетельствуют о начале массированного наступления против демократии, и Прибалтийские республики здесь первые, но не последние жертвы [42, 44].

Таким образом, заключая договоры, РСФСР фактически признавала незаконность присоединения Прибалтийских республик к СССР в 1940 г., при том, что союзное руководство отказывалось даже обсуждать этот вопрос. Более того, само название заключенных договоров и некоторые другие формулировки указывали, что – стороны считают отношения между собой не внутрисоюзными, а межгосударственными, что ставило под сомнение тезис союзного

руководства о необходимости проведения переговоров о выходе Прибалтийских республик из состава СССР. Содержание договоров с Эстонией и Латвией отличалось и от заключенных Россией примерно в то же время договоров об основах отношений с другими республиками СССР (Украиной, Казахстаном). В них, в частности, не содержались указания на намерения сторон развивать содружество суверенных государств. В остальном договоры России с Прибалтийскими республиками не содержали ничего существенного. Характерно, что практически все серьезные вопросы (например, о гражданстве, о собственности, о финансовых отношениях), многие из которых превратились потом в острейшие проблемы российско-балтийских отношений, в договорах предполагалось рассмотреть позднее [32, с. 20].

Острота январских событий 1991 г. в Риге и Вильнюсе, активное участие в них российского руководства на стороне республик Прибалтики заставили отступить союзный Центр. Прибалтийская проблема была сначала отложена, а затем, под влиянием более серьезных событий (референдум 17 марта 1991 г., выработка нового союзного договора), отошла на второй план. Когда был объявлен Всесоюзный референдум о сохранении СССР, правительства Прибалтийских республик отказались в нем участвовать, и – приняли решение о проведении альтернативных референдумов о независимости своих стран. Республиканские референдумы были проведены в Литве 9 февраля, в Латвии и Эстонии – 3 марта. Их результаты оказались следующими [45, с. 260-261; 12, с. 183; 5, с. 411; 9, с. 190]:

	Доля участвовавших в референдуме от общего числа имевших право голоса	Из них проголосовали за независимость	Из них проголосовали против независимости
Литва	84,7 %	90,2 %	5,5 %
Латвия	87,5 %	77,3 %	17,7 %
Эстония	82,86 %	73,7 %	21,6 %

Обращает на себя внимание довольно высокая доля сторонников независимости среди русского и русскоязычного населения республик Прибалтики. Так, в Латвии за независимость высказались 73,3 % участников референдума, т.е. 64,6 % всех избирателей, хотя доля латышей составе населения была только 52 %. За независимость высказались даже большинство жителей Риги (60,7 % при 47 % русских) и Даугавпилса (51,3 % при 58,3 % русских). В то же время в референдуме о сохранении СССР участвовало лишь 22,9 % населения республики. В Литве при опросе, проводившемся 11 марта 1991 г., независимость поддержали 38,2 % русских, выразили сомнение 34,9 %, резко против были только 12,9 %. В Нарве, где доля эстонцев среди населения города составляла лишь 4 %, за независимость высказались 25,49 % голосовавших (17,87 % лиц, имевших право голоса). По данным эстонских социологов (возможно, впрочем, несколько завышенным) за независимость Эстонии выступали около 30 % местных русских [46, с. 449; 47, с. 36]. Проведение республиканских референдумов, таким образом, призвано было подвести правовую базу под решения о государственной независимости.

В течение весны-лета 1991 г. отношения стран Балтии как с союзным Центром, так и с Российской Федерацией оставались в «подвешенном» состоянии. Договоры РСФСР с Прибалтийскими республиками оставались не ратифицированными Верховным

Советом России и имели, в общем, символический характер. Не получили развития предусмотренные в договорах с Эстонией и Латвией положения о соглашениях по различным вопросам. В то же время возобновились переговоры Эстонии, Латвии и Литвы с руководством СССР, но какого-либо прогресса на них достигнуто не было. Одновременно готовился новый союзный договор, и в Кремле, видимо, полагали, что возможность привлечения Прибалтийских республик к участию в нем еще не окончательно упущена. Параллельно продолжало развивать отношения с республиками Прибалтики по своей линии руководство РСФСР. В июле в Москве состоялись переговоры между президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным и председателем Верховного Совета Литвы и В. Ландсбергисом. Их результатом стало подписание 29 июля «Договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Литовской Республикой» сроком на 10 лет [48].

С мая вновь начала обостряться военная напряженность, когда последовало несколько нападений на таможенные посты, установленные на литовской и латвийской границах. Обстоятельства этих нападений не вполне ясны. В Прибалтике ответственность за эти нападения возлагали на отряды рижского и вильнюсского ОМОНов. Первые нападения, имевшие место в мае, не сопровождались человеческими жертвами. Однако 31 июля в результате нападения на таможенный пост Мединикай в Литве шестеро литовских таможенников и полицейских были убиты, еще двое получили тяжелые ранения. Расследование этого нападения также не дало конкретных результатов. Согласно одной из версий, оно имело политическую подоплеку и было связано с российско-литовской встречей в верхах в Москве. Выдвигалось также предположение, что террористический акт был организован бандитскими группировками, деятельности которых мешал таможенный контроль на границе. Не исключалась и версия нападения с целью захвата автоматического оружия [49].

Окончательно вопрос о взаимоотношениях республик Прибалтики с СССР был решен в августе–сентябре 1991 г. Процесс их окончательного обособления от союзного государства был ускорен событиями 19–21 августа в Москве, вошедшими в историю как «августовский путч». В Латвии еще более чем за две недели до этих событий, 3 августа, ЦК Компартии на своем пленуме потребовал восстановления действия конституций СССР и Латвийской ССР, выполнения всех указов президента СССР и подписания союзного договора [38, с. 261]. Когда в Прибалтике 19 августа стало известно об образовании ГКЧП в Москве, командующий войсками ПрибВО генерал Ф. Кузьмин заявил, что берет в свои руки ответственность за осуществление чрезвычайного положения в Литве, Латвии и Эстонии. Во всех трех прибалтийских столицах армейские соединения и части ОМОН заняли ряд стратегически важных объектов, а в Риге омоновцы 21 августа попытались прорваться в здание парламента. Командование Балтийского флота воздержалось, однако, от безусловной поддержки ГКЧП [5, с. 412; 9, с. 201].

Руководящие органы всех трех республик отказались признать ГКЧП и подчиниться его указам. В Литве парламент собрался на внеочередную сессию, на которой премьер-министр Г. Вагнорюс заявил, что правительство намерено продолжать свою работу, пока оно не будет разогнано силой. Эстония и Латвия воспользовались августовскими событиями в Москве для отказа от провозглашавшегося ранее переходного периода и заявлений о своей полной государственной независимости. В постановлении Верховного Совета Эстонской Республики от 20 августа 1991 г. «О государственной независимости Эстонии» (за его принятие проголосовали 69 депутатов парламента из 105) говорилось, что «состоявшийся в Советском Союзе государственный переворот ставит под серьезную угрозу происходящие в Эстонии демократические процессы и делает невозможным восстановление государственной независимости Эстонской Республики путем

двусторонних переговоров с Союзом ССР». В связи с этим Верховный Совет постановил подтвердить государственную независимость Эстонской республики. 21 августа аналогичного содержания документ – «Закон о государственном статусе Латвийской Республики» – был принят и Верховным Советом Латвии. Закон гласил, что с момента его принятия Латвия является независимой демократической республикой, ее государственный статус определяется конституцией Латвийской Республики 1922 г., действие которой будет полностью восстановлено после проведения парламентских выборов [50; 45, с. 266].

Эти шаги Балтийских республик были поддержаны руководством России. В тот же день, когда стало известно, что попытка переворота в Москве провалилась, войсковые части прекратили попытки дальнейших захватов, а на следующий день они были отведены в казармы, очистив и те объекты, которые были ими заняты начиная с января. 24 августа 1991 г. Б. Н. Ельцин издал указы, в которых признавалась государственная независимость Эстонии и Латвии, устанавливались дипломатические отношения России с ними, а Президент СССР призывался провести переговоры для урегулирования межгосударственных отношений с данными республиками [32, с. 21].

Выход этих указов президента России дал своего рода толчок признанию независимости Балтийских республик на Западе. Из европейских государств первой независимость стран Прибалтики 22 августа признала Исландия. 23 августа ее примеру последовали Дания и Финляндия. Через три дня после появления указов Б. Н. Ельцина, к 27 августа, когда с заявлением о готовности установить дипломатические отношения с Балтийскими республиками выступило Европейское сообщество, о признании независимости Эстонии, Латвии и Литвы заявили уже 16 государств, включая ведущие европейские державы. Также 27 августа независимость стран Балтии признала Канада. Швеция была первой иностранной державой,

открывшей в прибалтийских столицах свои посольства (в Риге шведское посольство было открыто уже 25 августа). 2 сентября 1991 г. о готовности США установить дипломатические отношения с республиками Прибалтики заявил президент Дж. Буш. К этому моменту страны Балтии были признаны уже 40 государствами мира. Что касается руководства СССР, то признание независимости Эстонии, Латвии и Литвы с его стороны последовало 6 сентября 1991 г. и было оформлено постановлениями Государственного Совета СССР, созданного после путча для решения вопросов, затрагивающих общие интересы республик. Помимо признания независимости, в постановлениях было заявлено о формировании государственных делегаций Союза ССР для переговоров с каждой из республик о решении «всего комплекса вопросов, связанных с обеспечением прав граждан и интересов СССР и образующих его государств, касающихся экономических, политических, военных, пограничных, гуманитарных и иных вопросов», при этом в делегации предполагалось включить представителей пограничных с Балтийскими государствами республик – РСФСР и Белоруссии. 10 сентября Эстония, Латвия и Литва были приняты в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, а 17 сентября – в Организацию Объединенных Наций [32, с. 21; 21, с. 186-187; 5, с. 411-412; 9, с. 202-204].

Вскоре после признания независимости Эстонии, Латвии и Литвы советским руководством был дан ход и процессу ратификации договоров с этими республиками. Постановления Государственного Совета основывались на решениях Пятого внеочередного съезда народных депутатов СССР, созванного вскоре после путча, который постановил, что обретение независимости республиками, решившими отказаться от вхождения в новый Союз, требует проведения их переговоров с СССР для решения всего комплекса вопросов, связанных с отделением. Согласно же решениям Государственного Совета признание независимости предшествовало проведению

переговоров, при этом признанию не давалось никакого юридического основания (в постановлениях говорится только о «конкретной исторической и политической обстановке», предшествовавшей вхождению республик в СССР) [32, с. 22]. Особенное значение, как сегодня можно говорить, имеет тот факт, что не было дано никакой оценки событиям 1940 г. и их последствиям для современных отношений Москвы и Балтийских республик. Ответственность за это лежит, прежде всего, на руководстве СССР, которое проводило в отношении Прибалтийских республик в течение всего периода 1990–1991 гг. негибкую и недальновидную политику. Однако не меньшая доля ответственности принадлежит и России, руководители которой превратили серьезную проблему международных отношений в инструмент политической игры. Именно благодаря действиям России Эстония, Латвия и Литва смогли утвердить свой особый статус в отношениях с союзным Центром, а в конечном итоге и обрести независимость без всяких предварительных условий и переговоров. Видимо, российские руководители полагали, что весь груз ответственности по решению данного комплекса вопросов будет нести советское руководство (как об этом и говорится в преамбуле договора с Литвой). Однако, после того как в декабре 1991 г. СССР перестал существовать, эти проблемы автоматически перешли к России. Распад СССР стал рубежом, который ознаменовал переход российско-балтийских отношений в новое качество. Здесь и сказались недальновидность и политический просчет российского руководства, для которого неожиданностью стало появление в отношениях с Балтийскими государствами таких острых проблем, как необходимость форсированного вывода войск, статус русского населения, линия границ. Как выяснилось немного позднее, договоры о межгосударственных отношениях, заключенные совсем в другую эпоху, были мало приспособлены для их решения.

Развитие прибалтийского сепаратизма имело роковые последствия для судеб союзного государства. Оно положило начало

процессу дезинтеграции Советского Союза. Дискуссионным остается вопрос о том, можно ли было предотвратить подобное развитие событий, а если да, то, что для этого требовалось: большая уступчивость или, напротив, большая жесткость. С одной стороны, первое время требования прибалтийских национальных движений не шли дальше расширения прав своих республик в рамках СССР и введения республиканского хозрасчета. Не встречая понимания со стороны союзного Центра, эти движения стали развиваться в направлении все большей радикализации. Однако, с другой стороны, и уступки, при определенных обстоятельствах, могли возбудить еще больший аппетит и привести, в конечном итоге, к тому же результату. Сейчас также невозможно ответить на вопрос, насколько жизнеспособной была идея преобразования союзного государства в конфедерацию, замыслы создания которой также выдвигались в конце 1980-х гг. Так или иначе, продуманной и последовательной стратегии в прибалтийском вопросе союзное руководство выработать так и не сумело. Как уже указывалось, свою роль в развитии процесса дезинтеграции сыграла позиция руководства РСФСР по главе с Б. Н. Ельциным: оно вело свою игру, стремясь сконцентрировать в своих руках как можно больше властных полномочий. При этом Ельцин и его окружение нередко вставали в оппозицию по отношению к союзному Центру, не задумываясь о далеко идущих последствиях.

Следствием подобного разлада и непоследовательности стала нерешенность целого ряда серьезнейших проблем во взаимоотношениях Российской Федерации как правопреемницы Советского Союза с независимыми странами Балтии. К этим проблемам относились вопрос о выводе из Прибалтики российских войск, судьба объектов бывшей общесоюзной собственности на территории Прибалтики, положение русскоязычного населения в странах Балтии, вопрос о границах России с Эстонией и Латвией. Решение этих проблем не было заранее продумано. В соглашениях Российской Федерации с республиками Прибалтики никаких

конкретных способов их разрешения предусмотрено не было. Возможность сохранения хотя бы ограниченного контингента войск ПрибВО в местах прежнего базирования первоначально имелась, но использовать ее не удалось: руководящие структуры стран Балтии, не без поддержки с Запада, в конечном счете, заняли в вопросе о выводе российских войск наиболее непримиримую позицию. Весьма болезненные формы приняла и пограничная проблема, особенно в российско-эстонских отношениях. Договор о границе между Эстонской Республикой и Российской Федерацией до сих пор не ратифицирован Государственной Думой РФ. Как российское руководство, так и руководители прибалтийских государств неоднократно заявляли о необходимости установления и поддержания добрососедских отношений. Позитивные тенденции в развитии российско-прибалтийских отношений действительно просматриваются, однако процесс нормализации этих отношений еще далек от завершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Gerner K., Hedlund S.** The Baltic States and the End of the Soviet Empire. London and New York, 1993.
2. **Vidiņš J.** They Were the First // The Baltic Way to Freedom. Non-violent struggle of the Baltic States in a global context. Riga, 2005. P. 113.
3. RFE-RI. Radio Free Europe Research. Baltic Area Situation Report No 7. Oct. 28. 1987.
4. **Misiunas R. J., Taagepera R.** The Baltic States. Years of Dependence 1940-1990. Berkeley and Los Angeles, 1993. P. 310-311. Эксцессы имели место и в двух других прибалтийских республиках. Например, в Тарту милиция пыталась разогнать демонстрацию 2 февраля 1988 г., в день подписания советско-эстонского мирного договора в 1920 г. В Литве власти прилагали усилия, чтобы предотвратить массовые акции 16 февраля 1988 г., в годовщину провозглашения независимости Литвы. Однако демонстрации в этот день все же состоялись в Вильнюсе, Каунасе и других городах. В сообщении ТАСС они были охарактеризованы как антисоветские выступления «отдельных экстремистов и националистически настроенных элементов» (Ibid. P. 313).
5. История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 396-397.
6. **Устинова М.** Гражданское общество в странах Балтии: история и современность // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 321

7. Экологические исследования, проведенные в начале 1980-х гг. в районах Маарду и Кохтла-Ярве, где фосфориты и сланец соответственно добывались еще с 1920-х гг., продемонстрировали негативное воздействие этих разработок на окружающую флору и фауну и на здоровье местного населения (Ignats Ü. Fosforitbrytningen i Estland. Göteborg, 1988. S. 17-23, 127-128).
8. **Järlik R.** The Year 1987 or how People Started Going into Politics in Estonia // The Baltic Way to Freedom.
9. **Taagepera R.** Estonia: Return to Independence. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993.
10. **Zetterberg S.** Historian jännevälit // Viro: Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1995.
11. **Raun T.** The Re-Establishment of Estonian Independence // Journal of Baltic Studies. Vol. XXII. 1991. No 3. P. 252
12. **Vardys V. S., Sedaitis J. B.** Lithuania: The Rebel Nation. Boulder; Oxford, 1997.
13. Literatūra un māksla. 1988. 10 jūnijs.
14. **Penikis J. J.** The Third Awakening Begins: The Birth of the Latvian Popular Front, June 1988 to August 1988 // Journal of Baltic Studies. Vol. XXVII. 1996. No 4. P. 261
15. **Petersone B.** The Genealogy of Distrust. Latvia's Independence Movement – Collaboration and Controversy // The Baltic Way to Freedom. P. 120-122
16. **Plakans A.** Latvia's Return to Independence // Journal of Baltic Studies. Vol. XXII. 1991. No 3. P. 260.
17. **Kalniete S.** Unity of the Baltic States and its Importance for the National Awakening // The Baltic Way to Freedom. P. 109-110.
18. Отечественная история новейшего времени. 1985-2005 гг. М., 2007. С. 255.
19. Правда. 1989. 27 августа. В ответ на эту резолюцию Балтийский совет на своем чрезвычайном собрании 31 августа принял призыв к другим народам СССР поддержать борьбу прибалтийцев на независимость и не допустить подавления народного движения в Прибалтике (Kalniete S. Unity of the Baltic States and its importance for the National Awakening. P. 110).
20. Выступления студентов с антирусскими лозунгами и столкновения между латышской и русской молодежью отмечались в Риге еще в мае 1985 г. Схожие столкновения имели место в Тарту в сентябре того же года и в Риге в мае 1987 г. (Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States. P. 301-302, 307).
21. **Фурман Д. Е., Загороднюк Э. Г.** Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Страны Балтии и Россия: общества и государства. С. 447
22. Estonica. Encyclopedia about Estonia. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.estonica.org/lugu.htm?menyy_id=99&kateg=43&alam=61&leht=13.
23. **Valk H.** Two Roads to the Independence of Estonia or the Popular Front versus the Congress of Estonia // The Baltic Way to Freedom. P. 142.
24. В «Акте» было, в частности, записано: «Выражая волю народа, Верховный совет Литовской Республики постановляет и торжественно провозглашает о том, что,

восстанавливая реализацию суверенных прав Литовского государства, попранных чужой силой в 1940 году, отныне Литва вновь становится независимым государством».

25. Известия. 1990. 15 марта.

26. Известия. 1990. 24 марта.

27. Известия. 1990. 2 апреля.

28. Известия. 1990. 1 апреля

29. Латвийский герб – два геральдических животных со щитом, увенчанным тремя звездами, символизирующими три исторические области Латвии (Видземе, Курземе и Латгале), принятый в качестве официального символа страны в начале 1920-х гг., был разработан на основе комбинации гербов бывших Курляндской и Лифляндской губерний. Герб Эстонии, утвержденный в те же годы (три синих леопарда на желтом фоне), почти без изменений воспроизводил герб бывшей Эстляндской губернии.

30. Решение о выходе союзной республики из состава СССР считалось принятым, если за него проголосовали не менее двух третей участников референдума.

31. Известия. 1990. 7 апреля

32. Россия и Прибалтика // Россия – Балтия. Доклады СВОП. Материалы конференций. М., 2001. С. 19.

33. **Burant S. R.** Overcoming the Past: Polish–Lithuanian Relations, 1990–1995 // Journal of Baltic Studies. Vol. XXVII. 1996. No 4. P. 316. Существовал даже проект создания Польской Советской республики на территории Восточной Литвы и пограничных с ней районов Белоруссии.

34. **Dreifelds J.** The West and the Baltic Independence // The Baltic Way to Freedom. P. 380, 382, 385.

35. **Senn A.** Lithuanian Path to Independence // Journal of Baltic Studies. Vol. XXII. 1991. No 3. P. 248

36. **Zīle Ļ.** Baltic-Russian Co-operation during the Restoration of Independence (1990 until the 1991 Putsch) // The Baltic States at Historical Crossroads. Political, economic, and legal problems and opportunities in the context of international co-operation at the beginning of the 21st century. Riga, 2001. P. 455-456, 459.

37. Известия. 1991. 11 января. В. Ландсбергис квалифицировал послание как ультиматум Литве.

38. Zīle Ļ. The Last Act of Totalitarianism. March 1990 – August 1991 // The Baltic Way to Freedom. P. 256-258.

39. В Эстонии аналогичное решение о повышении цен было принято еще раньше, в октябре 1990 г., однако население восприняло его более спокойно, и открытого возмущения оно не вызвало.

40. Состав комитета остался тайной. Скорее всего, в него входили деятели компартии Литвы на платформе КПСС, хотя они сами отрицали свое участие в нем.

41. Известия. 1991. 15 января

42. Известия. 1991. 16 января.

43. Версии о возникновении перестрелки разнятся. По утверждению латвийской стороны, ОМОН пытался атаковать здание МВД, однако командование ОМОНа отрицало это, заявив, что его бойцы первыми подверглись нападению.
44. Действия Б. Н. Ельцина вызвали резкое недовольство противников независимости в самой Прибалтике. Из Таллинна ему пришлось уезжать на поезде, так как таллиннский аэропорт контролировали военные и сторонники оппозиции. А. Рубикс на одном из митингов в Риге вопрошал: «Кто дал Борису Ельцину право подписывать сепаратистские соглашения за спиной латышского народа?» (Советская Латвия. 1991. 16 января).
45. **Нистен-Хаарала С.** Сравнение политических органов и конституций России и Балтийских стран – культурная обусловленность и стечение обстоятельств // Страны Балтии и Россия: общества и государства. С. 260-261.
46. **Фурман Д. Е., Загороднюк Э. Г.** Притяжение Балтии. С. 449
47. **Melvin N.** Russians beyond Russia (The Politics of National Identity). London, 1995. P. 36.
48. Известия. 1991. 20, 31 июля.
49. Известия. 1991. 2, 3 августа.
50. Известия. 1991. 22 августа
51. Известия. 1991. 31 августа.

УДК 338.24

В. П. Лукин

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МАРКЕТИНГОМ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ С УЧЕТОМ ТРЕБОВАНИЙ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Летом 2012 года Россия завершила процесс вступления в ряды стран-членов Всемирной торговой организации. Это серьезное для экономики России решение стало основой для начинающегося роста конкуренции между отечественными и зарубежными производителями. Поэтому для отечественных предприятий особой остротой отличается проблема соответствия качества продукции и услуг требованиям, предъявляемых международным экономическим сообществом. Данные требования, как и соответствие им, подтверждаются соответствующими сертификатами качества. Более того, в современном рыночном пространстве наличие у производителя соответствующих сертификатов становится обязательной практикой и непременным требованием его партнеров.

В мировой практике подавляющее большинство сделок заключается только с теми субъектами рынка, чья деятельность сертифицирована в части систем менеджмента и контроля качества. В последнее же время актуальным становится и наличие сертификатов на соответствие требованиям международных правил и стандартов в области систем экологического менеджмента и управления охраной и безопасностью труда. Таким образом, многие российские компании, не имеющие сертификатов качества вовсе автоматически «выпадают»

из числа перспективных бизнес-партнеров, даже если могут предложить рынку действительно высококачественные по мировым меркам товары. С другой стороны, наличие документов о сертификации создает благоприятные условия для конкурирования с другими представителями отечественного и мирового бизнеса. Все указанное не может не сказаться на маркетинге в сфере B2B или, как его еще называют, промышленном маркетинге.

Маркетинг как методология рыночной деятельности является для промышленных предприятий в определенном смысле философией производства, позволяющей полностью, начиная от научно-исследовательских и проектно-конструкторских разработок, вплоть до сбыта и сервиса, подчинять работу всех подразделений предприятия постоянно меняющимся условиям и требованиям рынка. Поэтому управление маркетингом на предприятии необходимо реализовывать с учетом требований, прежде всего, стандартов ИСО 9000.

Международный стандарт ИСО 9004:2000 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности», раздел 4.3 «Использование принципов менеджмента качества» первым принципом менеджмента качества выделяет ориентацию на потребителей: «Организации зависят от своих потребителей, и поэтому должны понимать их текущие и будущие потребности, выполнять их требования и стремиться превзойти их ожидания». Другой пример − раздел 5.2 «Требования. Ориентация на потребителя» основным требованием функционирования системы определяет ориентацию на потребителей: «Высшее руководство должно обеспечить, чтобы требования потребителей были определены и выполнены для повышения их удовлетворенности». Следовательно, управление маркетингом промышленного предприятия в условиях ВТО должно осуществляться в соответствии с требованиями Международных стандартов ИСО 9000 посредством разработки и внедрения управленческого стандарта предприятия «Организация и осуществление маркетинговой деятельности

предприятия», и разработанных на его основе должностных, технологических инструкций и положений.

Система управления маркетингом предприятия как составной элемент его общей системы управления требует тех же подходов к организации процесса с точки зрения управления качеством, что и сама система, поскольку невозможно организовать полностью качественный процесс управления, если не применять тех же требований к управлению качеством каждого элемента данной системы. В связи с этим, система обеспечения качества управления маркетинговым процессом необходима, в первую очередь, для того, чтобы выполнение каждого действия гарантировано приводило к удовлетворению потребностей (цели, требования, ожидания) всех заинтересованных сторон (участников процесса), что является главным требованием международных стандартов ИСО серии 9000.

Можно выделить следующие основные процессы обеспечения качества функционирования системы управления, в том числе и маркетинговой деятельностью:

− планирование качества процесса – определение конкретного перечня стандартов качества, которым необходимо следовать при проведении работ в рамках осуществления процесса, и мероприятий, необходимых для обеспечения требований этих стандартов;

− выполнение запланированных мероприятий (обеспечение качества) – реализация в ходе осуществления деятельности, запланированных мероприятий по обеспечению качества процесса;

− контроль качества выполнения процесса – спланированный и систематизированный контроль реализации процесса и выполнения запланированных мероприятий по обеспечению качества (аудит, мониторинг, экспертиза).

При этом основным и координирующим процессом, направляющим всю дальнейшую деятельность, является планирование качества, подразумевающее детальную проработку мероприятий и работ, необходимых для обеспечения качества

функционирования на основе выбора тех положений, стандартов и нормативов, которые целесообразно и возможно применить к данному конкретному процессу.

Реализация указанного в практике требует применения принципов процессного подхода. Согласно их совокупности, управленческая деятельность есть непрерывное выполнение комплекса взаимосвязанных между собой видов деятельности и общих функций управления (прогнозирование и планирование, организация и т.д.).

Преимущество процессного подхода к рассматриваемой проблеме, что очевидно состоит в непрерывности взаимосвязанного проведения управленческих работ, что обеспечивает: получение синергетического эффекта как результата; более полное выполнение требований; постоянное улучшение процессов управления. В то же время нужно выделить следующие проблемные вопросы, возникающие при внедрении процессного подхода к управлению маркетингом в соответствии с требованиями ИСО 9001:2000 на промышленных предприятиях:

- что принять в качестве методологической основы при внедрении процессного подхода;
- как определить процессы для идентификации и документирования;
- как описать процессы и определить их взаимодействие;
- как оценить результативность процессов и др.

Существует множество мнений о числе процессов, необходимых для описания. Считается, что каждая организация должна оформить собственную классификацию и свой перечень процессов с учетом таких особенностей, как размер организации, категории выпускаемой продукции и пр. При этом, в любом случае, необходимо выполнять требования п. 4.1 ИСО 9001:2000, а именно:

«… Организация должна:

a) идентифицировать процессы, необходимые для реализации системы менеджмента и их применения внутри организации;
b) определить последовательность и взаимодействие этих процессов;
c) определить критерии и методы, необходимые для обеспечения результативной работы и управления этими процессами;
d) обеспечить наличие ресурсов и информации, необходимой для поддержания деятельности и мониторинга процессов (запустить процесс и/или поддержать процесс);
e) проводить мониторинг, измерять и анализировать эти процессы;
f) принимать меры, необходимые для достижения запланированных результатов и постоянного улучшения этих процессов».

Организация должна идентифицировать и описывать все процессы, входящие в СМК, с учетом специфики организации и возможных исключений, и затем определять их взаимодействие.

В области маркетинга система качества, согласно ИСО 9001:2000, должна предусматривать:

- обеспечение функции маркетинга всеми необходимыми ресурсами и надлежащими условиями;
- проведение мероприятий, предотвращающих ошибки в маркетинге;
- управление всеми условиями и факторами в маркетинге;
- постоянное улучшение работ по маркетингу.

В рекомендациях по применению ИСО 9000 предусмотрено следующее:

1. Требования в области маркетинга. Функция маркетинга, играющая ведущую роль в определении требований к качеству продукции, должна:

- определять потребности в продукции (услуге);
- давать точное определение рыночного спроса и области реализации, поскольку это важно для оценки сортности, требуемого качества, стоимости и сроков производства продукции (услуги);
- давать четкое определение требований потребителя на основе постоянного анализа хозяйственных договоров, контрактов или потребностей рынка;

- постоянно информировать в рамках предприятия обо всех требованиях, предъявляемых потребителем.

2. Краткое описание продукции. Функция маркетинга должна обеспечивать предприятие подробным официальным отчетом или руководящими указаниями по требованиям, предъявляемым к продукции, например, кратким описанием продукции, которое используется как исходные требования к процессу.

3. Обратная связь с потребителями. Функция маркетинга должна устанавливать на постоянной основе систему обратной связи и контроля получаемой информации.

Другим, не менее важным средством обеспечения качества процесса управления маркетингом является увязка технологии управления с другими бизнес-процессами предприятия, что обеспечивается посредством регламентированного документооборота.

Система документации по качеству предприятия включает в себя следующие документы:

- руководство по качеству (описывает систему качества в целом);
- методологические инструкции по элементам системы качества;
- рабочие инструкции (описывают отдельные комплексные технологические процессы);
- контрольные инструкции (описывают отдельные процедуры проведения контрольных и испытательных мероприятий);
- нормативную документацию и техническую литературу.

Методической основой создания этого документационного комплекса объективно являются регламентация (стандартизация, унификация) и планирование, отражающие особенности рыночной концепции. Это значит, что цели и деятельность в области повышения и обеспечения качества определяются в строгом соответствии с требованиями потребителей и рыночным спросом, а также, что очень важно, заключенными контрактами. Последнее вызывает необходимость строгого выполнения со стороны всех исполнителей своих функций в области качества в точном соответствии с

технологией, т. е. без ошибок. При этом плановые мероприятия ЦПК служат базой конкретизации в достижении целей управления качеством, так как в программе необходимо предусматривать ресурсное обеспечение достижения этих целей.

Значение документации в современном представлении управления качеством является очень важным, так как на ней основана вся последовательность действий по обеспечению требуемого потребителями качества. Она во многом обеспечивает соответствие состава и подготовки персонала; идентификации и прослеживаемости; фактических результатов и процессов; эффективности и функционирования всей системы управления качеством.

Применительно к управлению маркетингом основным инструментом управления качеством данного процесса, входящего в ряд специальных документов, является стандарт предприятия по организации и осуществлению маркетинговой деятельности, на базе которого далее разрабатываются положения о службе маркетинга, должностные и технологические инструкции специалистов, участвующих в маркетинговом процессе и т. д.

Стандарт – нормативный документ по стандартизации, разработанный, как правило, на основе согласия, характеризующегося отсутствием возражений по существенным вопросам у большинства заинтересованных сторон, принятый (утвержденный) признанным органом (предприятием). Стандартизация – деятельность по установлению норм, правил и характеристик в целях обеспечения: безопасности продукции, работ и услуг для окружающей среды, жизни, здоровья и имущества; технической и информационной совместимости, а также взаимозаменяемости продукции; качества продукции, работ и услуг в соответствии с уровнем развития науки, техники и технологии; единства измерений; экономии всех видов ресурсов; безопасности хозяйственных объектов с учетом риска возникновения природных и техногенных катастроф и других

чрезвычайных ситуаций; обороноспособности и мобилизационной готовности страны.

В основе построения стандарта любого предприятия лежат два принципа: специализация и детализация. Специализация означает включение в стандарт предприятия тех и только тех положений, которые имеют отношение к деятельности процесса именно на этом предприятии и в привязке к реалиям этого предприятия. Стандарт предприятия неизбежно должен содержать описание и классификацию процессов предприятия.

Организационные структуры и персонал процесса, также являются предметом специализации. В стандарте предприятия могут не только фиксироваться стандартные проектные роли (руководитель процесса, администратор, менеджер по качеству и т. д.), но и определяться структура и принципы формирования органов управления процессом. Для всех постоянных (определенных штатной структурой) подразделений, тем или иным образом связанных с исполнением процессов, должны быть определены принципы их участия – виды выполняемых работ, порядок выделения и отзыва персонала, формы и размеры получаемого вознаграждения. Для руководства этих подразделений должны быть определены их права и обязанности по отношению к организационной структуре процесса. Для сотрудников, привлекаемых в процесс, должны быть определены правила, регламентирующие их работу в процессе, в том числе регулирующие вопросы двойного подчинения и материального стимулирования.

Предметом специализации являются и процессы управления. Собственно описание этих процессов и процедур и составляет основной объем стандарта. В зависимости от содержания политики компании по управлению качеством выстраиваются процедуры управления процессом, затем на основании этих процедур разрабатываются детальные инструкции по исполнению этих процедур, что дает возможность построения шаблонов документов.

Обобщая, нужно сказать, что в стандарте промышленного предприятия «Организация и осуществление маркетинговой деятельности» должно быть конкретно определено кто, что, когда, в какой последовательности, каким образом осуществляет и за что несет персональную ответственность за управление маркетинговой деятельностью на предприятии. Основной целью является объединение всех структурных подразделений предприятия в сфере маркетинга в единую «цепь», в которой четко определены взаимоотношения между участниками и координация деятельности в этой области всех подразделений. Он должен определять общие принципы и порядок осуществления в целом маркетинговой деятельности на предприятии. Его нельзя считать тождественным положению об отделе маркетинга, где описываются отдельные функции маркетинга, выполняемые соответствующим подразделением, и методикам осуществления отдельных процессов (формирование товарной, ценовой политики, оценка конкурентоспособности и т. п.), поскольку указанные документы являются внутренними для подразделений, участвующих в маркетинговой деятельности, а стандарт – есть документ, регламентирующий эффективную с точки зрения потребителя маркетинговую деятельность предприятия целом.

УДК 327

В. П. Тростинская, И. Р. Тростинская

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЯ–КИТАЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время энергетический фактор стал одним из самых значимых в современной мировой экономике. Энергетика играет ключевую роль в обеспечении дальнейшего роста экономик стран мира, поскольку без использования энергии невозможны производственная деятельность ни одной отрасли мирового хозяйства, а также жизнедеятельность населения во всех ее проявлениях. Весь мир, и Российская Федерация в том числе, столкнулись с серьезными энергетическими вызовами: неравномерным распределением энергетических ресурсов, значительным ростом энергопотребления, истощением крупных месторождений и недостаточностью инвестиционных ресурсов на освоение новых, политической нестабильностью в ряде добывающих регионов. Кроме того, в сферу активного энергопотребления втягиваются все большие массы населения развивающихся стран, что способствует ускоренному росту потребления энергии. Именно поэтому остро стоит вопрос об энергетической безопасности и эффективной политике, способной ее обеспечить. Энергетическая безопасность – защищенность от угроз стабильному топливному и энергетическому обеспечению – ключевой фактор в развитии международного энергетического сотрудничества. В свете этого, российско-китайские отношения в сфере энергетики приобретают

особую актуальность. Отношения Россия – Китай затрагивают практически все сферы экономики. Однако именно энергетическое сотрудничество представляется наиболее перспективным.

В основе партнерства РФ и КНР на современном этапе лежат их глобально-стратегические интересы. Высокие темпы роста китайской экономики, и перемещение в Китай обрабатывающей промышленности в последние годы значительно увеличили потребность национального рынка Китая в энергоносителях. Высокая динамика потребления вынуждает китайское руководство активизировать действия по стабильному обеспечению страны энергоносителями и сохранению ее энергетической безопасности. В качестве наиболее перспективного источника углеводородного сырья Китай рассматривает Россию.

Поскольку Китай на сегодняшний день представляет собой перспективный рынок с огромным потенциалом, то на него стремятся многие страны, в том числе и Россия. РФ ставит перед собой задачу диверсификации экспорта и освоения новых рынков не только в Китай, но и главным образом в АТР [1]. Помимо необходимости России в диверсификации экспорта поворот к сотрудничеству с Китаем имеет также и внутренние причины. Экономика Восточной Сибири и Дальнего Востока находится в глубоком кризисе, нарастают процессы деиндустриализации, падает уровень жизни. В этой ситуации планы в сфере энергетики, такие как программа освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока, строительство трубопровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО), являются шагом вперед в развитии региона. Таким образом, сотрудничество с Китаем, с одной стороны, привлечет в Россию инвестиции, а с другой стороны, позволит увеличить чистую прибыль за счет экспорта.

В то же время, интересы сторон, совпадая в главном – необходимости развивать широкомасштабной энергетическое сотрудничество, существенно различаются с точки зрения конкретных его направлений и аспектов. Так, для Китая наиболее приоритетными

являются поставки нефти и газа. В то время как для России предпочтительнее развитие сотрудничества в области атомной и электроэнергетики. Именно поэтому проблема энергетического сотрудничества стала одной из основных в российско-китайских экономических отношениях. Многие вопросы в этой области остаются не до конца урегулированными, а формы и механизмы сотрудничества в отраслях ТЭК используются в ограниченных объемах.

На сегодня энергодиалог строится по следующим основным направлениям: поставки нефти, газа, атомная энергетика и электроэнергетика, угольная промышленность.

Прежде всего, стоит отметить поставки сырой нефти в КНР, как основополагающую форму сотрудничества. Фактически, поставки идут уже давно. При этом объемы постоянно наращиваются. На данный момент только железнодорожным транспортом в Китай поступает из России порядка 6 млн. тонн нефти [2]. В тоже время, поскольку китайская сторона хочет гарантий стабильности, после долгих переговоров в апреле 2009 года было принято решение о строительстве нефтепровода в Китай – ответвление ВСТО на Китай, до города Дацин. С января 2011 года именно трубопровод является основной формой транспортировки нефти в КНР, по нему экспортируется 15 млн. тонн нефти в год [3]. Срок действия соглашения — 23 года. Кроме того, под экспортное обеспечение Китайский банк развития предоставил российским госкомпаниям «Роснефти» и «Транснефти» кредиты на $15 млрд. и $10 млрд. соответственно [4]. Таким образом, сотрудничество в области поставок сырой нефти развивается постепенно и успешно, хотя некоторые вопросы еще продолжают обсуждаться.

Китай серьезно также заинтересован в инвестировании в разведку и добычу нефти в Восточной Сибири. В сентябре 2006 г. «РОСНЕФТЬ» и China National Petrolium Corporation (CNPC) подписали протокол о создании совместного предприятия «Восток Энерджи» [5], которое будет заниматься поиском и добычей

полезных ископаемых в Сибири, внедрением новых технологий для повышения эффективности разведки и добычи. Китай пытается финансировать освоение регионов в обмен на доступ к российским месторождениям и гарантии по поставкам нефти и нефтепродуктов. Россия со своей стороны рассчитывает не только на финансирование мероприятий по освоению месторождений в Восточной Сибири, но и получение доли в китайских перерабатывающих мощностях. На данный момент, объем добычи российской компании превышает объем переработки. А участие в переработке своих ресурсов на китайских мощностях дает возможность компании получить часть быстро растущего китайского рынка нефтепродуктов. Кроме того, в дальнейшем деятельность компании будет способствовать росту иностранных инвестиций в Российскую Федерацию, а также созданию новых возможностей трудоустройства российских граждан. Таким образом, китайские нефтяные компании медленно, но поступательно получают доступ к российским недрам. С другой стороны, участие российских компаний при соблюдении принципа равнодоступности позволит России обеспечить максимально возможное присутствие на энергетических рынках Азии.

Следующее направление сотрудничества – природный газ. Значительные запасы природного газа в Восточной Сибири и Дальнего Востока позволяют сформировать в данном регионе новые центры газодобычи. В тоже время, освоение таких огромных месторождений как Ковыктинское и Чаяндинское без выхода на внешний рынок, т. е. Китай, представляется не совсем эффективным. Стратегически «Газпром» не может не рассматривать Китай как важнейшего покупателя и партнера по реализации газотранспортных проектов. Об этом свидетельствует подписание в марте 2006 г. протокола между «Газпромом» и CNPC о поставках российского газа в КНР. В протоколе зафиксированы основные договоренности по срокам, объемам, маршрутам поставок газа. В сентябре 2010 года был подписан юридически обязывающий документ по основным условиям

поставок газа. Договор по условиям поставки газа из РФ предусматривает западный и восточный варианты: первый предполагает использование ресурсной базы Западной Сибири, второй – Восточной Сибири, Дальнего Востока и шельфа Сахалина. Предполагалось, что объем поставок по двум трубопроводным коридорам составит 68 миллиардов кубометров газа в год, в том числе 30 миллиардов кубометров – по западному маршруту [6]. Однако основную проблему представляло разное видение бизнеса в данной сфере непосредственно «Газпромом» и ТНК-ВР – основным совладельцем Ковыктинского месторождения. Так, ТНК-ВР хотела продавать газ в Китай, Корею и страны АТР, а «Газпром» считал более приоритетным восточный вариант, где Ковыктинский газ продавался бы на внутренний рынок, а в Китай – газ с шельфовых месторождений Сахалина. В результате, в конце января 2012 года глава «Газпрома» Алексей Миллер заявил, что приоритетом для поставок по восточному маршруту для компании является сжиженный природный газ, а в поставках газа в Китай по западному маршруту остался только ценовой вопрос. Западный вариант включает в себя проект «Алтай» – газопровод между месторождениями Западной Сибири и Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе Китая. Предварительная стоимость проекта составляет, по различным оценкам, от 10 до 13,6 млрд. долларов [6]. Однако окончательное решение о строительстве газопровода и о принципах ценообразования до сих пор не решены по ряду причин. Что касается восточного направления, то в июле 2009 года ОАО «Газпром» приступил к строительству газопроводной системы «Сахалин-Хабаровск-Владивосток». Это проект позволит удовлетворить приоритетную потребность в газе ряда дальневосточных регионов России – Хабаровского и Приморского краев, а также создать инфраструктуру, необходимую для экспорта газа в страны Азиатско-тихоокеанского региона.

В газовой сфере также стоит отметить участие китайских копаний в инвестиционных проектах, в частности, на шельфе Сахалина. Так, в рамках проекта Сахалин-3 «Роснефть» совместно с китайской нефтехимической корпорацией Sinopec ведет поисково-разведочные работы на Венинском участке. Добычу планируется начать в 2015 году. Заметим, что Сахалин становится все более привлекательным для китайских инвесторов. Так, корпорация DanDong намерена развивать портовую инфраструктуру острова. Поскольку РФ поддерживает инвестиционные проекты на Сахалине, это открывает дальнейшие перспективы российско-китайского сотрудничества.

Следующая сфера энергетического сотрудничества – электроэнергия. Россия готова обеспечить растущие потребности Китая в электроэнергетике. В настоящее время «РАО ЕЭС» осуществляет экспорт электроэнергии из РФ в КНР. Партнером «РАО ЕЭС» выступает Государственная электросетевая корпорация Китая. Целью этого проекта, является поэтапное увеличение поставок электроэнергии китайским потребителям до 60 млрд. кВт-ч в год. Кроме того, проект предполагает увеличение объема инвестиций к 2020 году до 10-13 млрд. долларов – предусматривается строительство на территории России новых генерирующих объектов, а также сетей переменного и постоянного тока на территории России и Китая протяженностью 3400 км [7]. На сегодня имеющиеся контрактные обязательства между «РАО ЕЭС» и Китайской национальной сетевой корпорацией выполняются в рамках приграничных сотрудничества, что существенно способствует развитию энергетики Восточной Сибири и Дальнего Востока. Однако китайская сторона заинтересована в наращивании импорта электроэнергии за рамками приграничного сотрудничества, что является важной предпосылкой реализации масштабных проектов и программ экономического подъема восточных регионов страны. Кроме того происходит переход к полномасштабному взаимодействию

и осуществлению совместных проектов, как то: участие специалистов РАО «ЕЭС России» в создании единой энергосистемы Китая, научно-техническое партнерство, содействие в подготовке китайских специалистов по энергетике, финансирование проектов строительства новых ГЭС, размещение в КНР заказов на изготовление заготовок для оборудования ГЭС, АЭС и ТЭС т. д.

Особо надо выделить сотрудничество России и КНР в области атомной энергетики. АЭС «Тяньвань» является одним из крупнейших и наиболее успешных объектов российско-китайского сотрудничества в атомной энергетике. Он был подписан еще в 1997 г., а запущен в 2007 г. Генеральным подрядчиком стал российский концерн «Атомстройэкспорт». Кроме того, на данный момент идет строительство третьего и четвертого блоков Тяньваньской АЭС, оценивающееся в 8 млрд. долларов [8]. Однако при всем обилии подписанных документов, уровень сотрудничества в данной сфере нельзя считать переходом к началу реализации крупных проектов, в которых заинтересованы обе стороны.

Что же касается российско-китайского сотрудничества в области угольной промышленности, то в 2009 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в угольной сфере, который предусматривает поддержку организаций двух стран в реализации стратегических направлений: освоение угольных ресурсов, возможное увеличение поставок угля в КНР морским и железнодорожным транспортом и т. д. [9]. На сегодняшний день наиболее успешным можно назвать сотрудничество ОАО «Сибирской Угольной Энергетической Компании», «Мечел», ООО «УК «Сахалинуголь» с российской стороны и компаниями Shenhua, China National Coal, а также Kailuan Group с китайской стороны. Кроме того, ведутся переговоры с китайскими инжиниринговыми компаниями по проектам в области расширения надземной и подземной добычи, а также углеобогащения.

Отдельно следует отметить сотрудничество в области энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии: строительство ветряных электростанций, станций, работающих на биомассе, фотоэлектрических электростанций на территории Китая и т.д. В общем и целом, приоритетным является, с одной стороны, развитие сотрудничества в области чистой энергетики, и с другой стороны, в сфере возобновляемых источников энергии.

Таким образом, общие аспекты российско-китайского сотрудничества по каждому направлению уже определены. Однако ряд вопросов и проблем еще только предстоит решить. Кроме того, сам поворот в энергетической политики России в сторону Востока связан с определенными сложностями.

В числе рисков «восточного вектора» энергетической политики России, прежде всего, стоит отметить усиление роли Китая как важнейшего рынка сбыта российской нефти. При этом Китай намерен импортировать российскую нефть не только для внутреннего потребления, но и для реэкспорта в страны АТР. Поэтому начинают возникать некоторые опасения появления новой нефтяной монопсонии. Кроме того, остается проблема ценообразования. Вопрос цены на нефть также обострился в начале 2011 г. Стороны разошлись по поводу того, как же нужно считать тариф за транспортировку энергоресурсов по трубе. Китайскую сторону не устроило, что цена доставки нефти в Дацин аналогична транспортировке энергоресурсов до нефтетерминала в Козьмино в Приморском крае, хотя ответвление от ВСТО на Китай начинается гораздо раньше. В результате уже в марте в СМИ появилась информация, что китайская сторона не доплачивает России миллионы долларов − по 13 долл. с каждой тонны нефти [10]. Конфликт длился около полугода, более того, «Транснефть» грозила подать в Лондонский суд на CNPC. При этом в вопросе ценообразования необходимо проявлять гибкость и компромиссность, поскольку ВСТО сильно зависит от одного покупателя − Китая. Мощность нефтепровода составляет 30

миллионов тонн в год, из которых 15 собиралась покупать КНР. Остальные 15 миллионов поступают в Козьмино. В случае разрыва российско-китайского контракта проект теряет смысл, так как половина его мощности окажется ненужной. В то время как Китай успешно импортирует нефть из других стран: Саудовской Аравии, Ирана, Анголы. В результате, сторонам удалось урегулировать конфликт. При этом РФ пошла на компромисс и снизила цену на 1,5 доллара за баррель. Как отмечают эксперты, фактически российской стороне удалось уменьшить требования КНР почти в десять раз.

На современном этапе одну из основных проблем представляет проблема сотрудничества в газовой сфере. Россия может отказаться от строительства газопровода в Китай через Алтайские горы и заповедное высокогорное плато Укок. Во-первых, строительству препятствует экологический фактор. Дело в том, что плато Укок – часть объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, любые виды строительных работ, тем более с использованием тяжелой техники, запрещены или, в крайнем случае, требуют специального разрешения. В июне 2012 г. Россия примет сессию Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, и если к этому времени не будет заявлено об отказе от строительства через плато Укок, страна получит серьезный удар по своей репутации. Во-вторых, до сих пор не решен вопрос ценообразования. КНР заинтересована в получении наших энергоносителей только по самой низкой стоимости, в противном случае с легкостью может обойтись и без нас. Для России же сотрудничество с Китаем в газовой сфере позволило бы максимально выгодно и без чрезмерно высоких затрат иметь надежный рынок сбыта для обширных газовых месторождений на востоке страны. Кроме того, газовое сотрудничество открывает РФ новые возможности для развития Сибири и Дальнего Востока, а также снимает зависимость от Европы. Между тем российско-китайские переговоры по газовому вопросу стоят на месте. Расхождение в оценке стоимости российского газа доходит до 100 долл. на тысячу

кубометров [11]. Китайскую позицию по ценовому вопросу усиливает и тот факт, что в мире пока еще есть дешевый газ – из Средней Азии: Казахстана, Узбекистана, Туркменистана.

Препятствием для быстрого развития сотрудничества в нефтегазовой сфере является также территориальный фактор. Спрос на энергоресурсы сосредоточен в промышленно развитых юго-восточных районах Китая, которые находится далеко от российских газовых месторождений. Поэтому из-за необходимости развития инфраструктуры для доставки газа он будет чрезвычайно дорог в тех местах, где больше всего нужен. Одним из вариантов решения проблемы может стать богатая газом Восточная Сибирь, но она расположена ближе к менее населенным регионам Китая, но их экономика развита не настолько, чтобы оправдать крупные китайско-российские инвестиции в дорогостоящую наземную инфраструктуру. К сожалению, Россия сама с нежеланием относится к развитию необходимой инфраструктуры, населенных пунктов и промышленности в тех масштабах, которые необходимы для рационального экономического использования ее газовых ресурсов.

Отметим также, что, несмотря на увеличившиеся темпы сотрудничества в нефтяной и газовой сфере и работу нефтепровода, по данным за 2010 год, импорт из России, составил лишь 6% от общего объема нефтяного импорта Китая. Крупнейшими поставщиками нефти в Китай стали в 2010 году Саудовская Аравия, Ангола, Иран и Оман, отодвинувшие Россию лишь на пятое место. Что касается поставок газа, то РФ стоит только на 10-ом месте [10]. При этом китайская сторона не стремиться кардинально изменить сложившуюся ситуацию. Как отметила эксперт Линда Якобсон, «Когда интересы совпадают, то Пекин и Москва сотрудничают, но когда интересы расходятся, то стратегическое партнерство имеет в таком случае небольшое значение. Не хватает подлинного политического доверия» [12]. Впрочем, формально Россия и Китай

регулярно подчеркивают уровень установившегося между государствами партнерства.

Вообще, одна из серьезнейших проблем российско-китайского партнерства − определенный дисбаланс между политическими и торгово-экономическими отношениями. Например, у Китая в отношениях с Японией, по их выражению, − «холодная политика, но горячая экономика» [13]. У России же в отношениях с КНР, наоборот, «горячая политика, но холодная экономика».

Ориентация на Китай сопряжена и с рядом других рисков. Целый комплекс внутренних проблем способен привести страну к социальной и политической нестабильности. Несмотря на удачные реформы и преобразования, ориентированные на развитие экспорта и внутреннего потребительского рынка, улучшением инфраструктуры, существует также ряд факторов, рассматриваемых экспертами как факторы риска. Это, прежде всего сомнительная статистика, диспропорции и «пузыри» в финансовой сфере, неравномерное развитие регионов, чрезмерно раздутый госсектор, выступающий тормозом развития ряда других секторов, социальная напряженность. Кроме того, Китай сталкивается с опасностью «перегрева» экономики. Объявленная политика снижения темпов роста (с 9,25% до 7,5%.) влечет необходимость ограничения инвестиций в производство и строительство. Объявление предстоящих ограничительных мер уже вызвало падение цен на рынках металлов и химического сырья. Однако было объявлено, что инвестиционные рестрикции не коснуться сферы нефтепереработки. Так и иначе экономику КНР нельзя назвать стабильной, а значит и сотрудничество подвержено риску, тем более, что многие аспекты пока носят только договорной характер, не закрепленный на бумаге.

В свете выше обозначенных проблем, перспективы энергетического сотрудничества неочевидны. Конечно же, сотрудничество не прекратиться, однако увеличение объемов – вопрос довольно спорный.

Прежде всего, стоит отметить, что стратегическая задача РФ – диверсификация энергетических рынков в направлении АТР. Однако из этого не следует, что Россия будет концентрироваться на Китае. Мы не отрицаем, что на данный момент именно китайский рынок является основным, однако уже предпринят ряд шагов для выхода и на другие рынки. Строительство ВСТО – стратегический ход к другим рынкам сбыта. По итогам 2011 года Китаю отошло 15% всего экспорта трубопроводах. Чтобы купить дополнительные объемы российской нефти, Пекину приходится остро конкурировать с другими претендентами, особенно с США, Японией и Южной Кореей. На эти три страны приходится примерно 60% отгрузки из Козьмина. Как отмечают аналитики, что именно американские покупатели «делают» цену на российскую нефть из Восточной Сибири, чем сильно мешают Китаю удовлетворить свои растущие потребности в импортной нефти. В случае если Китай согласится принять цену, которая складывается в Козьмино за дополнительные объемы нефти, у России, по сути, останется один покупатель, и никакой премии российские экспортеры получить не смогут. К тому же, этот вариант противоречит целям ВСТО. Таким образом, объем сотрудничества по прямым поставкам вряд ли существенно увеличится. Россия в большей степени будет стремиться к рынкам АТР. Если в 2008 году доля российской нефти в нефтяном балансе стран АТР составляла 2,7 %, то, по словам экспертов, ВСТО позволит довести её к 2020 году до 7,3 % [3]. Более того, некоторые специалисты полагают, что у нефти сорта «ВСТО» есть шансы сменить сорт Dubai в качестве ценового эталона для АТР. В принципе можно выделить два преимущества восточносибирской нефти перед ближневосточной. Во-первых, нефтепровод гарантирует более чёткое соблюдение сроков поставок, чем танкерный флот, а во-вторых, этот источник более надёжен — страны Ближнего Востока, в особенности, Иран могут в любое время перекрыть доступ к нефти. Вполне возможно, что это заставит страны Персидского залива снизить цены на нефть. Уже сейчас поставки нефтепровода на рынок АТР составляют от 7,5 % до 10 % от поставок ОПЕК, что имеет значение при

нынешней политике ОПЕК (сохранять квоты на добычу нефти, чтобы котировки не снижались), а по завершении строительства нефтепровода это значение возрастёт ещё больше. Кроме того, переориентация России на Восток, в том числе на Китай, будет иметь значения и для европейских потребителей. Если сотрудничество с Китаем и странами АТР будет активно развиваться, поставки в Европу могут существенно сократиться. К тому же, Европа последнее время часто обсуждает возможность альтернативных поставок газа и развитие альтернативного энергопроизводства. Однако, поскольку альтернативных вариантов у Европы мало, то данные обсуждения имеют скорее политический подтекст – давление на Россию. В свете этого, актуально показать и доказать, что у РФ есть другой рынок сбыта.

Говоря о российско-китайском сотрудничестве, нельзя не затронуть перспективы развития восточносибирского и дальневосточного, сахалинского регионов. Поскольку несколько партнерских проектов предполагают создание совместных предприятия, а также вложение инвестиций в существующие, развитие регионов будет продолжаться по нарастающей, даже без увеличения количества совместных предприятий. Ведь все эти проекты требуют развития инфраструктуры, транспортных путей, технологического оснащения. Кроме того, проекты означают создание новых рабочих мест. Поднятие данных регионов в целом приведет к экономическому единству России.

Еще одним перспективным направлением сотрудничества в сфере природного газа мог бы стать выход «Газпрома» на внутренний рынок Китая. России невыгодно просто торговать энергоресурсами на китайской границе. Если «Газпром» будет не только поставлять газ, но и путем приобретения активов и строительства промышленных объектов входить в газораспределительные сети (добиваться как минимум оперативного управления ими), цена газа «на входе» перестанет быть определяющим вопросом [2]. Что касается неурегулированного вопроса цены, то ситуация осложняется и неполадками в системе транспортировки газа. Проблема газопровода

«Алтай» может сильно осложнить российско-китайский энергодиалог. Говоря о перспективах, российские власти вряд ли откажутся от реализации этого проекта, невзирая на все экологические и репутационные проблемы. Хотя «Газпром» и ориентируется на Европу, он заинтересован в китайском рынке. Даже по консервативному сценарию, спрос на газ в Китае будет увеличиваться – на 5,6% в год и достигнет 145 миллиардов кубометров к 2015 году. «Проблема в том, что без договоренности с КНР по цене на газ Россия получит еще одну пустую трубу». Более вероятным представляется либо изменение маршрута, либо изменение сроков ввода трубопровода в эксплуатацию. На данный момент «Газпром» не может найти компромисс с китайскими партнерами по вопросу цены на газ. Обе стороны не стремятся форсировать переговоры. Россия сотрудничает с европейским рынком, Китай – с ближневосточными партнерами. Страны не хотят упустить свои выгоды, и поэтому эффективный диалог пока не ведется. Вопрос урегулирования цены на нефть, скорее всего, − вопрос следующих нескольких лет. По последним прогнозам, первый газ из России в Китай – 30 миллиардов кубометров – пойдет не раньше 2015 года по западному коридору и не раньше 2017 года по восточному (38 миллиардов кубометров) [3].

При этом в энергодиалоге Россия – Китай следует проявлять аккуратность и готовность к компромиссу. Помимо того, что КНР обладает большим количеством партнеров по поставкам энергосырья, она также имеет ряд проектов с США в области наукоемких технологий. США и Китай реализуют множество двусторонних энергетических проектов, начиная с программы эффективного извлечения и утилизации метана, децентрализации электрической и тепловой энергетики, и кончая обменом технологиями и знаниями по обеспечению энергоэффективности. Показатели энергоемкости в России одни из самых высоких в мире, в то время как в США они неуклонно снижаются благодаря введению новых технологий – и именно такие технологии необходимы Китаю, чтобы улучшить

экономические показатели и снизить потребление энергии. Поэтому Китай в долгосрочном плане скорее будет заинтересован в сокращении энергетических потребностей и развитии альтернативных источников энергии, а не в том, чтобы оставаться в импортной зависимости, в том числе и от России. Нам представляется, что Россия будет продолжать играть определенную роль в энергетическом будущем КНР, однако же, делать все возможное, чтобы не попасть в несбалансированную импортную зависимость от российских энергоресурсов.

В общем и целом, принимая во внимание все проблемы энергетического сотрудничества, его перспективы можно оценить скорее как положительные. Другое дело, что для разрешения всех проблем потребуется время. Иными словами, в долгосрочной перспективе, Россия и Китай будут наращивать сотрудничество. Однако в свете обозначенных рисков, обе стороны будут стремиться к поиску других партнеров и диверсификации рынков сбыта – с российской стороны, и диверсификации экспортных ресурсов – с китайской. Таким образом, возрастет потребность сотрудничества в наукоемких проектах, инвестиционных проектах, совместных промышленных объектах, нежели в наращивании поставок сырья. С другой стороны, объемы сотрудничества по поставкам сохранятся, поскольку это отвечает стратегическим интересам обеих сторон. Так или иначе, не приходится надеяться, что все вопросы будут решены в скором времени, как обещают власти. Энергодиалог Россия – Китай связан с целым комплексом проблем и сложностей, зависящих, в том числе и от состояния мирового рынка энергетики, и от цен на энергоресурсы, и от политики остальных регионов мира. По всей видимости, как и сотрудничество в любой сфере, российско-китайский энергодиалог полностью еще не реализовался. Экономическое сотрудничество между КНР и РФ значительно отстает от политического. Обе стороны отстаивают свои интересы до последнего, поэтому фактических договоренностей на данный момент мало. Большинство соглашений носят декларативный характер,

признающий необходимость сотрудничества, что, несомненно, указывает на дальнейшие перспективы взаимодействия. Детали же регулируются и будут регулироваться в ходе напряженного диалога между сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. [Электрон. ресурс] // АтомИнфо. URL: http://www.atominfo.ru/files/strateg/strateg.htm
2. **Фаляхов Р., Топалов А.** Китай грозит через трубу. [Электрон. ресурс] // Газета. Ru. URL: http://www.gazeta.ru/business/2011/08/22/3741901.shtml
3. Перспективы нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». [Электрон. ресурс]// Memoid. URL: http://www.memoid.ru/node/Perspektivy_nefteprovoda_%C2%ABVostochnaya_Sibir'_%E2%80%94_Tihij_okean%C2%BB
4. **Кезик И., Гривач А.** Аппетит дракона. [Электрон. ресурс] // АссоНефть URL: http://www.assoneft.ru/newstek/4631.php
5. «Роснефть» и CNPC подписали протокол о создании совместного предприятия. [Электрон. ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. URL: http://www.mnr.gov.ru/news/companynews/detail.php?ID=19046
6. ЛУКОЙЛ ожидает начала экспорта газа из России в Китай в 2016-2017 гг. [Электрон. ресурс] // РИАНОВОСТИ. URL: http://ria.ru/economy/20120314/594422342.html
7. Энергодиалог Россия – Китай. [Электрон. ресурс] // Министерство энергетики РФ. URL: http://minenergo.gov.ru/china/powerindustry/
8. Энергодиалог Россия – Китай. [Электрон. ресурс] // Министерство энергетики РФ. URL: http://minenergo.gov.ru/china/atom/
9. **Сугробов К.** Россия урегулировала нефтяной спор с Китаем за счет скидки. [Электрон. ресурс] // LENTA.RU. URL: http://lenta.ru/articles/2012/02/28/discount/
10. **Струкова Е.** Как продать газ Китаю и не остаться с носом [Электрон. ресурс] // РБК. URL: http://top.rbc.ru/economics/17/11/2011/625458.shtml
11. **Балашева А.А.** Перспективы сотрудничества РФ и Китая в газовой отрасли. [Электрон. ресурс] // Управление экономическими системами. URL: http://uecs.ru/uecs-38-382012/item/1075-2012-02-27-05-34-24
12. **Кевин Роснер**. Российско-китайские энергетические отношения в их истинном свете. [Электрон. ресурс] // InoСМИ. URL: http://inosmi.ru/economic/20101001/163312255.html
13. **Чудодеев Е.В.** Проблемы и перспективы экономического сотрудничества России и Китая. [Электрон. ресурс] // Управление экономическими системами. URL: Rakurs-art. http://www.rakurs-art.ru/publications/id/127

УДК 331.91

О. В. Фирсанова, В. Ю. Архипова

МЕТОДЫ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТОВАРА КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО

Состоявшееся в 2012 году вступление России в ВТО вносит свои коррективы в функционирование российских предприятий. С одной стороны, значительно упростился процесс выхода отечественных компаний на международные рынки, а с другой, возникли угрозы как со стороны иностранных производителей, так и внутрирыночные, связанные с ужесточением таможенного законодательства, необходимостью стандартизации, сертификации отечественных товаров и др.

Серьёзной уступкой, на которую согласилась Россия при подписании документов о вступлении в ВТО, является снижение пошлины на импортную продукцию. После присоединения к Всемирной торговой организации юридически обязательные максимальные пошлины в среднем снизились с 10 % до 7,8%. Средние максимальные пошлины на промышленные товары уменьшились с 9,5% до 7,3%, на сельскохозяйственные товары – с 13,2% до 10,8% [1]. Уже на начало 2013 года можно было наблюдать вполне ожидаемые результаты указанного решения. В частности, стоимость импорта в годовом выражении увеличилась на 7,5%, а экспорта сократилась на 4,7%, что большинство экспертов связывают

с ростом закупок текстильных изделий и обуви (на 13,1%), химической продукции (на 12,6%), продтоваров (на 9,0%), продукции машиностроения (на 3,6%). При этом, основу экспорта РФ в страны дальнего зарубежья (более 86% всего экспорта товаров) по-прежнему составляет топливно-энергетический сектор (78,7%).

При такой динамике роста импорта с замедлением внешнего спроса доходность экспортных производств может значительно упасть. Поэтому среди приоритетных направлений деятельности Правительства РФ по эффективному управлению экономикой является создание комплексной системы поддержки экспорта в течение ближайших пяти лет, учитывающей международные правила, в том числе и ограничения по прямому субсидированию промышленной и сельскохозяйственной продукции, предусмотренные нормами ВТО, ОЭСР и ЕЭП. Данная система, прежде всего, должна коснуться неэнергетического российского экспорта, в отношении которого приоритетным является сокращение стоимости и упрощение административных процедур, доступа к кредитным ресурсам, гарантийной поддержке, ликвидация избыточных таможенных операций, совершенствование механизмов валютного и экспортного контроля и др.

Другой стороной полноправного членства России во Всемирной торговой организации является открытость внутреннего рынка для товаров и услуг иностранных компаний, в результате конкурентная среда для отечественных предприятий стала более жесткой. Кроме того, большинство отечественных производителей слабо информированы об условиях рыночной деятельности, определяемых Всемирной торговой организацией, уровень их готовности к восприятию этих нововведений значительно ниже среднего. Во многих российских регионах отсутствуют не только действенные региональные концепции развития, но и программы поддержки местных товаропроизводителей в последующий после вступления

России в ВТО период. Как показывают результаты исследований, проводимые Международной организацией труда, только 9% российских предприятий чувствуют себя готовыми к конкуренции с западными компаниями.

В тоже время Правительство РФ предпринимает попытки поддержать отечественного производителя, несмотря на то, что эти действия не вызывают энтузиазма со стороны стран-членов ВТО. В основном эти меры касаются тех отраслей, вопрос по управлению которыми решался на протяжении многолетних переговоров России о вступлении в ВТО, таких, как, например, автомобилестроение, лесоперерабатывающая промышленность, сельское хозяйство и ряд других отраслей и сфер.

В частности, в автомобилестроении было принято решение действовать через государственный заказ техники, произведенной только в России и Белоруссии. В марте 2013 года вступил в силу новый еврорегламент, предусматривающий ответственность бизнеса за легальность происхождения лесоматериалов, поступающих в страны ЕС. Утвержден список масломолочных продуктов, пошлины на импорт которых будут повышены до 18,3% с сегодняшних 15% с 1 апреля сроком на 90 дней. В течение нескольких лет планируется снять ограничения на доступ иностранных компаний в сферу телекоммуникаций, розничной и оптовой торговли.

Внесены существенные изменения в российское законодательство, имеющие в той или иной мере отношение к качеству. В частности, были приняты законы о технических регламентах и коммерческой тайне, новая редакция Таможенного кодекса РФ, одобрены новые варианты законов о внешнеторговой деятельности, валютном регулировании и контроле, товарных знаках, патентах и авторских правах. Подготовлены изменения в Кодекс добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров, согласно которым первые

будут брать на себя обязательства по продаже продукции отечественной легкой промышленности [2]. Перечень различных мер и решений можно было бы продолжить, но и так становится понятным, что сформировавшиеся тенденции стимулируют значительные изменения в экономической жизни России.

Принятие международных правил ведения бизнеса, определяемых ВТО, изменило дальнейшую стратегию развития российских компаний, ориентированных на повышение качества товара.

Качество в законодательных нововведениях (система технических регламентов и национальных стандартов) следует рассматривать не только как безопасность, но и как удовлетворение требований потребителя, а, следовательно, и как высшую ценность товара.

Известно, что качество должно быть заложено в изделии на стадии НИОКР и обеспечено в процессе производства. Следовательно, в процессе совершенствования продукции предприятия необходимо учитывать высказанные и невысказанные, существующие и потенциальные потребности [3].

Как правило, удовлетворенность потребителя возрастает, когда значения параметров качества предлагаемого ему товара выше, чем ожидалось. Неудовлетворенность появляется в случае, если показатели качества ниже ожидаемого потребителем уровня, обычно соответствующего среднерыночной величине. Чтобы товар оставался конкурентоспособным, совершенствование его функциональных и технических характеристик требует постоянного внимания маркетинговых служб и вовлечения соответствующих ресурсов производителя. Здесь возникает вопрос о методах улучшения качества.

Формированием и развитием качественной составляющей товара, влияющей на его конкурентоспособность, занимались такие

ученые как В. Парето, Дж. Джуран, Ф. Кросби, К. Исикава, Ё. Акао, Д. Кавакита, С. Мидзуно, М. Хаммер, Ю. П. Адлер, Дж. Макэлрой, И. И. Исаев и другие. В результате в современной науке к текущему этапу ее развития исследовано множество методов улучшения качества, всю совокупность которых укрупнено можно разделить на [4]:

- методы, предполагающие совершенствование продукта;
- методы, связанные с совершенствованием процесса;
- методы, направленные на совершенствование подготовки персонала.

Наиболее интересными с точки зрения темы, заявленной в названии статьи, являются так называемые комплексные методы улучшения качества, относящиеся к первой группе. Рассмотрим их подробнее.

1. Мозговой штурм, ориентированный на повышение качества (кружки качества) – творческий, коллективный метод поиска новых идей и решений на основе стимулирования творческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения, а затем из общего числа высказанных идей отбирают наиболее удачные, которые могут быть использованы на практике (А. Осборн, 1953 г.).

2. Бенчмаркинг − метод анализа превосходства и оценки конкурентных преимуществ партнеров и конкурентов однотипной или смежной отрасли в целях изучения и использования лучшего (Исследовательская и консалтинговая организация PIMS, 1972 г.).

3. Реинжиниринг бизнес-процессов (BPR − business process reingine-ering) − радикальное переосмысление и перепроектирование деловых процессов для достижения резких, скачкообразных улучшений главных современных показателей деятельности компании, таких как стоимость, качество, сервис и темпы (М. Хаммер, Д. Чампи, 1994г.) [5].

4. Функционально-стоимостный анализ (ФСА) − метод непрерывного совершенствования продукции, производственных технологий, организационных структур. Задачей ФСА является достижение наивысших потребительских свойств продукции при одновременном снижении всех видов производственных затрат (Л. Майлс, 1947−1949 гг., Ю.М. Соболев 1948−1949 гг.).

5. Анализ видов и последствий потенциальных отказов (FMEA − Failure Mode and Effects Analysis) –применяется для разрабатываемых продуктов и процессов с целью снижения риска потребителя от потенциальных дефектов. Используется как в комбинации с ФСА-анализом, так и самостоятельно, но в отличие от ФСА в FMEA-анализе не анализируются экономические показатели (в том числе и затраты на недостаточное качество). Он позволяет выявить именно те дефекты, которые обуславливают наибольший риск потребителя, помогают определить потенциальные причины и выработать корректировочные мероприятия по исправлению ситуации до момента проявления этих дефектов, таким образом можно предупредить затраты на их исправление (Стандарт MIL-STD-1629 «Procedures for Performing a Failure Mode, Effects and Criticality Analysis»,США, 1949 г.).

5. Развертывание функции качества (QFD − Quality Function Deployment) − метод систематического и структурированного преобразования потребностей потребителей (на первых этапах петли качества) в требования к качеству продукции, услуги или процесса [6]. Метод развертывания функции качества (РФК-метод) ещё называют, «методом домов качества» или методом синхронного инжиниринга. РФК позволяет трансформировать потребности клиентов в характеристики продукта. На его основе возможно расставить приоритеты в качественных характеристиках для каждого продукта и одновременно определить задачи в области их развития. РФК-метод дает возможность рассматривать преобразование продукта с учетом

мнений потребителей на этапах его жизненного цикла, таких, как: маркетинг, планирование, проектирование, собственно разработка продукта, оценка опытного образца, разработка производственного процесса, изготовление, продажа, обслуживание (Ё. Акао, 1966 г.).

Приведенные методы улучшения качества имеют положительный опыт применения на практике в различных отраслях экономики. Однако наиболее эффективным инструментом повышения конкурентоспособности товара за счет совершенствования качественной составляющей особенно в изложенных в начале статьи условиях жесткой конкуренции со странами-членами ВТО является РФК-метод. Он в той или иной степени включает в себя особенности вышеописанных методов, охватывая тем самым различные уровни совершенствования качества.

Основу РФК-метода составляет серия матриц − «домов качества» − позволяющих согласовывать (рисунок 1):

- требования потребителей к уровню качества с параметрами продукта;
- параметры продукта с инженерными характеристиками компонентов;
- характеристики компонентов с производственными операциями;
- производственные операции с требованиями производства [7].

Таблицы, используемые для построения «дома качества», могут составляться с помощью различных инструментов маркетинга: инструментов контроля качества; инструментов управления качеством; метода анализа видов и последствий отказов (метод FMEA); метода ABC и др.

Рисунок 1. Структура «дома качества»

Алгоритм применения метода развертывания функции качества состоит из восьми последовательных этапов заполнения «дома качества».

Первый этап характеризуется определением требований потребителя к качеству и важности их наличия в товаре. Производится группировка пожеланий потребителей по принципу «родства», присваивается название для каждой группы (строится дерево потребительской удовлетворенности). Перечень требований потребителей отображается в первой матрице «дома качества», ранжируется по важности и заносится в соответствующий столбец (рис.1, этап 1).

На втором этапе исследуемая продукция компании сравнивается с одним или несколькими лучшими видами конкурирующей продукции (рис. 1, этап 2). В результате достигается понимание того, насколько производимый предприятием товар является совершенным

при сравнении с лучшими аналогами конкурирующих предприятий (рис. 1, этап 3). Каждому продукту, включая исследуемый, продукт конкурентов и свой перспективный, по каждому из требований качества присваивается рейтинг. Рейтинг для перспективного продукта выбирается следующим образом:

- если ожидание имеет высокий приоритет, а в исследуемом продукте он ниже, чем в конкурирующих, необходимо поставить цель добиться уровня лидирующих на рынке продуктов;
- если ожидание имеет высокий приоритет и исследуемый товар − лидер на рынке в этом отношении, то цель состоит, как минимум, в сохранении уровня;
- если ожидание имеет низкий приоритет, возможно сохранение или даже уменьшение текущего уровня [8].

После окончания этапа работы, связанного с визуализацией и оценкой весомости требований потребителей, необходимо принять решение о реализации этих ожиданий на практике, то есть как характеристики товара (как надо сделать?) соотносятся с тем, что ожидают и хотят получить потребители (что надо сделать?). Сформированный перечень качественных характеристик, влияющих на выполнение требований потребителя (как правило, не менее двух характеристик, влияющее на каждое требование) заносится в верхнюю таблицу (рис. 1, этап 4).

Затем заполняется центральная часть «дома качества», устанавливают зависимости между потребительскими и производственными характеристиками, которым присваиваются символы и подсчитываются количественная значимость взаимосвязи (рис. 1, этап 5).

На следующем этапе проводится анализ изделий конкурента и бенчмаркинговые исследования. Полученная информация о характеристиках своей продукции и продукции конкурентов заносится в нижнюю часть «дома качества» (рис. 1, этап 6).

Сила взаимосвязи между качественными характеристиками отображается в ячейках треугольной матрицы связей (рис.1, этап 7), образующей ее «крышу». Обозначенные взаимосвязи имеют определяющее значение при детализации путей усовершенствования продукции. Информация, полученная на этом этапе, определяет каким способом, при каких условиях, в каких режимах будет вестись процесс производства для получения продукта, максимально соответствующего требованиям потребителя, а также пути преодоления возможных противоречий при изменениях качественных характеристик.

Следующий этап позволяет сформировать целевые показатели для исследуемого продукта: проводится суммирование числовых значений показателей «значимости взаимосвязи» центральной части «дома качества», показывается приоритетность каждой ранее предложенной качественной характеристики (рис.1, этап 8).

В результате применения РФК-метода составляется общий список рекомендаций по улучшению характеристик продукции или по совершенствованию услуг компании, исходя из требований потребителей.

Можно выделить следующие преимущества РФК-метода:

- с его помощью возможно перерабатывать большой объем информации в сжатый вид, удобный для дальнейшего использования, учитывая вновь возникающие требования потребителей;
- на его основе можно повысить эффективность функционирования подразделений компании;
- учет требований потребителя на всех стадиях жизненного цикла продукции, предполагаемый в рамках применения этого метода, позволяет постоянно отслеживать запросы потребителей и возможности совершенствования продукции;
- метод позволяет обеспечить создание конкурентного преимущества на рынке, в том числе и путем сокращения времени разработки продукта в среднем на 30-50% [9.]

Использование РФК-метода может в кратчайшие сроки с минимальными издержками увеличить конкурентоспособность продукции или предлагаемых услуг отечественных производителей. Его применение крайне актуально для поддержания отечественного производства после вступления России в ВТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зименков Р.** Россия: последствия вступления в ВТО // Инвестиции в России. – 2012. – № 11.
2. Россия и Всемирная торговая организация [Электронный ресурс]/ // Официальный сайт: http://www.wto.ru/, свободный. − загл. с экрана.
3. **Фирсанова О.В., Шмелева Ю.А.** Взаимодействие систем и маркетинг инноваций // Маркетинг взаимодействия: инновационные технологии, компетентность, экономическое измерение, оценка эффективности/ Под ред. Г.Л. Багиева. − СПб.: Изд-во СПбГЭУ; Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012.
4. **Ефимов В.В.** Средства и методы управления качеством. – М.: КНОРУС, 2007.
5. **Адлер Ю.П., Щепотова С.Е** Система экономики качества. – М: РИА «Стандарты и качество», 2005.
6. **Адлер Ю.П.** Качество и рынок, или как организация настраивается на обеспечение требований потребителей: сборник «Поставщик и потребитель». - М.: РИА «Стандарты и качество», 2000.
7. **Хайзер Д.Р., Клозинг Д.** Дом качества // Хайзер Д.Р., Клозинг Д. / Курс на качество. –1992. – № 1.
8. **Салливан Л.П.** Структурирование функции качества // Курс на качество. – 1992. – № 3, 4.
9. **Пономарев С. В., Самодуров, В. А.** Процесс постоянного улучшения в системе менеджмента качества // Стандарты и качество. – 2005. – № 4.

УДК 321

О. Д. Мачкарина

ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СОГЛАСОВАННОСТИ ДЕЙСТВИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Сегодня нельзя не считаться с реалиями времени, такими как: с одной стороны – сближение мирового сообщества, но с другой – обострение противоречий, столкновение национальных интересов и различных правовых культур, различных ментальностей. И в этом процессе значимое место занимает Россия. Николай Александрович Бердяев подчеркивал: «Россия – великая реальность, и она входит в другую реальность, именуемую человечеством, и обогащает ее, наполняет ее своими ценностями и богатствами» [1]. Мы все понимаем, что человечество – это не абстрактная категория, а единое целое, образуемое множеством национальностей, национальных индивидуальностей, каждая из которых стремится к сохранению своего суверенитета, свободы, мира. Если обратиться к наследию Н. А. Бердяева, то мы обнаружим, что человечество–это «соборная личность», жизнедеятельность которой обусловлена деятельностью всех, составляющих её наций. Действующий принцип единства целого и части – единства человечества и наций – составляет основу устойчивых международных отношений и, собственно, основу международного права, которое И. Кант определил как «право народов» – «право государств в отношении друг к другу» [2, с. 380]. Оно есть результат естественных потребностей человечества в самосохранении и самоопределении. Это право вытекает из

естественного права, из стремления суверенного народа (каждой нации, живущей на Земле) обеспечить безопасность своей жизнедеятельности.

В процессе развития и совершенствования международных отношений международное право превратилось в совокупность формально-юридических предписаний для отдельных лиц и государств. Основу его составляет не человеколюбие как идея, а правовой принцип, обуславливающий реализацию важнейших гуманитарных принципов, таких как справедливость, свобода и равенство в «праве народов», в праве государств по отношению друг к другу. Современное международное право превратилось в целостную самостоятельную систему, которая включает в себя важнейшие компоненты, определяющие его содержание, отражающие в себе важнейшие принципы свободы, справедливости и равенства в праве. Проанализируем компоненты. Первым важнейшим компонентом международного права является цель – это некое для международного сообщества желательное состояние. Сегодня, наблюдая и оценивая современное состояние и перспективы развития международных отношений, их проявление, мы можем однозначно отметить, что целью международного сообщества, отраженной в праве, является «широкая безопасность». Именно этим термином, который вводит Владимир Кулагин (проф. МГИМО), можно обозначить особое понимание необходимости установления определенных условий для обеспечения экономической, социальной, информационной, экологической, культурной, энергетической, продовольственной и другой безопасности.

Процессы глобализации и интеграции международных отношений как результат развития современного мирового хозяйства, международного разделения труда, и мировой торговли, сопровождаются образованием интернациональных корпораций, международных организаций, межгосударственных объединений, представляющих интересы мирового сообщества. Они приводят к

необходимости интеграции правовых систем, правовых традиций и норм, присущих конкретным государствам и гражданам, как носителям определенного правосознания, правопонимания и, безусловно, ответственности.

Формирование ответственности личности происходит в процессе ее воспитания, образования, социального взаимодействия под влиянием множества факторов. Правовая культура личности отражает осознание субъектом своих прав и обязанностей по отношению к себе и к обществу. Институт ответственности в международном праве начинает складываться в мировом сообществе лишь с 1928 года. В праве, в отличие от морали, ответственность рассматривается, как обязанность ликвидировать причиненный вред. Международная ответственность – это, прежде всего, результат международных правонарушений, среди которых необходимо отметить такие как преступления против мира и безопасности, против наций и народностей, против природной среды, против отдельных народов и рас.

В международном праве предусматриваются три основания международно-правовой ответственности: юридическая (нормативная), фактическая (само деяние), процессуальная (порядок привлечения к ответственности). «Широкая безопасность» предполагает, прежде всего, ответственность участников мирового сообщества за свою деятельность, принятые решения и их последствия в обеспечении поставленной цели. Именно эта установка позволяет в полной мере реализовать потребности мирового сообщества в мире, безопасности и защите его прав. Не зря еще в сентябре 2009 года Д. Медведев, выступая с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, предложил включить принцип неделимости безопасности (иначе говоря, «широкую безопасность») в фундамент современного международного права, тем самым подчеркивая взаимообусловленность ее составляющих.

Сегодня мы можем наблюдать, что внедрение новых научно-технических, экономических, социальных достижений, современных

наукоемких технологий и возможностей современных средств коммуникаций, позволили расширить коммуникативные связи и границы общения, создать многообразные социальные сети, увеличить обмен информацией, товарами и услугами, повысить качество жизни человека. Но, в то же самое время, мы отмечаем, что в мировом сообществе появились новые проблемы, наблюдается ослабление рычагов управления мировыми процессами. Проблемы вышли на новый уровень: процессы глобализации и интеграции стали характерной чертой времени, но правовое управление этими процессами запаздывает. Например, управление информационными процессами предполагает ответственность за представленную информацию, собственно за информационную безопасность, которая является ключевой в информационном обществе. Подпрограмма «Безопасность в информационном обществе (2011–2020г)», принятая 02 декабря 2011 года предусматривает ответственность за распространение идеологии терроризма, экстремизма, пропаганды насилия, ответственность за вмешательство в частную жизнь, безопасность Интернета и, в том числе, финансовых систем, но вместе с тем в обществе продолжает сохраняться опасность уязвимости безопасности. Обратимся к сводкам новостей и выявляем, что число хакерских атак по сравнению с прошлым годом увеличилось на 36%, можно говорить сегодня даже о наличии международного преступного синдиката. Остаются открытыми множество вопросов и в том числе: может ли государство нести международно-правовую ответственность за несоблюдение или недолжное соблюдение международных обязательств в области защиты персональных данных? Сохраняет свою важность и проблема международно-правовой регламентации деятельности сети Интернет.

Остается уязвимой и сфера управления ресурсами. Рассмотрим данный аспект на примере Арктики (Арктика включает в себя Канаду, Россию, США, Исландию, Гренландию (Данию) с населением около 4 млн. человек). Основной проблемой этого региона остается проблема

распределения рыболовных квот за пределами исключительных экономических зон (открытое море). Область рыболовства растет, но в то же время в этом регионе оно не регламентировано правовыми нормами, что создает угрозу нарушений со стороны участников добычи (неконтролируемый вылов), остается надеяться на ответственность лиц, осуществляющих свою профессиональную деятельность в этом регионе. Сохраняют свою актуальность вопросы, связанные с управлением возобновляемыми ресурсами, сохранение биоразнообразия и биологический уникальности регионов и, вместе с тем, организация хозяйственной политики и практики, основанной на рациональном природопользовании, в том числе и туризм, основой которого должна быть ответственность, уважение прав и свобод человека, его самобытной культуры и ценностей.

Продемонстрировали свою ненадежность в обеспечении глобальной безопасности институты и механизмы ООН. Особенно это высветилось в процессе анализа международных событий, действий международных организаций, предпринимаемых сообществом мер. Следует отметить, что число военных конфликтов, актов насилия, численность человеческих жертв, как результат применения силы, возрастают. Например, в Ираке – начиная с 2003 года, (США и Великобритания начали военные действия без согласования с ООН), погибло около 4,5 тысяч американских солдат и более десяти тысяч иракцев (включая межэтнические и религиозные конфликты) как среди военных, так и среди гражданских лиц; в Ливии только за 2012 год погибло более 30 тысяч человек и более 22 тысяч – пропали без вести [3] (финансовые потери с момента ливийской революции составили (осень 2011 г.) более 100 млрд. дол.). Ленты новостей сообщают о вооруженных конфликтах и в других странах (Иран, Сирия, Северная Корея, Израиль и др.). Социально-политическая и экономическая напряженность внутри перечисленных стран не снизилась, напротив – проблема обеспечения стабильности в регионах сохраняется.

Сказываются последствия и распада многонациональных государств (бывшие республики СССР, Югославии), рост сепаратизма и политического насилия. Опасность представляет сегодня международного терроризм и организованная преступность. Изменилась картина военных конфликтов. Сообщество поставлено в ситуацию, когда изменения позиций одной нации может привести к смене всеобщего направления развития, так как международные связи и взаимозависимости постепенно растут.

Развернувшаяся борьба за лидерство и управление политическими процессами внутри международного сообщества может привести к изменению расстановки мировых сил. Обостряется угроза использования ядерного оружия особенно на фоне развязанных военных конфликтов. Источниками угроз стали негосударственные лица – это различные корпорации (финансовые, религиозные и др.) и организации. Понятия «демократия», «прозрачность», «коррупция» для воюющих стран остаются теоретическими, а прогресс в области человеческой безопасности – ничтожным, что побуждает нас задуматься о перспективах общественного развития, о будущем всего человечества, о том, насколько человечество сегодня осознает всю ответственность за совершаемые действия и принятые решения.

Наблюдается сегодня и рост экологических проблем, проблемы управления ограниченными водными и земными ресурсами, продовольственными и энергетическими, сохраняется сложная демографическая ситуация и другие, что, безусловно, должно учитываться при разработке международных мер и стратегий развития.

Новые реалии обозначили перед мировым сообществом необходимость концептуально осмыслить действительность и построить новую стратегию развития. Так, например, США для предотвращения новой агрессии (события 11 сентября 2001 года) стали поддерживать те режимы, которые, по их мнению, исходят из общечеловеческих принципов, понимая, что глобальная безопасность

связана с борьбой с бедностью и военными угрозами. Современная ситуация в мире позволяет утверждать, что универсального индивидуального лидерства сегодня не существует, мир нуждается в гибком коллективном управлении, в том числе и через международные организации и через совершенствование системы международного права. Современные правовые институты нуждаются в корректировке – это диктует сложившаяся международная обстановка.

Изменилось и само понятие «международная безопасность», которое трактуется сегодня как состояние, которое затрагивает не только сферу международных отношений, но и коренные интересы конкретного государства, отраженные во внутреннем курсе страны. Еще Владимир Вернадский в первой половине XX века писал: «Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте… планетарном аспекте» [4]. Безопасность одного государства возможна лишь с учетом интересов другого, взаимной ответственности государств по отношению друг к другу.

Обозначенная цель международного права вытекает из потребности человека в безопасности и его способности нести ответственность за свои действия, выполнять возложенный на него долг. Иван Михайлович Скворцов, богослов, известный русский философ XIX века подчеркивал в своей нравственной философии, что долг человеческий основа на понятии о достоинстве и важности человеческой природы: «Природа человеческая достойна справедливости сама по себе» [5]. Долг справедливости требует уважения людей друг к другу, соединения любви к человечеству с уважением к закону.

Вторым компонентом международного права являются потребности–именно общечеловеческие потребности, потребности мирового сообщества, определяют направленность и содержание международных процессов, отношений, которые регулируются

социальными, политическими, моральными, юридическими нормами, нормами международного права. В таком случае остается открытым вопрос о соответствии действующих международно-правовых норм гуманистическим принципам, таким как: не применения силы и угрозы силой, всеобщего уважения прав человека, самоопределения народов и наций, сотрудничества и других важнейших принципов человеческого общежития.

Процессы глобализации и интеграции современного общества открыли перед человечеством широкие возможности для развития мирового сообщества, углубления взаимозависимости государств и укрепления международного сотрудничества. Предусмотрели ли мы на уровне права и ответственности недопущение войны, достижение «вечного» мира?

На этот вопрос пытался ответить еще И. Кант в «Метафизике нравов», обсуждая вопрос о необходимости и характере войны (справедливой или несправедливой), и в первую очередь подчеркивал в качестве цели мирового сообщества важность установления *«вечного мира».* Но возможен ли он? Кант считал, что это сама по себе идея неосуществима [2, с. 387], но определение политических принципов, ведущих к установлению прочных и глубоких связей между странами, приближающих нас к «вечному миру» – задача вполне осуществимая и основана она на ясном осознании человеком собственного долга – долга, как глубокого осознания ответственности не только за свою жизнь, но и за жизнь всего человечества, долга, который немецкий философ расценивал как следование моральному закону. Угроза одной нации может привести к мировой войне. Право гражданина мира – это идея мирной общности людей, которые могут вступать друг с другом в полезные отношения, руководствуясь правовым принципом. Можно, конечно, прописать в нормах размер материальной ответственности, но главное – это глубокое осознание самой личностью необходимости следования данному предписанию.

Сегодня иссякло доверие к нравственной силе права, особенно в связи с растущей военной агрессией. И. Кант отмечал, что в естественном состоянии народов «право войны» – это дозволенный способ, каким государство с помощью силы решает проблему собственной безопасности, но для цивилизованных государств, для построения их взаимоотношений, гораздо важнее сегодня – «право мира». Несправедливым является навязывание отдельным государством своей воли, своей максимы сообществу, которая по своему содержанию, если бы превратилась во всеобщий закон, то сделала бы невозможным существование мира между народами. Именно такое проявление воли и есть, так называемое, «право сильного», право, способствующее развязыванию военный конфликтов, но не достижению компромиссов и приближению к «вечному миру». Право сильного порождает угрозу жизнеспособности мирового сообщества. Именно такое действие может быть расценено как преступление против человечества. Но война, как справедливо пишет Кант, – «это не тот способ, каким каждый должен добиваться своего права» [2, с. 389]. Актуальнее для нас не вопрос: реально или нереально достижение «вечного мира», а то, как мы должны поступать, чтобы содействовать его установлению.

Мировое сообщество сегодня не исключает возможности формирования диктаторских режимов, вероятности локальных конфликтов, но оно должно предусмотреть возможность предотвращения их перерастания в мировую войну, разработать принцип ответственности в международном праве за совершенные преступления против мира и человечества.

Петр Лаврович Лавров подчеркивал: основу мира между людьми должны составлять справедливость и любовь. В моральное существо человека превращает осознание собственного долга (и перед собой и перед человечеством), принцип свободы, порождающий в личности ответственность за свои поступки, принцип ответственности, позволяющий оценивать достоинство «другого».

Именно это понимание должно стать препятствием в развязывании любых военных конфликтов. Здесь будет уместным поднять проблему единства права и морали в отношении к войне. Бердяев Н. А. писал: «Мы все виноваты в войне» [6] и это нужно признать как факт и нести ответственность за развязывание любых военных конфликтов. Мы, так или иначе, участвуем в войне – и это нужно признать, чтобы ее отвергнуть. И это более нравственно, чем не признавать данного и желать для своей страны, своего народа того, что достигается насилием. Сегодня общество ожесточено, чтобы тронуть наши души необходимы более изощренные проявления жестокости: достаточно в качестве примера назвать телесериалы, фильмы, в которых господствует насилие. Все это притупляет нашу восприимчивость зла и жестокости, но не справедливость – великую человеческую ценность и потребность.

Эта позиция должны быть отражена в третьем компоненте международного права – в международно-правовых нормах. Это согласованные и закрепленные нормы поведения, признанные мировым сообществом обязательными, за нарушение которых предусматривается международно-правовая ответственность, но сами нормы создаются субъектами международных отношений, на основе уже имеющихся соглашений между государствами. Формирование позитивного права в ходе мировой истории и развитии международных отношений не устранило проблему соотношения права и нравственности, права и закона, долга и ответственности, в том числе и в отношениях между народами. Роль, которую сегодня выполняет международное право – это регуляция международных отношений, обеспечение определенного правопорядка, который способствует реализации целей международного сообщества. Укрепление международных связей, процессы глобализации и интеграции экономических и политических отношений сопровождаются созданием нормативно-правовой базы, которая регулирует международные отношения, укрепляет отношения внутри

мирового сообщества, и, вместе с тем, порождает особую сегодня проблему – проблему правового равенства и его обеспечение в данном геополитическом пространстве.

Однако и здесь сохраняются проблемы: сложность применения неопубликованных международных договоров (например, в РФ сегодня отсутствуют нормы, предписывающие обязательность опубликования уже вступивших в силу международных договоров), отсутствует единство практики применения норм международного права, а потому в схожих ситуация могут приниматься противоположные решения. Остается открытым вопрос о применении Европейской Конвенции и учете решений Европейского суда по правам человека в государственном гражданском судопроизводстве.

Четвертым важнейшим компонентом международного права являются принципы: принцип ответственности, сотрудничества в достижении мира, в международном регулировании охраны окружающей среды, рациональном использовании природных ресурсов и другие. Но единого документа, объединяющего принципы международного права, до сих пор не существует. Основные принципы изложены в Уставе ООН, в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, в регламентирующих документах. К таковым относятся: принцип суверенного равенства государств, принцип территориальной целостности государств, принцип сотрудничества, принцип неприменения силы, добросовестности выполнения международных обязательств и другие. Важнейшим из них является принцип ответственности.

В классическом международном праве институт ответственности сводился к возмещению ущерба, причиненного лицу, но оно не знало таких понятий как «агрессия», «ответственность за войну», «права человека». Впервые вопрос о международно-правовой ответственности возник после Первой Мировой войны, когда в международном праве стала укрепляться идея ответственности за военную агрессию, которая в дальнейшем превратилась в важнейший

принцип международного права. Теперь же институт ответственности наряду с обычаем включают отдельные договоры.

Глобализация и интеграция подготовили почву для столь важного шага – реализации института ответственности в международном праве, но нельзя не учитывать самого человека, его готовность принять эти установки как долг. Складывается полицентрическая мировая система, где будут господствовать многоуровневые и многомерные силы: политические, экономические, социальные идеологические и т. д. Потенциал неолиберальных ценностей Запада себя исчерпал, а потому, вполне вероятно, в будущем получат развитие разные, в том числе и взаимодополняющие ценности. Для управления безопасностью сегодня мировому сообществу необходимо реформировать нормативно-правовую систему, в тесном сотрудничестве стран, не только сформулировать ясные понятия о долге и взаимном уважении народов, но и разработать систему международных норм, которые бы учитывали реалии времени и включали в себя институт ответственности личности и нации за принятые решения и совершенные действия перед всем мировым сообществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бердяев Н.А.** Судьба России. М. : ЭКСМО», 2004. С.357
2. **Кант И.** Метафизика нравов // Кант И. Критика практического разума. СПб. : Наука, 2007.
3. **Седов Д.** Ливия два года спустя //http://www.fondsk.ru/news/2013/04/14/livia-dva-goda-spustya-20043.html
4. **Вернадский В. И.** Научная мысль как планетарное явление. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. С.35.
5. **Скворцов И.М.** Записки по нравственной философии // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии. Киев. : Типография Губернского управления, 1869. С.55.
6. **Бердяев Н.А.** Философия неравенства. С. 426

УДК 341.1

А. Е. Хренов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ГЕОСТРАТЕГИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА БАРАКА ОБАМЫ

Основы американской геостратегии

Современная американская геостратегия преследует две основные цели. Первая из них заключается в сохранении и укреплении доминирующего положения Соединенных Штатов в современном мире. Вторая – в обеспечении как их собственной безопасности, так и безопасности союзников. Обе цели оказываются взаимосвязанными. Обеспечение безопасности немыслимо для американцев без сохранения своей гегемонии, но и мировое лидерство должно быть, по их мнению, организовано таким образом, чтобы обеспечивать собственную безопасность. При этом широкое распространение получила трактовка гегемонии Р. Кохэйна и Д. Ная, согласно которой под гегемонией понимается такая ситуация в мире, когда «одно государство является достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения, и обладает волей поступать таким образом» [1].

Д. Най полагает, что гегемония любого государства и, в том числе, США, основывается на: 1) использовании силы; 2) вознаграждении и 3) «мягкой силе», т.е. на культурно-идеологическом доминировании. Понятие «мягкой силы» и «мягкого влияния» Д. Най противопоставил «жесткой силе» или «жесткому

влиянию», под которыми он понимал совокупность средств давления и принуждения других стран к определенной линии поведения в мировой политике (военных, экономических, дипломатических), силу «мягкую». Как утверждал автор данной концепции под «мягкой силой» понимается способность «добиваться того, чтобы другие сами захотели тех результатов, которые выгодны вам» [2]. «Мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек» [3]. Для того чтобы добиться «мягкого влияния», необходимо опираться не на деньги и принуждение, а на разделяемые с другим субъектом общие ценности.

У. Мид, отталкиваясь от концепции Д. Ная о «мягкой силе», вводит понятие «липкой силы». Под «липкой силой» понимаются те институты и механизмы (прежде всего экономические), которые привлекают к сотрудничеству с США, а затем вовлекают в сферу их влияния. «Липкая сила», так же как и «мягкая сила» обеспечивает гегемонию США в современном мире [4]. В последние годы заговорили о еще одном факторе – «умной силе», которая выражается в выигрышной стратегии на основе соединения «жесткой» и «мягкой силы» [5].

Внешняя политика в эпоху президентства Б. Обамы

В отличие от администрации Дж. Буша, администрация Б. Обамы сделало ставку не на использование «жесткой силы», а на применение «мягкой». Это не означает, что нынешняя администрация отказалась от использования военной силы, но акценты явно перенесены на формирование благоприятного имиджа США за рубежом, укрепление и расширение союзнических отношений, создание новых коалиций. Так, в Стратегии национальной безопасности 2010 г., отмечается, что для формирования международного порядка, соответствующего интересам США, следует оказывать поддержку демократическим институтам в новых демократиях, прилагать усилия для защиты прав человека, обсуждать

проблему прав человека с репрессивными правительствами, поддерживать распространение информации, укреплять продовольственную безопасность во всем мире, содействовать укреплению здоровья мирового населения, совместными усилиями искать выходы из гуманитарных кризисов. Целый раздел указанного документа называется «Усиление воздействия нашего примера».

Вместе с тем подчеркивается стремление США к укреплению международных организаций и их роли в решении глобальных проблем. Среди таких организаций особая роль отводится НАТО, ООН и «неформальным клубам» – G 8 и G 20. Можно утверждать, что наряду с «мягкой силой» Соединенные Штаты делают акцент и на «умную силу» – на «создание коалиции акторов для продвижения универсальных ценностей». Наряду с опорой на традиционные союзы, предполагается создавать коалиции с новыми зонами влияния.

Акцент на «умной силе» – результат негативных итогов использования «жесткой силы» предшественником Б. Обамы. К этим негативным итогам можно отнести «имперское перенапряжение» США и рост антиамериканских настроений в большинстве стран мира (в особенности в исламских, азиатских и латиноамериканских странах). Отстаивать свои ценности – не значит внедрять их насильно. Задолго до прихода в Белый дом новой администрации Б. Обамы многие американские специалисты-международники подчеркивали, что ставку следует делать не на «жесткую», а на «мягкую силу». Так, Т. Карозерс предлагал внести следующие изменения во внешнюю политике США: 1) разделить политику по продвижению демократии от политики насильственной смены режима; 2) отказаться от тезиса, что недемократические страны обязательно являются оплотом терроризма; 3) уменьшить американоцентризм в демократизации мира [6].

Для администрации Б. Обамы все годы пребывания в Белом Доме была характерна риторика, делающая акценты на перемены, перезагрузку, переформатирование отношений. Это не означало

отказа от гегемонии, но скорее свидетельствовало о том, что изменилось понимание характера такой гегемонии. И новая внешнеполитическая семантика Белого дома – «либеральная гегемония», «либеральное лидерство», «коалиционное лидерство» – тому подтверждение.

Центральными ориентирами внешней политики администрации Б. Обамы официально были провозглашены:

1. борьба с террористическими группировками (и, прежде всего, Аль-Каидой) в Афганистане и Пакистане;
2. завершение военной операции в Ираке и полный вывод американских войск из Ирака к концу 2011 г.;
3. предотвращение угрозы ядерного терроризма;
4. укрепление мира и безопасности на Ближнем Востоке;
5. упрочение союзнических отношений с другими странами;
6. восстановление американского влияния в Латинской Америке;
7. обеспечение энергетической безопасности и борьба с глобальным потеплением [7].

З. Бжезинский характеризует внешнеполитические изменения внешней политики США эпохи президентства Б. Обамы как радикальные. Он сводит эти изменения к следующим трансформациям:

- отказ от признания ислама врагом Америки;
- расширение трактовки роли США в мире, выходящей за рамки «глобальной борьбы с терроризмом»;
- ведение переговоров с Ираном по поводу ядерной программы;
- активизация посреднических усилий для урегулирования конфликта между Израилем и Палестиной;
- перенос акцентов борьбы с движением «Талибан» с военного на политический характер;
- подчеркнуто уважительное отношение к культурной самобытности стран Латинской Америки, активизация диалога с Кубой;

- борьба с распространением ядерного оружия;
- развитие отношений с Китаем как с экономическим и геополитическим партнером;
- улучшение отношений с Российской Федерацией [8].

Американский геополитик при этом отмечает: «Глобальная роль Соединенных Штатов в обозримом будущем будет зависеть от того, насколько успешно Обаме удастся справиться с… тремя взаимосвязанными проблемами – израильско-палестинским урегулированием, иранской дилеммой и афганско-пакистанским конфликтом» [8].

Если попытаться выстроить региональные приоритеты администрации Б. Обамы, то они могут быть обозначены следующим образом: Европейский Союз, Большой Ближний Восток, Азия, Россия, Латинская Америка, Африка. Новым во внешней политике администрации Б. Обамы является не стремление к самостоятельному решению глобальных проблем, а попытка сформировать международную повестку. Естественно, что главной проблемой становится поиск союзников и партнеров для реализации задач этой повестки. Поэтому естественным представляется, что в каждом из перечисленных регионов выделяются приоритетные для партнерства с США государства. В Европейском Союзе – это Великобритания, Германия и Франция, в Северной Америке – Канада и Мексика (члены НАФТА), в Азии – Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Индонезия, Филиппины и Таиланд, в центре Евразии – Россия, в Латинской Америке – Бразилия и Аргентина, на Ближнем Востоке – Израиль, Египет, Иордания и Саудовская Аравия, в Африке – ЮАР. В новой Стратегии национальной безопасности (2010 г.) отмечается, что США должны полагаться на «традиционные союзы, также создавая коалиции с новыми центрами влияния» [9].

Европейский Союз рассматривается как стратегический союзник США, о чем свидетельствуют неоднократные заявления высокопоставленных американских политиков. Если администрация

Дж. Буша была вынуждена делать ставку на «новую» Европу, то современная администрация ориентирована не только на «новую», но и на «старую» Европу, налаживание диалога с Парижем и Берлином. Главными направлениями отношений с ЕС выступают двухсторонние связи со странами-членами Евросоюза и взаимодействия в рамках НАТО.

Одной из главных целей нынешней американской администрации стало обеспечение энергетической безопасности. Для ее достижения США стремятся сохранить свое доминирование на Ближнем Востоке и закрепиться в кавказском и центрально азиатском регионах. На Ближнем Востоке положению США угрожают нестабильность в Ираке, неурегулированный палестино-израильский конфликт и развивающий ядерные программы Иран. В качестве ключевых задач по обеспечению региональной стабильности называются урегулирование израильско-палестинского конфликта, нормализация ситуации в Ираке после вывода из него американских войск и препятствия «незаконной ядерной программе Ирана». Предпринимавшиеся ранее попытки США наладить диалог между Израилем и Палестиной, предложить план урегулирования арабо-израильского конфликта не дали ощутимых результатов. Также не увенчались успехом усилия по установлению международного контроля над ядерной программой Ирана. Соединенные Штаты длительное время выступали с инициативой о введении санкций против Ирана, однако их введение также не принесло желаемых результатов – Иран не стал более сговорчивым по поводу своей ядерной программы. После начала военной операции США против Ирака влияние Ирана в ближневосточном регионе возросло. И применение санкций вряд ли нанесет значительный ущерб этому влиянию. Следует иметь в виду, что в Конгрессе и в Государственном департаменте США довольно влиятельны силы, выступающие против диалога с Ираном и за усиление санкций и давления на это государство.

В Стратегии национальной безопасности США определяются следующие задачи американской внешней политики на Ближнем Востоке:

- сотрудничество с Израилем;
- помощь в создании палестинской государственности;
- участие в обеспечении безопасности в Ираке;
- влияние на Иран с целью предотвращения создания им ядерного оружия;
- сотрудничество в борьбе с терроризмом;
- доступ к энергоресурсам.

Наряду с Израилем ключевыми партнерами в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке считаются Египет, Иордания и Саудовская Аравия. Хотя после арабских революций, опора на Египет кажется проблематичным. Участие в решении проблем Ближнего Востока (как и в Азии) невозможно без выстраивания диалога с исламским миром. Это понимают в Государственном департаменте США.

В наследство от предыдущей администрации правительству США достались нерешенными проблемы Ирака и Афганистана. Решение этих проблем виделось за счет, во-первых, большего привлечения сил союзников в проведении операции в Афганистане (прежде всего, остальных членов НАТО), а, во-вторых, за счет создания дееспособных политических институтов и сил безопасности, действующих в этих государствах. Следует отметить, что эффективность этих способов до сих пор остается достаточно низкой. США не удалось создать жизнеспособные формы государственного устройства в Косово, Македонии или Боснии. Не получилось ввести эффективные институты власти в Ираке и Афганистане.

Барьером американской внешней политики в этом регионе выступает отсутствие возможности увеличения расходования ресурсов. К середине 2010 г. в Афганистане находилось 102 тыс. военнослужащих, а содержание войск в этой стране обходилось в 6,7

млрд. долл. Всего же на проведение контр террористической операции в Афганистане было израсходовано к концу 2010 г. 105 млрд. долл. В настоящее время американские политики видят выход в укреплении афганской армии и полиции, обучении их ведения контр террористических операций против движения «Талибан» и ликвидации его поддержки со стороны пакистанских террористических групп.

В Азии США сделали ставку на Китай и Индию. Китай рассматривается американцами как главный партнер США. Это обусловлено как растущей мощью, так и растущим геополитическим влиянием Китая в тех регионах, которые США включают в зону жизненно важных национальных интересов. В американской администрации и в экспертных кругах активно обсуждались проекты по созданию «Большой двойки» (G 2), т. е. американо-китайского глобального дуумвирата. Американская сторона подчеркивает общность интересов двух стран в денуклеаризации корейского полуострова, решении иранской ядерной проблемы, гуманитарных проблем Судана и стабилизации ситуации в Южной Азии. Предлагается развивать Стратегический и Экономический Диалог по широкому спектру проблем двухсторонних отношений, регионального и международного сотрудничества. В обзоре ядерной политики (2010 г.) отмечается, что США и Китай «все больше зависят друг от друга; растет их общая ответственность за решение вопросов глобальной безопасности, такой как, например, распространение оружия массового поражения (ОМП) и терроризм» [10]. Декларируется также стремление к сотрудничеству в области сохранения окружающей среды и борьбы с изменениями климата. Если предыдущая администрация Дж. Буша не скрывала своих опасений относительно Китая, то новая администрация Б. Обамы демонстрировала готовность к расширению контактов по вопросам экономики и безопасности.

Индия же отводилась роль своеобразного противовеса растущему могуществу Китая. Тем не менее, Соединенным Штатам не удалось до сих пор вовлечь ни Китай, ни Индию в зону своего влияния. Основные усилия американской администрации сконцентрировались вокруг развития торгово-экономических отношений с азиатскими лидерами, активизации диалога и вовлечения их в сотрудничество через международные организации.

В отношении России Соединенные Штаты стремились к налаживанию диалога, рассматривая ее как экономически слабеющее государство с сохранившейся обширной зоной влияния. Администрация Обамы в период кризиса попыталось сделать ставку не на противостояние с Россией, а на то, чтобы через влияние России добиваться общих с ней целей. К таким целям отнесены: содействие нераспространению ядерного оружия, уменьшение ядерных потенциалов обеих стран, борьба с террористическими угрозами. В определенном смысле Россия рассматривается нынешним американским истэблишментом преимущественно инструментально, т. е. как одно из средств реализации американских интересов. Основными зонами сотрудничества с Россией, по мнению американской администрации, могут быть: обеспечение глобальной и региональной безопасности, контроль над вооружениями, сокращение стратегических наступательных вооружений, борьба с терроризмом.

На Кавказе Соединенные Штаты предприняли попытку опереться на Грузию. Несмотря на нацеленность на Азербайджан, сделать его своим союзником в этом регионе Америке не удалось. Армения, сохраняющая свою пророссийскую направленность, также не могла быть использована США в качестве опоры в этом регионе. Именно этими двумя обстоятельствами обусловлена ставка Америки на Грузию. Однако в Грузии США нашли непредсказуемого и маловлиятельного партнера со многими нерешенными внутренними проблемами. Планы включения Кавказа в зону преимущественно американского влияния, разрабатываемые еще в 90-е гг. прошлого

века во многом так и остались геополитическими проектами, от которых США не отказались, но до сих пор так и не реализовали.

США продолжали и продолжают предпринимать попытки утверждения своего влияния в Центральной Азии. В качестве опорных пунктов служат военные базы в Киргизии. Америка ведет переговоры с Узбекистаном об открытии в этом государстве своей военной базы. Главными экономическими проектами США в этом регионе является строительство нефте- и газопроводов, которые могли бы протянуться из Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан) через Азербайджан, Грузию и Средиземное море в Турцию и Европу. По существу США решают задачу поиска альтернативных Ближнему Востоку источников энергоресурсов.

Латинская Америка длительное время считалась «задворками» США. Однако рост антиамериканских настроений, расцвет популизма и укрепление ряда Латиноамериканских государств поставили по-новому вопрос о роли Соединенных Штатов в этом регионе. Именно поэтому, администрация Б. Обамы стремилась восстановить уменьшившееся здесь влияние. Позиция новой администрации Белого дома в отношении стран Латинской Америки сводилась к втягиванию их в сотрудничество. Отношения со странами Латинской Америки рассматривались Соединенными Штатами через призму таких проблем как: энергетическая безопасность, борьба с незаконным производством и транспортировкой наркотиков, контроль над миграцией. А главным критерием оценки латиноамериканских государств стали эффективность их государственных институтов и возможности сотрудничества с США.

Национальная безопасность США в контексте современного мирового порядка

Официальными документами в области национальной безопасности США являются: Стратегия национальной безопасности, Национальная оборонная стратегия, Национальная военная стратегия

и Четырехгодичный военный обзор (ЧВО), который можно рассматривать как военную доктрину, Обзор ядерной политики США.

Проблемы «жесткой» безопасности напрямую выводятся из оценки современного мирового порядка и характера существующих угроз. В Четырехгодичном военном обзоре, основные положения которого были опубликованы в феврале 2010 г. отмечается, что «США оказались перед лицом сложной и неопределенной ситуации в области безопасности, меняющейся возрастающими темпами. Распределение политических, экономических и военных сил в мире становится все более рассредоточенным. Подъем Китая, самой населенной страны мира, и Индии, самой большой в мире демократической страны, продолжит влиять на формирование международной системы, которая больше не поддается четкому определению, и в которой США останутся самым влиятельным игроком, но все больше вынуждены полагаться на ключевых союзников и партнеров для поддержания мира и стабильности» [11].

В Стратегии национальной безопасности США, принятой в мае 2010 г., указывается на то, что «Войны по идеологии уступили место войнам по религиозной, этнической и племенной идентичности» [9]. В том же документе отмечается, что средством обеспечения национальной безопасности является сохранение и обеспечение американского лидерства в XXI веке. Отмечается взаимосвязь между национальной безопасностью, конкурентоспособностью, силой и моральным примером Америки. Основными компонентами американской силы рассматриваются: вооруженные силы, экономическое развитие и конкурентоспособность, образование, наука, снижение стоимости здравоохранения, сокращение дефицита бюджета и приверженности базовым ценностям. В стратегии обращается внимание на то, что лидерство должно быть основано на силе примера, а не на силовом внедрении демократии в других странах.

Обеспечение национальной безопасности основывается на выявлении и защите национальных интересов. В перечень американских национальных интересов включены:

- безопасность американских граждан, союзников и партнеров Америки;
- экономический рост, обеспечивающий процветание общества;
- уважение к универсальным ценностям в Америке и за ее пределами;
- международный порядок, ориентированный на разрешение глобальных проблем.

Основными угрозами национальной безопасности США признаны:

- распространение оружия массового уничтожения;
- развитие терроризма;
- доступ террористических организаций к ядерному оружию и ядерным материалам.

Наряду с традиционными угрозами также были названы:

- угрозы информационным технологиям и системам;
- энергетическая зависимость;
- изменение климата;
- формирование и действия глобальных преступных сетей.

В Стратегии предусмотрен комплекс мер по обеспечению национальной безопасности. В него входит:

- усиление внутренней безопасности
  - ♦ защита национальной инфраструктуры (транспортных узлов и систем управления)
  - ♦ защита информационного пространства
- эффективное управление чрезвычайными ситуациями
  - ♦ совершенствование прогнозирование уровней угроз и чрезвычайных ситуаций
  - ♦ координация усилий правительственных и частных структур для парирования возникающих угроз

- борьба с радикализмом и терроризмом
  - ♦ предотвращение терактов на стадии их планирования
  - ♦ улучшение работы разведки
  - ♦ отделение Ислама от терроризма и борьба с террористическими организациями, а не с религией
  - ♦ борьба с террористическими сетями в Афганистане, Пакистане и во всем мире
  - ♦ борьба с террористическими филиалами в Йемене, Сомали, Сейшелах
  - ♦ улучшение координации государственных структур
  - ♦ уголовное преследование террористов
  - ♦ не допустить таких реакций на терроризм, которые противопоставляли бы Америку другим странам и религиям
- борьба с распространением ОМУ
  - ♦ движение к миру без ядерного оружия
  - ♦ ратификация и выполнение Договора СНВ-3 совместно с Россией
  - ♦ усиление Договора о нераспространении ядерного оружия
  - ♦ стремление к денуклиаризации Корейского полуострова
  - ♦ создание препятствий для развития ядерного оружия Ираном
  - ♦ обеспечение сохранности ядерного оружия и ядерных материалов
  - ♦ поддержка развития мирной атомной энергетики
  - ♦ борьба с биологическими угрозами
- возможность нанесения превентивных ударов для предотвращения угроз.

В Стратегии также рассматриваются геополитические аспекты национальной безопасности США. Внимание обращается, прежде всего, на три основных региона: Ближний Восток, Южную Азию и АТР.

Для защиты национальных интересов США считается необходимым усиление взаимодействия с международными

организациями и реализацию политического курса через них. Из наиболее значимых международных организаций отмечаются НАТО, ООН, G8 и G20. В Стратегии также указывается на необходимость развития сотрудничества с такими региональными организациями как АСЕАН и АТЭС.

В Соединенных Штатах в последние годы пересматривается военная доктрина, являющаяся частью концепции национальной безопасности. Если традиционная американские доктрины XX в. были ориентированы на победу над противником, то уже в 2000 г. бывший министр обороны США У. Коэн сформулировал новую цель внешней безопасности Америки: «Мы должны быть сильны не для того, чтобы успешно отразить нападение. Мы должны быть сильны настолько, чтобы ни у кого и не появилось мысли напасть на нас». С достижением этой цели и связана современная военная доктрина США. В Четырехгодичном военном докладе 2010 г. отмечается, что «Интересы Америки и ее роль в мире требуют наличия вооруженных сил, обладающих непревзойденными возможностями, и готовности страны использовать их для защиты наших интересов и ради общего блага. США по-прежнему являются единственной страной, способной к переброске сил и ведению крупномасштабных операций на больших расстояниях» [11].

По мнению специалистов Национального Военного Университета США, в современной войне побеждает та сторона, которая, во-первых, более чутко реагирует на появление новых технологий и начинает использовать их в своих целях; во-вторых, разрабатывает новые военные доктрины и концепции, исходя из современных условий; и, в-третьих, военное руководство которой не просто использует новые технологии и идеи, но и может прогнозировать, каким образом их может использовать противник. В понимании Министерства Обороны США, первоочередными задачами в деле укрепления обороны являются: изменения структуры

вооруженных сил, и доктрины, а также повышение способности вооруженных сил противостоять новым угрозам [12].

В развитии американских Вооруженных сил акцент делается на неядерные вооружения. Это объясняется тем, что существующие угрозы (большинство которых носит иррегулярный характер) чаще всего невозможно парировать с помощью ядерного оружия. В Обзоре ядерной политики США прямо говорится, что огромный ядерный потенциал, унаследованный Америкой от холодный войны мало подходит для решения проблем борьбы с терроризмом и недружественными режимами, стремящимися овладеть ядерным оружием [10]. В разработанной Концепции быстрого глобального удара ставится цель в кризисных ситуациях нанесения несколькими тысячами высокоточных ударных средств по государству-цели и уничтожение в течение нескольких часов важнейших стратегических объектов.

В современной военной доктрине США акцент сделан на развитии высокоточного оружия (ВТО) и систем противоракетной обороны (ПРО). Причем администрация Б. Обамы в отличие от администрации Дж. Буша делает акцент не на создании стратегической ПРО, а на формировании ПРО на театрах военных действий (ТВД). В предисловии к Докладу о противоракетной обороне (февраль 2010 г.) министр обороны Р. Гейтс отмечал, что главной целью программ ПРО выступает защита от краткосрочных региональных угроз. Для этого должна укрепляться способность «защищать территорию США от ограниченного нападения небольшого количества баллистических ракет большой дальности» [13]. Система ПРО, по словам американских военных, должна обеспечивать перехват ракет дальностью от 1 тыс. до 5,5 тыс. км. Данная система должна обеспечить одновременный перехват до 50 ракет. Существует программа развертывания системы ПРО, включающая в себя три этапа. На первом из них, который должен завершиться к 2012 г., предполагается развертывание ПРО на

кораблях ВМС США. На втором этапе (до 2015 г.) ПРО морского и наземного базирования предполагается развернуть в Европе. В рамках третьего этапа, к 2018 г. будут развернуты системы SM-3 Block IIA и SM-3 Block III B, способные перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты [13].

Современная Америка не намерена отказываться от ядерного оружия. В Обзоре ядерной политики США подчеркнуто, что «Угроза глобальной ядерной войны отступила, однако увеличился риск нападения с применением ядерного оружия» [14]. Самую непосредственную и исключительную опасность, по словам американского Президента, представляет ядерный терроризм. Другой современной угрозой выступает распространение ядерного оружия. Вместе с тем, несмотря на возрастание угроз ядерного терроризма и распространения ядерного оружия, отмечается необходимость обеспечения стратегической стабильности в отношении существующих ядерных держав – в частности в отношении России и Китая.

Стратегия ядерного оружия и структуры ядерных сил должны быть ориентированы на решение следующих проблем:

- уменьшение роли и количества американского ядерного оружия;
- поддержание заслуживающего доверия режима ядерного сдерживания;
- осуществление программы продления срока эксплуатации американского ядерного оружия и модернизации ядерных вооружений;
- уменьшение роли ядерного оружия в международных отношениях.

Следует отметить, что перенос акцентов с ядерного оружия на неядерные вооружения рассматривается Соединенными Штатами в неразрывной связи с проблемами обеспечения собственной национальной безопасности, в контексте меняющегося мирового порядка и трансформации своего понимания средств решения внешнеполитических задач в новых условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Keohane Robert O.** After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 34-35.
2. **Най Д.** Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск/Москва: Тренды, 2006. С. 24.
3. **Най Д.** «Мягкая» сила и американо-европейские отношенияю. URL: http://postindustrial.net/2004/11/myagkaya-sila-i-amerikano-evropejskie-otnosheniya/ (дата обращения 28.08.2012)
4. **Мид У.** Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М.: Прогресс-традиция, 2006.
5. «Умная сила» Барака Обамы. Интервью с Дж. Наем. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Umnaya-sila-Baraka-Obamy (дата обращения 28.08.2012). См. также: Най Д. Дональд Рамсфельд и «умная сила». URL: http://www.day.kiev.ua/161642 (дата обращения 28.12.2010). «Умная сила» поможет улучшить имидж США в мире. URL: http://www.rossia.su/2007/11/07/umnaja_sila_pomozhet_uluchshit_imidzh_ssha_v_mire.html (дата обращения 28.08.2012)
6. **Карозерс Т.** Противодействие распространению демократии. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6559 (дата обращения 28.08.2012)
7. Foreign Policy. URL: http://www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy (дата обращения 28.08.2012)
8. **Бжезинский З.** От надежды к дерзанию. URL: http://globalaffairs.ru.mastertest.ru/numbers/42/13266.html (дата обращения 28.08.2012)
9. National security strategy // http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения 28.08.2012)
10. Обзор ядерной политики США. Основные положения. 6 апреля 2010 г. URL: http://www.defense.gov/npr/docs/RUS-FINAL_NPR_Preface___Exec_Summary.pdf (дата обращения 28.08.2012)
11. **Рогов С.** Новая «декларативная стратегия Пентагона». URL: http://www.mgobb.ru/content/novaya-deklarativnaya-strategiya-pentagona (дата обращения 28.082.2012)
12. **Ванчугов В. В.** Военная доктрина США. URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/80542 (дата обращения 28.08.2012)
13. Обзорный доклад министерства обороны США по программе ПРО. Февраль 2010 г. URL: http://www.pircenter.org/data/Obzor%20ABM_rus.pdf (дата обращения 28.08.2012)
14. Обзор ядерной политики США. Основные положения. 6 апреля 2010 г. URL: http://www.defense.gov/npr/docs/RUS-FINAL_NPR_Preface___Exec_Summary.pdf (дата обращения 28.12.2010)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 130. 2

В. М. Дианова

ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МУЗЕЯ, ИЛИ СЛОЖНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В связи с усилившимся в современную глобализационную эпоху процессом взаимодействия культур, художественная жизнь, равно как и другие сферы человеческой жизнедеятельности, получает новые измерения. Они возникают в русле двух основополагающих и противоположных тенденций – локализации и универсализации; первая проявляется в обособлении, самоопределении и усилении культурной идентичности; вторая – в активизации процессов взаимодействия и взаимопроникновения культур, обнаруживая качества открытости и свободного выбора. Деятельность многочисленных институций, союзов и объединений способствуют проявлений обеих тенденций, распространяя и тиражируя художественную продукцию, осуществляя разнообразные практики, которые демонстрируют не только достижения региональных культур, но и возможность их сравнения.

Принцип сравнения, позволяющий познавать своеобразие отдельных культур, был предвосхищен еще Ф. Ницше, идеи которого предопределили многие новации в художественной культуре XX – XXI вв., в частности в постмодернистском искусстве. Об этом качестве ницшеанского наследия свидетельствует не только факт обращения к нему авторитетных постмодернистских авторов, но и прямое указание на это их оппонента Ю. Хабермаса, отметившего, что «уж конечно над ними всеми парит дух воскрешенного в 70-х годах Ницше» [1]. Предвидя наступление «эпохи сравнений», Ницше

писал: «Такая эпоха приобретает значение тем, что в ней могут быть сравнимы и одновременно переживаемы самые различные миропонимания, нравы, культуры, – что прежде, ввиду всегда локализованного господства каждой культуры, было невозможно, подобно тому, как и все роды художественного стиля были связаны известным местом и временем» [2]. Сравнение предполагает не только усвоение опыта «другого», но побуждает к разнообразным формам взаимодействия, а это приводит к нарушению единства культурного стиля, использованию полистилистики и тем самым формированию транскультурного пространства.

О неоднозначном характере межкультурного взаимодействия писал Ю. М. Лотман. Его суждения обладают высокой эвристической ценностью по отношению к сегодняшним культурным реалиям и как нельзя лучше способствуют освещаемой нами теме. Приведем одно из них: «Имманентное развитие культуры не может осуществляться без постоянного притекания текстов извне. Причем это «извне» само по себе имеет сложную организацию: это и «извне» данного жанра или определенной традиции внутри данной культуры, и «извне» круга, очерченного определенной метаязыковой чертой, делящей все сообщения внутри данной культуры на культурно существующие («высокие», «ценные», «культурные», «исконные» и т. п.) и культурно несуществующие, апокрифические («низкие», «неценные», «чужеродные» и т. п.). Наконец, это чужие тексты, пришедшие из иной национальной, культурной, ареальной традиции. Развитие культуры, как и акт творческого сознания, есть акт обмена и постоянно подразумевает «другого» – партнера в осуществлении этого акта» [3].

В художественном творчестве в современных условиях, как, впрочем, и на рубеже предыдущих веков, продолжается экспериментирование, но иными средствами и ведущее к иным целям: не к созданию уникального авторского стиля, а к формированию интертекста. Отвечая изменившимся условиям сосуществования культур, активнее и смелее осуществляются процессы наложения, взаимопроникновения, сопоставления разнообразных художественных стилей, национальных традиций,

творческих приемов и манер. Такое творчество вызывает противоречивые оценки: от признания продуктивного взаимообогащения культур и расширения художественно-эстетического опыта, до полного неприятия подобных экспериментов, что порождает конфликтные взаимоотношения и раздоры на почве стремления сохранить незыблемости художественные традиции и стилевую определенность.

Обратимся к описанию культурного события, вызвавшего неоднозначные оценки. В период с 14 сентября по 12 декабря 2010 г. в Версальском дворце была организована выставка работ современного японского художника и дизайнера Такаши Мураками (Takasci Murakami). Несмотря на то, что более 12 тыс. человек, в том числе принц Сикст-Анри де Бурбон – потомок короля Людовика XIV, высказали отрицательное отношение к проведению выставки, она все же состоялась. Что же вызвало протест при реализации этого проекта? Оставим этот вопрос пока без ответа и обратимся сначала к характеристике творчества Такаши Мураками (1962 г.р.).

Илл.1. Такаси Мураками. Цветок Матанго. 2001–2006, стекловолокно, живопись маслом, акрил, металл, 315×204,7×263 см
Фото В. Диановой

Фигура Мураками весьма значима для характеристики современного японского искусства. Его творчество широко известно мировой общественности: ретроспективные выставки успешно прошли в Музее современного искусства Лос-Анджелеса, Бруклинском музее в Нью-Йорке, Музее современного искусства во Франкфурте, музее Гуггенхайма в Бильбао. Творчество Мураками весьма обширно: живопись, скульптура, инсталляции, промышленный дизайн, анимация, оно востребовано индустрией моды. Его называют японистским Уорхолом, ибо считают приемником Энди Уорхола (1928–1987), по мнению американцев – самого значительного художника второй половины двадцатого века, творчество которого стало «оглушительным вызовом искусству угрюмым художникам-абстракционистам и экспрессионистам и их высоколобым критикам» [4]. Несмотря на то, что Уорхол – это другое поколение, можно найти много общего в их творчестве, которое является достоянием поп-, а теперь и нео-поп культуры, в нем используются возможности высокоразвитого технологического общества и новейших материалов. Этому сходству способствовало, очевидно, пребывание Мураками в Америке, благодаря выигранному в 1994 году гранду Фонда Рокфеллера. В Нью-Йорке им была открыта собственная мастерская, характеризуя специфику которой он говорил, что это – что-то среднее между Студией Уолта Диснея и Lucfs Films Джорджа Лукаса. Что касается содержательной стороны творчества, то оно основывается на японском премодерне и постмодернистской субкультуре *отаку.* Отаку – японский термин для обозначения культурного сообщества, которое образовалось в 70-х годах прошлого века и включало в себя энтузиастов, увлеченных сложившимися в послевоенное время различными формами творческой деятельности: аниме, манга, научной фантастикой, фильмами-токусацу, пластиковыми моделями, хакерством и пр. Культура отаку весьма противоречива, некоторые считают ее своеобразной формой коллективного выражения послевоенного национализма, сильно

видоизмененного американской поп-культурой, активно вторгшейся в национальное пространство Японии.

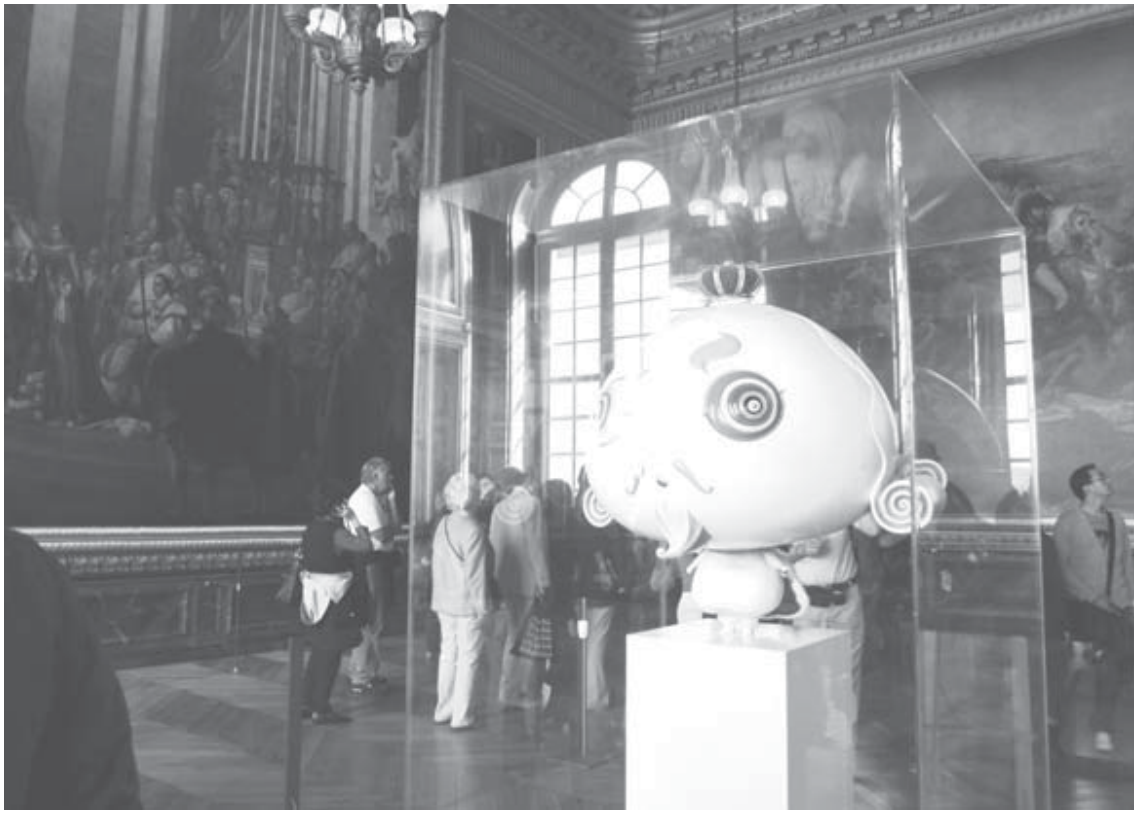
Собственный стиль творчества Мураками получил название *суперфлэт* (суперплоскость). Объясняя причины формирования такого стиля, Мураками подчеркивает, что ощущение плоскости присуще японцам, что японская культура не обладает 3D-формами, что, напротив, 2D-формы, утвержденные в исторической японской живописи, сродни простому, плоскому визуальному языку современной анимации, комиксов, графического дизайна. Отношение между стилем суперфлэт и отаку-культурой весьма непростые, они могут быть предметом специального анализа, равно как и сам противоречивый характер отаку-культуры. Стиль суперфлэт, по наблюдению исследователей, имеет много общего с постмодернизмом, поэтому для уяснения сути творчества Мураками проведение параллелей и ссылки на постмодернистских авторов – весьма уместны. Как и постмодернистское искусство, имеющее весьма обширную философскую интерпретацию, так и в творчестве Мураками искусство и философия неразрывно связаны. Художник сам заявляет о философском основании своего творчества. Согласно его суждениям, Япония построена на плоскостном восприятии мира. Все существует на одном уровне: массовая культура, работа, развлечения, семья – в этом для современных японцев заключается выбранный по жизни срединный путь. С буддийским мировоззрением, с позицией срединного пути неразрывно связана философия художника. Понятие «срединный» Мураками использует для объяснения своего художественного метода, ориентированного на доступность создаваемого им искусства всем слоям населения. В этой философской идее художника также можно усмотреть связь с постмодернистскими стратегиями, направленными на стирание границ между элитарной и массовой культурой в частности, а в целом отметить близость постмодернистских и буддистских воззрений.

Постмодернизм Мураками – в игривости и эстетической привлекательности его творчества, в решительном смешении времен и культур, в полистилистике артефактов, в ниспровержении имиджей и кумиров, в эклектике музейного пространства и гибридизации создаваемых образов, в психоделической живописи и создании персонажей комиксов, в использовании приема преодоления границ между традиционным музеем и современным искусством [5].

Итак, дворец в Версале, во всем своем великолепии сохраняемый французами в качестве национальной реликвии (строительство которого было начато в 1662 году в царствование короля Людовика XIV и продолжалось более пятидесяти лет), один из первых в истории искусства примеров осознанного создания единой предметно-пространственной среды, был выбран устроителями выставки для размещения артефактов современного искусства. Это не первый опыт реализации проекта такого рода в Версальском дворце. Ему предшествовала выставка работ американского художника Джеффа Кунса в 2008 году, вызвавшая также неодобрение французов. Представим: покрытые пышной лепниной и росписями замечательного живописца Лебрена огромные дворцовые залы с зеркальными анфиладами, тысячами светильников и изящной мебелью стали фоном для артефактов Мураками (См.: Зеркальная галерея. Илл. 1). Конечно, нарушена стилистика единства художественного пространства, поскольку сосуществуют рядом классика и современность, современные экспонаты как бы диссонируют с окружающим пространством. Тем не менее, из двадцати двух выставленных в Версальском дворце экспонатов одиннадцать созданы Мураками специально для этого проекта, поэтому иногда можно было уловить соотнесенность между интерьерами дворцовых залов, их изначальным предназначением и размещенными артефактами. Назовем некоторые из них. Артефакт «Новая одежда императора» (The Emperor's New Clothes, 2005) выставлен в зале, где висит огромная картина Жак-Луи Давида

"Посвящение Наполеона I в императоры и коронация императрицы Жозефины в соборе Нотр-Дам в Париже 2 декабря 1804 года" (Илл. 2). В зале Венеры, где установлена величественная статуя Людовика XIV в воинских регалиях, выставлены скульптуры "Кайкай & Кики" (Kaikai & Kiki, 2000–2005) (Илл. 3, 4) – это два очаровательных маленьких монстра. Кайкай белый, с длинными ушами и улыбающимся ртом; Кики розовый, с маленькими ушами, с тремя глазами и зубами вампира. В других залах дворца были представлены так же созданные в стиле наиф и манга очень колоритные разнообразные скульптуры, а так же постер, витраж и др. Любопытно, что скульптуры и персонажи многих известных комиксов не напоминают японцев: для обозначения лица, лишенного национальности, расовых или этнических черт в Японии используется термин «мукокусэки» [6]. Такие образы–результат формирования гибридной культуры, что является неотъемлемой составляющей современной глобализационной эпохи. Организованное таким образом музейное пространство, очевидно, предполагало формирование у зрителей неожиданных смыслов, неоднозначных интерпретаций, возникновение своеобразных аллюзий, особого ощущения праздничности, легкости, свободы в игровом сопоставлении стилей, смешении и наложении исторических эпох.

Легкая манера обращения с прошлым, ниспровержение канонов и кумиров, ироничность в отношении традиций – все это черты постмодернистского мироощущения, появившегося в западноевропейской культуре еще в последней трети XX в. Вначале отмеченные тенденции проявлялись лишь в художественной среде, однако в последствие получили и теоретическую аргументацию. Приведем суждение по этому поводу известных французских авторов того времени: «Даже история философии совершенно неинтересна, если не ставит перед собой задачу оживить дремлющий концепт, сыграть его заново на новой сцене, хотя бы и обернув его против него самого» [7].



Илл. 2. Новая одежда императора, 2005,
стекловолокно, акрил, металл, дерево, 189×109×102 см
Фото В. Дианової

Илл. 3. Такаси Мураками. Кайкай,
2000–2005, живопись маслом, акрил,
синтетическая смола, стекловолокно,
железо, 220×75×50 см
Фото В. Дианової

Илл. 4. Такаси Мураками. Кики,
2000–2005, живопись маслом, акрил,
синтетическая смола, стекловолокно,
железо, 220×75×50 см
Фото В. Дианової

Среди экспонатов выставки – концептуальный персонаж в поп-версии Мураками «Овальный Будда», который был представлен неоднократно и на предыдущих выставках, но в разном исполнении и разных размеров. Версальский «Овальный Будда» (Oval Buddha, 2007–2010, bronse et feuille d'or) (Илл.5), был выставлен перед развернутым зданием дворцового ансамбля в партере парка. Изображение Будды не следует канонам, это вольная, игровая интерпретация: стилизованная двуликая фигура, с поджатой левой ногой сидящая на постаменте в виде граненого бокала. Мураками изображает Будду в виде огромного Покемона (вымышленного персонажа), озорно наделив его двумя лицами: одно задумчивое с небольшой бородкой, напоминающее самого художника, а другое с огромным пугающим ртом с острыми зубами. Сверкающая фигура впечатляющих размеров Овального Будды аккумулирует в себе отсылки и к буддийскому искусству, и к западной традиции, что свойственно художественной манере Мураками. Весь облик этой скульптуры напоминает скорее елочную игрушку, настраивает на игровой лад.

Илл. 5. Такаси Мураками. Овальный Будда, 2007–2010,
бронза и сусальное золото, 568 ×312 ×319 см
Фото В. Диановой

Как тут еще раз не вспомнить Ницше, который, осуждая нравы современной ему буржуазной культуры, в частности тщеславие, косность, высокопарность, упоминающий об «образованных» людях в кавычках, писал, что «”образованный человек” и обитатель большого города нынче позволяет насиловать себя искусством, книгой и музыкой во имя ”духовных наслаждений”, с помощью духовных напитков! Как режет нам теперь слух театральный крик страсти, как чужд стал нашему вкусу весь романтический гул и неразбериха чувств, которую любит образованная чернь, вместе с ее стремлением к возвышенному, приподнятому, взбалмошному! Нет, если мы, выздоравливающие, еще нуждаемся в искусстве, то это *другое* искусство – насмешливое, легкое, летучее, божественно безнаказанное, божественно искусное искусство, которое, подобно светлому пламени, возносится в безоблачное небо!» [8].

Творчество Мураками, как уже было замечено, можно интерпретировать не только в постмодернистских стратегиях, но следует рассматривать в контексте глобализационных процессов, с тем только условием, что Япония породила свою, «специфическую» глобализацию. Отличительной ее особенностью является своеобразный процесс слияния американизации и японизации. Этот феномен «американизированной японизации» вписывается в концепцию японской транснациональной культуры – своеобразного культурного гибрида, в котором уже нет традиционной японской культуры, закрытой и оберегаемой национальными барьерами.

Завершая лаконичное изложение этого нетривиального культурного события в Версальском дворце, получившего самые противоречивые отклики современников – от одобрительных и восторженных, до резко осуждающих подобные практики, – заметим, что здесь сплелись проблемы, неподдающиеся однозначной интерпретации и оценке. Охранительное отношение к незыблемости национального культурного наследия, неприятие американской поп-культуры (в данном случае в модифицированном японском варианте),

нарушение единства музейного пространства вследствие размещения в нем артефактов иной стилистики, консерватизм устоявшихся вкусов противников выставки, стремление организаторов проекта разрушить барьеры между элитарной и массовой культурой, парадоксальное сближение Востока и Запада, желание внести живую искрящую энергию современности в незыблемые дворцовые интерьеры – вот небольшой перечень возможных для дискуссии вопросов о состоянии и путях развития современной культуры и межкультурных художественных практик. Не касаясь художественных оценок подобных экспериментальных проектов в организации музейного пространства, коснемся лишь их мировоззренческой стороны и в этой связи сошлемся на высказывание одного из крупнейших социологов современности Э. Гидденса о том, что происходящие в мире изменения «создают нечто беспрецедентное – глобальное космополитическое общество. Мы – первое поколение людей, живущих в этом обществе» [9]. Отсюда неизбежность смены традиционных систем ценностей, формирование мировоззрения, отвечающего духу эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Хабермас Ю.** Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 29.
2. **Ницше Ф.** Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Собр. соч. в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 254.
3. **Лотман Ю.М.** К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 610.
4. **Соколовски Т.** Сцена-тусовка // Государственный русский музей представляет: Энди Уорхол – художник современности /Альманах. Вып. 121. СПб., 2005. С. 16.
5. Прием – размещение современного искусства в традиционном музее, – не нов; он активно используется в мировой художественной практике, в том числе и кураторами выставок г.Санкт-Петербурга, подтверждение чему проводимый в Санкт-Петербурге вот уже на протяжении 11 лет ежегодный фестиваль «Современное искусство в традиционном музее».
6. **Мошняга П.А.** Японская культура в глобализирующемся мире // Знание. Понимание. Умение. –2008. – № 3. – С. 28.
7. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Что такое философия? СПб., 1998. С. 109.
8. **Ницше Ф.** Веселая наука // Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 496.
9. **Гидденс Э.** Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 35.

УДК 377.12

Н. Ю. Гришина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Концепция когнитивной мобилизации впервые была выдвинута Рональдом Инглхартом в 1977 году. Она предполагает, что в постиндустриальном обществе граждане стран Запада, как правило, лучше образованы и широко информированы. Это влияет на их участие и вовлеченность в политическую жизнь общества.

Инглхарт изучал эволюцию концепции *когнитивной мобилизации* и ее проявления в различных обществах, а также факторы, которые влияют на когнитивную мобилизацию (далее КМ), такие, например, как культурное и экономическое развитие общества.

В данной статье мы рассмотрим гипотезы, выдвинутые Инглхартом, и рассмотрим особенности этой концепции.

Модель когнитивной мобилизации по Инглхарту предполагает наличие устойчивых связей при изменении в различных областях жизни. Развитие в экономической сфере и в приросте городского населения параллельно ведет к увеличению уровня образованности населения, его информатизации и информированности.

Когда происходят перестройка жизненных ценностей и человеку нет больше необходимости бороться за еду и одежду, именно в этот момент человек переходит от удовлетворения основных потребностей (в безопасности, еде и т. д.) к самореализации и самовыражению [1].

Из всех изменений наиболее важными для концепции КМ являются изменения в уровне образованности и информатизации

общества. Изменения именно в этих аспектах жизни общества являются центральными в концепции КМ. «В 70-е–80-е годы предыдущего столетия рост образовательного уровня и притязаний граждан стран Запада, изменение системы занятости, повышение уровня жизни и мобильности населения, породившие ориентацию на новые «постматериальные» ценности, разрастание государства и трудности в его функционировании, возникновение и рост влияния неокорпоративизма, радикальное изменение роли СМИ, возникновение новых политических проблем и расколов радикально изменили характер политики, (так называемая «новая политика») и ее восприятия, породив феномен «нового политического сознания» и создав предпосылки для развития процесса *когнитивной мобилизации*» [1]. «Когнитивная мобилизация означает, что граждане обладают уровнем политического искусства и ресурсами, необходимыми для того, чтобы стать самостоятельными в политике. Вместо того чтобы зависеть от элит и референтных групп (внешняя мобилизация), граждане теперь более способны справляться со сложностями в политике и принимать свои собственные политические решения» [2]. Таким образом, развитие понятия КМ коррелируется с понятием *«общественное сознание»,* так как оно отражает характеристики сознания, которые являются общими для определенных социальных групп или для общества в целом. КМ исследуется в различных социальных группах, где граждане самостоятельно изучают политические вопросы и формируют свое мнение о сложившейся той или иной политической ситуации.

Теория «субъективной политической компетентности», описанной Альмондом и Вербой в 1964, легла в основу концепции КМ. Для исследования *субъективной политической компетентности* отбирались участники, которые полагали, что они могут влиять на политические процессы, а также важна была степень этого влияния. Чем выше субъективная компетентность – тем выше вероятность политической активности участника опроса. Авторы данной теории

пришли к выводу, что знающие и хорошо-осведомленные граждане, с более высоким социальным статусом, обладают большей субъективной компетентностью и тем большая вероятность их участия в политической жизни страны.

Другим важным понятием, связанным с теорией КМ, является «политическая грамотность» [3]. Термин впервые введен Конверсом в 1964, который изучал степень влияния идеологии и веры на политическое поведение. Перед ученым стояла задача: определить степень корреляции идеологических конструктов граждан и измерения их способности понимать и применять политическую информацию при оценке и выборе во время голосования. Таким образом, термин «политическая грамотность» основан на взаимосвязи таких понятий как интерпретация знаний, система ценностей и уровень образования. По Конверсу наиболее политически подкованными гражданами являются те, кто образован, политически активен и хорошо информирован.

Еще одним важным вкладом в развитие теории КМ является функциональная модель Шивли (1979) [4]. Основой для развития данной теории является процесс передачи политической информации гражданам, то есть, каким именно способом политические партии транслируют информацию. Так как при более высоком уровне политической грамотности наблюдается меньшая необходимость в партийном руководстве, направленности и партийной идентичности.

Таким образом, теория КМ тесно связана с политическими партиями, а именно, с политической принадлежностью или идентичностью. Некоторые авторы (Кэмпбелл, Гурин, Миллер), определяют политическую идентичность как психологический феномен и утверждают, что для определения данного понятия очень важна эмоциональная составляющая, которая формируется в процессе социализации. Кэмпер и Конверс пришли к выводу, что партия, выступая в качестве агента политической социализации, определяет отношение избирателей в соответствии с их эмоциональной

принадлежностью к какой-либо партии. Можно сделать вывод, что политические партии транслируют абстрактные политические идеи для граждан и предлагают им свое видение ситуации.

Наряду с Инглхартом наиболее значимыми работами являются работы Дэлтона. Он использовал концепцию КМ для разработки системы идентификации политических партий. Данная система широко используется в изучении вовлеченности граждан в политическую жизнь общества. Дэлтон определяет КМ как процесс, при котором потенциальные избиратели получают определенную информацию и навыки, помогающие понять сложность политических процессов и принять собственное решение. Уровень образования и интерес к политике являются значимыми переменными для индекса КМ. Дэлтон утверждает, что улучшение уровня образования ведет к увеличению независимости граждан. Но, несмотря на то, что партийная принадлежность положительно коррелируется с КМ, необходимо учитывать и другие факторы, позволяющие молодому поколению участвовать в политической жизни общества, так как они имеют более обширный доступ к информации о политических партиях [2].

Эмпирические данные в работе Дэлтона были подвергнуты критике. В некоторых странах партийная идентичность не только не менялась в зависимости от переменных, но и могла возрастать. Эта проблема возникает, когда партийная идентичность и КМ возникают одновременно и основаны на двух составляющих: «интерес к политике» и «уровень образования». В данной ситуации нельзя определить является ли КМ решающим фактором.

В целом стоит предположить, что различия в моделях, применяемых в Европе, есть результат различий в политической и выборных системах, политической культуре и других исторических аспектах. Например, контекстуальные факторы не рассматриваются в данной модели, хотя они является важными для вовлеченности в политику и партийной принадлежности. Также можно утверждать, что партийная идентичность может быть связана с институциональным

политическим контекстом, а не с изменениями в социальной структуре общества, и может быть вызвана степенью борьбы между партиями.

Понятно, что политическим элитам сегодня все труднее направлять политическое поведение массового избирателя. В настоящее время партиями применяется тактика “прислушивания” к воле избирателей, в том числе, все более активное использование Интернет для установления интерактивной связи и получения дополнительной информации о настроениях “новых категорий избирателей” (отсюда, в частности, все большее преобладание “элитно-вызываемой” формы электорального поведения) [1].

Принимая во внимание выше изложенное и многочисленные исследования теории КМ можно сделать вывод, что данная теория влияет на избирательный процесс и охватывает значительное количество факторов, влияющих на политические взгляды молодого поколения.

Хотелось бы еще раз отметить, что недостатки модели Дэлтона и Илгхарда, заключаются в том, что они не рассматривают контекстуальные факторы, т.е. не рассматривают различия между странами (например, различия в политической культуре, истории, избирательных и политических системах) и историческими событиями (например, избирательная поляризация, кризис, инфляцию и т. д.). Однако участие в выборах – не единственная форма проявления избирательной активности. Нетрадиционные формы политической деятельности и формирование случайных структур, как один из способов выдвижения требований, наиболее вероятно в обществах с высоким уровнем КМ. Необходимо учитывать тот факт, что повышение образовательного уровня ведет к повышению «потенциального» политического участия, и, что наиболее важно, снижает важность участия в голосовании.

Можно сделать вывод, что теория КМ рассматривается многими исследователями, которые используют индекс КМ для измерения

уровня участия молодого населения в выборах и партийной идентификации в постиндустриальном обществе.

В исследовании демократии в Европейских государствах Илгхарт выдвигает ряд гипотез, приведших к эволюции КМ [5]. Во-первых, он предполагает, что увеличение КМ уменьшает влияние политических партий на общественное мнение, и отождествления избирателей с какой-либо политической партией. Во-вторых, молодые люди должны проявлять большую степень КМ, так как они лучше образованы и информированы. В целом, повышение уровня когнитивной политической мобилизации делает их более политически покованными. В-третьих, увеличение КМ и вовлеченность в этот процесс вызваны включением женского населения в этот процесс, увеличением уровня образования и изменениями оценочных приоритетов в сторону индивидуального самовыражения [6].

Предметом нашего исследования является предположение, что молодое поколение проявляет большую политическую активность. В силу образованности и высокого уровня информатизации. Для исследования изменения в КМ очень важно детально рассмотреть изменения в общем уровне развития населения при смене поколений и процесс политического созревания среди молодых людей.

Подробно рассмотреть данную гипотезу возможно, изучив статистику уровня демографии и образования, населения Росскомстата России начиная с 2003 года по 2012 год, а также опросы Eurobarometer [7], начиная с 1973 года по 2012. Необходимо проследить тенденцию изменения уровня КМ в европейских странах.

В то же время необходимо учитывать и возраст молодых людей, уровень их политической подкованности, а также политическую обстановку в государстве. В условиях политического кризиса и социальной неустойчивости КМ увеличивается независимо от уровня образованности населения и его информированности. Кроме того, политический кризис искажает последовательность политического созревания, и его связь с КМ, так как в данный период молодое

поколение достигает высокого уровня КМ, чем поколения, которые достигают зрелости в данном параметре в связи с жизненным циклом. Эти гипотезы проверены на множестве обновленных данных о КМ, которые доступны в европейской базе данных Барометр. Первая гипотеза использует анализ общественного мнения при переходе к демократии в странах Европы в 1970-х (Португалии, Греции, и Испании), которые воспроизводят атмосферу политической напряженности. Но КМ достаточно широкое понятие, чтобы учитывать только несколько индикаторов/составляющих. Eurobarometer состоит из двух индексов: КМ 1 (обсуждения и убеждение без инструкций) и состоит из 4 уровней; КМ 2 (обсуждение, убеждение, инструкции) и состоит из 5 уровней. Эти индексы построены так, что они комбинируют ответы на два вопроса: как часто люди пытаются убедить других в своем собственном мнении (если у Вас есть твердое мнение, вы можете себя убедить в правоте Ваших друзей, родственников или коллег по работе, поделиться с ними своими взглядами? Если так, то как часто это происходит, время от времени или редко?) и как часто Вы обсуждаете политические вопросы (как часто вы обсуждаете политические вопросы вместе с друзьями часто, иногда или никогда?) [7]. Нам представляется, что сочетание КМ1 и КМ2, создает несколько уровней когнитивной мобилизации. Самый высокий уровень показывают представители с высокой степенью мобилизации и участия в общественный жизни. Два промежуточных уровня составляют средний уровень политической активности, т.е. выше и ниже среднего. Самый низкий уровень относиться к представителям с минимальным социальным участием. Индикатор непосредственно выражает степень спонтанного и индивидуального участия в политическом обсуждении. Очевидно, что те, у кого больше возможностей для политической мобилизации, также проявляют больше интереса к политике, высокообразованны и хорошо информированы. Также хотелось бы отметить, что при учете общей тенденции к модернизации общества, представляется, что при изучении отдельных обществ можно

наблюдать отклонения, которые отражают исторические и политические обстоятельства каждой страны. Мы предполагаем, что для России наиболее важно проследить КМ в краткосрочные периоды политической напряженности. Краткость исторического периода может внести свои коррективы в исследования КМ. Как и Илгхарт, нам бы хотелось уделить достаточно времени таким аспектам КМ как периоду созревания (с точки зрения процесса приобретения политической компетентности) и периоду, который объясняет, как мобилизация поддерживается во времени в исторические периоды, при которых политическая социализация наиболее интенсивна [8]. В отличие от Илгхарта, нам бы хотелось уделить больше времени рассмотрению такого аспекта КМ как временной фактор. Временной период затрагивает общество в целом, соответствуя исключительному политическому или социальному климату. Чтобы проиллюстрировать влияние временного фактора, необходимо рассмотреть политические ситуации с точки зрения интенсивности политического климата и его влияния на политическую ситуацию в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политология: Учебник для вузов / Под. ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М.: Высш. обр., 2010. – 692 с
2. **Dalton, R. J.** (2010, April). Partisan mobilization, cognitive mobilization and the changing German electorate. Источник: http://www.dgfw. info/dok/papers/dalton2010.pdf
3. **Converse, P.** (1964). The nature of belief system in mass public. In D. E. Apter (Ed.), Ideology and discontent (pp. 206–261). New York, NY: The Free Press.
4. **Shively, W. P.** (1979). The development of party identification among adults. American Political Science Review, 73, 1039–1054.
5. **Inglehart, R.** (1977). The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics. Princeton, NJ: Princeton University Press.
6. **Маслоу, А.** Теория человеческой мотивации (цитируется по Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С.77–105 (с сокращ.))
7. Eurobarometer Special Surveys, 1970–2002 [Computer file]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb_special_en.htm
8. **Dalton, R. J.** (2007). Partisan mobilization, cognitive mobilization and the changing American electorate. Electoral Studies, 26, 274–286.

УДК 327

А. С. Матвеевская

БАЛТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

На современном этапе основополагающим фактором экономического и социального развития в Европе являются интеграционные процессы. Новые формы российско-европейского сотрудничества обусловлены потребностью в разработке системного подхода к развитию Балтийского региона – интеграционного поля сотрудничества Европы и России. Государства Балтии являются заложниками исторического, политического прецедента и остро нуждаются в развитии новых сфер и разработок в сфере культурной коммуникации. Накопленный опыт и историческая практика показывают, что исследование современных тенденций и перспективных направлений развития Северо-Запада Российской Федерации в международном сотрудничестве Балтийского региона является приоритетным направлением в данной области. «Балтийский регион», как территория не имеет устоявшихся географических границ. В узком смысле сюда включают территории приграничной кооперации, а именно, Санкт-Петербург с Ленинградской областью, Калининградскую область, административные единицы Финляндии, Швеции, Дании, Германии, выходящие в Балтийское море, а также страны Прибалтики и северные воеводства Польши.

Международной программой VASAB-2010 в целях территориального планирования Балтийский регион несколько расширен. Сюда отнесены Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания,

Латвия, Литва, Эстония, Польша, Белоруссия, федеральные земли Германии – Шлезвиг-Гольштейн, Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург, города Берлин и Гамбург, а из субъектов Российской Федерации – Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская и Новгородская области, Республика Карелия, Мурманская и Калининградская области.

Определенный интерес к России, а также расширение кооперация государств Балтийского региона проявляется с начала 90-х гг. прошлого столетия. Начиная с этого времени, в данном регионе организован ряд межгосударственных и межправительственных организаций и программ в различных областях. Активным становится трансграничное сотрудничество регионов соседних стран. В Российской Федерации такие субъекты, как Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская и Калининградская области наиболее тесно связаны с Балтикой [1]. Одной из важнейших организаций, основанной в марте 1992 г., является Совет государств Балтийского моря (СГБМ), где на уровне министров иностранных дел представлены все девять государств, омываемых Балтийским морем, а также Норвегия и Исландия. Помимо этого, в работе Совета участвует Комиссия ЕС, а в 1999 г. статус наблюдателей на министерских сессиях был предоставлен Великобритании, Италии, США, Франции и Украине. СГБМ ежегодно проводит сессию на уровне министров иностранных дел, которая созывается в государстве, являющемся на данный момент председателем Совета. С 1 июля 2012 г. на период 2012–2013 гг. Председательство в СГБМ принадлежит России.

Важным инструментом политической стабилизации в регионе и его экономического развития является кооперация между странами Балтийского моря. Продолжается работа в сфере модернизации и инноваций, развития государственно-частного партнерства в регионе, где особый упор сделан на сотрудничестве в сфере энергетики, молодежной политики, а также борьбы с проблемой распространения радикализма и экстремизма. Под эгидой СГБМ функционирует около

60 различных структур, из которых особо можно выделить Комиссию по охране морской среды Балтийского моря (ХЕЛКОМ), Союз балтийских городов, Форум Балтийского моря, Конференция по субрегиональной кооперации Балтийских государств и др. (см. табл.1)

Таблица 1

Основные организации международного уровня, действующие в регионе Балтийского моря

Сфера деятельности	Название организации	Год образования	Примечание
Охрана окружающей среды	Международная комиссия по рыбным запасам Балтийского моря	1973 г.	Первая международная организация, в регионе Балтийского моря
	Хельсинкская комиссия (ХЕЛКОМ)	1974 г.	Для защиты Балтийского моря от загрязнения
	Балтийская морская конференция Роннебю (Ronneby)	с 1990 г.	Для подготовки совместных программ по восстановлению экологического баланса Балтийского моря
	Организация «Балтика 21»	1996 г.	Для содействия устойчивому развитию в регионе Балтийского моря
Экономика	Северный европейский клуб	1990 г.	Для развития внутрирегионального сотрудничества в области экономики и инфраструктуры
	Экономический форум «MareBalticum»	1991 г.	Для развития партнерских отношений и содействия становлению рыночной экономики в постсоциалистических странах
	Форум Балтийского моря	1991 г.	В целях содействия кооперации компаний в области промышленного развития
	Балтийская ассоциация торговых палат	1992 г.	Для содействия торговле и другим формам кооперации между компаниями разных стран

	Форум «PRO Baltica»	1993 г.	Для содействия деловому сотрудничеству Балтийских стран в их интеграции в Европу
Транспорт	Организация Балтийских портов (BPO)	1991 г.	Для содействия быстрому и рациональному развитию морского транспорта
	Конференция министров транспорта Балтийского моря	1992 г.	Для координации развития транспортной инфраструктуры региона
Энергетика	Конференция по энергетике	1991 г.	Для улучшения кооперации с государствами-членами IEA
Наука и образование	Конференция ректоров Балтийских университетов	1990 г.	В целях содействия кооперации между университетами
	COPERNICUS		Программа для содействия кооперации между вузами
	Программа Балтийский университет		Для проведения телевизионных образовательных курсов
	Рабочая программа для стран Балтии и Восточной Европы	1990 г.	Для технической помощи в области образования и переподготовки
	Балтийский летний университет		Для студентов по экономике
	Северная кооперация в области взрослого и основного образования	1991 г.	Программа обмена учителями и студентами
Социальная сфера	Конференция по неконтролируемой миграции в регионе Балтийского моря		Для усиления контроля за нелегальной миграцией
	Балтийская конференция по борьбе с международной преступностью		
Культура	ARS Balticum	1990 г.	Для обмена в области культуры и искусства
	Конференция министров культуры Балтийских стран	1993 г.	Для содействия в культурных обменах

	Балтийский центр культуры		
	Балтийская книжная ярмарка		
	Ассоциация замков и музеев в регионе Балтийского моря	1991 г.	Для создания сети музеев-крепостей Балтийского региона
Туризм, спорт, СМИ	Балтийская кооперация по туризму (BTC)	1984 г.	
	Игры Балтийского моря		
	Общественные радиостанции в регионе Балтийского моря	1992 г.	Для усиления кооперации между радиостанциями
Прочие организации	Конференция по субрегиональной кооперации Балтийских государств	1993 г.	В целях содействия кооперации между Балтийскими субрегионами
	Союз Балтийских городов (UBC)	1991 г.	Для руководства кооперацией между городами

Как видно из перечня, программы сотрудничества в Балтийском регионе многообразны. Участие в них помогает развитию практической кооперации, налаживанию контактов, рекламе тех или иных регионов и привлечению инвестиций. Активным участником практически всех перечисленных организаций является Россия.

Балтийские порты Российской Федерации традиционно считаются “окном” в Европу. На сегодняшний день у России есть два таких “окна” – Санкт-Петербург с окрестностями и Калининградская область. Для нашей страны важно не только иметь на Балтике собственные порты для экспортно-импортных операций, но и реализовать возможности вхождения в единую транспортную и энергетическую инфраструктуру, для создания зон приграничного сотрудничества и хозяйственных комплексов, включающих территории соседних (в том числе по морю) государств. Перспективы

осуществления совместных исследовательских, образовательных и культурных проектов представляются оптимистичными.

Российские соседи по Балтике проявляют большой интерес к осуществлению тесных интеграционных связей в регионе, поскольку без участия России сотрудничество в Балтийском регионе было бы не эффективным. Перспективы развития данного региона во многом обусловлены усилением связей между расположенными здесь государствами, их кооперации по совместному решению проблем, представляющих взаимный интерес. Таких проблем – экономических, экологических, демографических, политических – достаточно много [2].

Потенциал развития отношений российских регионов с государствами Балтики определяется целым рядом факторов, среди которых можно выделить:

1. Наличие исторически сложившихся связей, которые повышают плотность культурно-гуманитарных и экономических контактов, сложившихся в более ранние периоды.
2. Российские регионы все больше осознают свои специфические интересы в области внешних связей и трансграничных экономических контактов.
3. Приграничные регионы имеют и реализуют потенциал для участия в решении внешнеполитических задач федерального значения. Поддержка соотечественников в странах Балтийского региона является перспективным направлением российской внешней политики на современном этапе. Например, Новгородская область принимает участие в организации образовательных программ для русскоязычных жителей Эстонии, а также содействует в организации оздоровительного отдыха ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в странах Балтии. Традиционно Псковская область играет роль образовательного центра педагогических кадров для русскоязычных учебных заведений государств региона.
4. Современная тенденция активизации бизнеса в российских приграничных регионах. Осуществляются инвестиционные проекты в

строительстве, пищевой, лесообрабатывающей, транспортно-транзитной и других отраслях.

5. Привлекательность стран Балтийского региона определяется развитой транспортной и финансовой инфраструктурой, политической, экономической и правовой стабильностью.

6. Успешно развивается сотрудничество в области туризма. Растет число как российских туристов в странах региона Балтийского моря, так и в обратном направлении. Это, в свою очередь, дает толчок к развитию туристской и транспортной инфраструктуры [3].

В современных условиях важным инструментом мобилизации потенциала при обсуждении вопроса, связанного с развитием страны, региона, социально-экономической, научной и культурной сфер становится конгрессная деятельность, признанная одним из самых эффективных механизмов делового информационного взаимодействия и являющаяся перспективной и динамично развивающейся отраслью не только экономики, но и культурной коммуникации. Конгрессная деятельность, связанная с большинством отраслей экономики, имеющая собственную инфраструктуру, материально-техническую базу, является эффективным инструментом стимулирования деятельности ассоциаций, предприятий, научных организаций различных отраслей экономики и органов государственной власти. Именно активная данная деятельность во всем мире во многом способствует развитию инфраструктуры городов, преумножению доходов городских бюджетов, повышению имиджа регионов в качестве международных культурных и деловых центров.

В настоящий момент в России происходит становление конгрессного рынка как самостоятельной, специализированной и перспективной отрасли, необходимость которой начинает осознаваться участниками рынка и органами государственной власти, заинтересованными в социально-экономическом развитии, как отдельных регионов, так и страны в целом. Помощь в развитии

конгрессной деятельности, укрепления позиций РФ на международном рынке могут оказать конгрессные бюро. Такие бюро должны быть универсальной маркетинговой структурой по позиционированию на мировом конгрессном рынке России в целом, а также Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Бизнес-коммуникации в современной экономике становятся одним из приоритетных направлений развития, мощным и эффективным средством ведения бизнеса. Стоимость бизнеса все в большей степени определяется стратегией использования главных информационных ресурсов и организацией информационного обмена между его участниками. Основная цель, которую ставит конгрессное бюро в своей деятельности – это привлечение в город/регион как можно большего количества крупных международных встреч. Конгрессы, съезды и конференции, организуемые международными ассоциациями, дают наибольший экономический эффект для города, поэтому такие мероприятия считаются приоритетными и им уделяется наибольшее внимание.

Для России индустрия международных встреч – новейшее явление, потенциал которого огромен. Конгрессные мероприятия – это:

- источник поступления значительных финансовых средств в бюджет города, страны;
- важнейший инструмент инновационного развития экономики и реализации приоритетных городских программ;
- механизм развития инфраструктуры и повышения инвестиционной привлекательности города.

Согласно данным Международной ассоциации конгрессов и конференций (International Congressand Convention Association–ICCA) доля России на мировом рынке международных конгрессных мероприятий за последние 10 лет снизилась почти в 2 раза и сегодня составляет менее 1%. По данным Ассоциации за 2011 г., Россия занимает лишь 40 место среди различных стран мира. (см. табл. 2)

Таблица 2

Количество крупных международных конгрессов, учитываемых ICCA, проведенных в 2011 г. в разных странах мира [4].

№	Страна	Количество международных конгрессов
1	США	759
2	Германия	577
3	Испания	463
4	Великобритания	434
5	Франция	428
6	Италия	363
7	Бразилия	304
8	Китай	302
9	Голландия	291
10	Австрия	267
…	…	…
40	Россия	69

Российский рынок конгрессного туризма сегодня является развивающимся, ненасыщенным рынком, где конкуренция пока еще недостаточно велика в связи с малым количеством его участников – компаний, предлагающих услуги по организации совещаний и конференций международного уровня. Очевидно, что для проведения подобных мероприятий необходима соответствующая инфраструктура: современные конгресс-центры, бизнес-отели, выставочные площади, полная линейка высокотехнологичных логистических услуг. В России конгрессные бюро уже созданы в Москве, Екатеринбурге и Сочи. В ближайшее время конгрессное бюро в формате частно-государственного партнерства будет создано в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербург – крупнейший деловой центр Северо-Западного региона Российской Федерации. Огромное значение имеют выгодное геополитическое положение города, растущий социально-экономический потенциал региона, богатые исторические и культурные традиции. Являясь вторым по значению городом России,

динамично развивающимся мегаполисом и крупным деловым центром страны, обладая необходимыми ресурсами и технологиями и постоянно расширяя инфраструктурную базу, Санкт-Петербург предлагает широкие возможности для организации конференций, выставок и других масштабных мероприятий.

Вместе с тем, несмотря на то, что эта сфера деятельности представляет собой динамично развивающийся сектор экономики города, использование потенциала этого сегмента далеко не соответствует современным требованиям как с точки зрения решения социально-экономических задач развития города, так и с позиций развития самой выставочно-конгрессной отрасли. Данные ICCA за 2011 г. показывают, что Санкт-Петербург занимает лишь 41 место среди различных городов мира (см. табл. 3).

Таблица 3

Количество крупных международных конгрессов, учитываемых ICCA, проведенных в 2011 г. в разных городах мира

№	Город	Количество международных конгрессов
1	Вена	181
2	Париж	174
3	Барселона	150
4	Берлин	147
5	Сингапур	142
6	Мадрид	130
7	Лондон	115
8	Амстердам	114
9	Стамбул	113
10	Пекин	111
…	…	…
40	Москва	27
41	Санкт-Петербург	26

Во II квартале 2014 года откроется первый в Санкт-Петербурге конгрессно-выставочный центр (КВЦ) международного уровня,

способный принимать европейские и всемирные деловые мероприятия практически любого масштаба. Проект планируется реализовать на территории площадью 56,21 га, расположенной в Пушкинском районе Санкт-Петербурга и ограниченной Пулковским и Петербургским шоссе, рекой Пулковкой и зоной жилого массива.

Для оптимизации процесса интеграции в сфере культурных и бизнес-коммуникаций между странами Балтийского региона необходим Международный деловой и культурно-образовательный комплекс «Балтика» в Санкт-Петербурге.

Основная идея проекта заключается в концентрации на одной территории всей необходимой инфраструктуры для проведения крупных выставочных и конгрессных мероприятий в соответствии с международными стандартами. Проект предусматривает строительство открытых и закрытых выставочных площадей, конгресс-центра, бизнес-центра и объектов сопутствующей инфраструктуры, таких как склады, таможенный терминал, кафе, рестораны и другие.

Миссией данного проекта может стать формирование международного престижа России в сфере межкультурных и деловых коммуникаций в Балтийском регионе, повышение имиджа Санкт-Петербурга как культурного центра в регионе Балтийского моря.

Создание центра «Балтика» будет способствовать продвижению Санкт-Петербурга на мировой рынок, через организацию конгрессно-выставочного комплекса, развитию международного и внутреннего российского туризма на Балтике, привлечению молодежи к деятельности по организации межкультурной коммуникации, в том числе, через развитие связей в сфере просвещения и образования.

Работа центра должна базироваться на *принципах*: бизнес-активности, конкурентности, инновационности, логичности, целостности и модульности деятельности, дополнительной функциональности, пространственной конкретности, гуманизации, международной интеграции и культурной коммуникации.

Функциональными задачами комплекса «Балтика» следует признать:

- Разработку основных направлений межкультурной коммуникации, а именно, контакты в сфере исторического наследия и культурных традиций народов России и других стран Балтийского региона, толерантное восприятие социальных, конфессиональных и культурных различий, навыки общения в многонациональной, поликонфессиональной и поликультурной среде.
- Выявление и развитие ресурсного потенциала региона Балтийского моря, физико-географических, исторических, политических, социально-экономических, демографических, этнических, культурных, религиозных и иных особенностей развития региона.
- Изучение основ комплексной характеристики Балтийского региона, а именно, истории стран от древности до наших дней, анализ основных тенденций и закономерностей исторического развития данного региона в контексте всемирно-исторического процесса.
- Знакомство с внешней политикой стран региона Балтийского моря, основными органами и механизмами выработки внешней политики стран, тенденциями и закономерностями эволюции внешнеполитического курса государств.
- Изучение социальных и культурных традиций, особенностей политической культуры и менталитета, основных религиозных и религиозно-этических учений народов стран региона Балтики.
- Разработка и внедрение в деятельность комплекса инновационных программ, созданных на основе новых туристских технологий.
- Осуществление мероприятий по совершенствованию качества инновационных международных образовательных программ.
- Проведение экскурсий различной тематической направленности.
- Организация деловых, бизнес-семинаров, конференций, форумов по проблемам современного состояния и перспективам развития международного сотрудничества государств региона Балтики.

Конкурентные преимущества проекта:

- Инновационный характер деятельности.
- Широкий спектр услуг по организации международной деятельности в сферах культурной и деловой активности.
- Реализация как долгосрочных, так и одноразовых программ.
- Возможность привлечения внимания к своей деятельности административных структур Санкт-Петербурга, областей и республик в составе Северо-Западного региона, заинтересованных в организации выставочно-конгрессной деятельности в своих регионах.
- Привлечение в Санкт-Петербург российских и иностранных граждан, развитие у них положительного отношения к городу и его жителям с целью формирования у них интереса к данному региону.

Предлагаемая структура международного делового и культурно-образовательного комплекса «Балтика» такова:

1. Музей Балтийского моря.

Проекта данного музея заключается в ознакомлении с регионом Балтийского моря, глубоким пониманием особенностей его истории, культуры, взаимосвязь с историей культур стран, приобщении к исследованию данного региона в разных формах.

Разделы музея:

Природа – особенности физико-географического положения региона, его природные ресурсы, животный и растительный мир.

Экология – экологическое состояние Балтийского моря и его бассейна на межрегиональном уровне. Направления совместной работы, нацеленные на поддержку внедрения экосистемного подхода к управлению хозяйственной деятельностью.

История – роль Балтийского моря в торговле и мореплавании в древнейшие времена. Крупнейшие центры раннесредневековой балтийской торговли. Значение Балтики как главной водной артерии. Основные тенденции и закономерности исторического развития данного региона.

Этносы – социально-культурные традиции, особенности политической культуры и менталитета, основные религиозные учения народов стран региона Балтики.

Экономика – особенности экономического и внешнеполитического развития региона.

Культура – традиции народов Балтики, народный фольклор, музыка, литература, театр, международные фестивали.

Страны – общая характеристика государств, имеющих выход к Балтийскому морю, их особенности, общее и разное.

Города – история возникновения, архитектура, промышленность, туристский потенциал.

2. Аквариум с представителями ихтиофауны Балтийского моря. Проведение занятий и экскурсий, знакомство с разнообразием подводного мира Балтики. Аквапарк.

3. Международный деловой центр стран Балтийского региона, конгрессно-выставочный комплекс, для проведения бизнес-встреч на высшем уровне, организация международных научно-практических конференций, симпозиумов, семинаров.

4. Представительство секретариата Комиссии Хелком. Постоянное представительство этой международной комиссии позволит реализовать широкий комплекс мероприятий локального уровня, для привлечения внимания к проблеме экологии Балтийского моря. Проведение празднование Дня Балтийского моря – важная акция, проводимая с целью привлечения наибольшего внимания к вопросам охраны окружающей среды региона Балтийского моря. Международный экологический Форум «День Балтийского моря» в Санкт-Петербурге как один из механизмов усиления международного сотрудничества стран Балтийского региона.

5. Международный образовательный центр – изучение культуры стран Балтийского региона, в том числе языков, реализация международных образовательных программ, проведение встреч представителей ассоциаций школ, лицеев, колледжей, университетов

стран Балтийского региона, организация международных школьных и студенческих олимпиад, семинаров, конференций, организация практик, поездок «по обмену».

6. Центр спортивных контактов Балтийских стран. Спортивный комплекс.

7. Культурный центр стран Балтийского моря «Венок Балтики»: представительства всех стран, театральный, киноконцертный комплекс, художественная галерея, представительства музеев городов региона, Союз представителей туриндустрии стран Балтийского региона, комиссия молодежного туризма, представительство союза городов-побратимов Санкт-Петербурга в странах региона (Турку, Хельсинки, Лаппеэнранта, Котка, Миккели, Варшава, Гданьск, Краков, Стокгольм, Гетеборг, Рига, Даугавпилс, Каунас, Таллинн, Тарту, Дрезден, Гамбург, Орхус,), комитетов по организации дней – городов побратимов, недельных фестивалей, посвященных культуре страны – представительницы региона (неделя Германии, неделя Дании и т. д.), клуб представителей организации по реставрации событий военной истории и др.

8. Представительства транспортных компаний, обеспечивающих транспортные связи стран региона Балтийского моря (авиационные, паромные морские, железнодорожные, автомобильные).

9. Магазин, торгующий товарами, производимыми в странах Балтийского моря.

Создание международного делового и культурно-образовательного комплекса «Балтика» в Санкт-Петербурге будет способствовать расширению спектра возможностей приема туристов, как отечественных, так и иностранных. Значительную долю гостей города, как известно, составляют учащиеся школ и вузов. Таким образом, работа комплекса позволит интенсифицировать образовательный туризм в Санкт-Петербурге. Предлагаемый комплекс предоставит учащимся возможность изучить природные условия, историко-культурный ресурсный потенциал, экономическое

и социальное развитие, а также выявить политические, экономические, экологические, социальные проблемы и пути их эффективного решения в регионе туристского посещения. Приобретая опыт навыков проведения исследований сравнительного характера, обучающиеся, прибывающие из иных регионов, получат возможность более четко определять специфику региона проживания. Деятельность комплекса позволит разрабатывать и реализовывать инновационные образовательные программы, осуществлять мероприятия по совершенствованию качества оказания услуг в сфере образовательного туризма, а также отправлять обучающихся и педагогов в поездки с образовательными целями за рубеж, принимать индивидуальных посетителей и группы туристов, организовывать студенческие и профессионально-ориентированные семинары, конференции, форумы, устанавливать контакты с учреждениями образования различного профиля, нацеленных на развитие академической мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза / Под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – 392 с.
2. **Федоров, Г.М.** Балтийский регион: Социально-экономическая география Балтийского региона/ Г.М. Федоров, В.С. Корнеевец/ Уч. пос./ Калинингр. ун-т. – Калининград, 1999. – 208 с.
3. Региональное измерение российско-балтийских отношений. The Regional Dimension of the Russian-Baltic Relations / Под. ред. Л.А. Карабешкина. – СПб., 2004. – 208 с.
4. Statistics Report 2011 / International Association Meetings Market [Электронныйресурс]. – International Congress and Convention Association 2011. – URL: http://www.iccaworld.com

УДК 327

Мукбиль Мансур Хасан

ВЛИЯНИЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» НА КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ

Страны Ближнего Востока переживают период сложнейшей трансформации, которая характеризуется коренными преобразованиями геополитического пространства региона. Это означает, что в этом регионе мира с заметным хронологическим лагом завершается период глобальной конфронтации США – Советский Союз, который обеспечивал если не полный, то, по крайней мере, достаточно жесткий, а главное – эффективный контроль за развитием ситуации. Возможности идеологического, военно-политического и прочего присутствия на Ближнем Востоке каждой из двух «сверхдержав» биполярного мира, военная и экономическая помощь, оказываемая ими странам региона, позволяли обеспечивать – до известного предела – военно-политическую и социально экономическую стабильность существующих правящих режимов. Концентрация интересов на Ближнем Востоке объяснялась важным стратегическим положением этого региона как центра в сфере коммуникаций, местонахождения на стыке Африки, Европы и Азии, а также желанием контролировать зону проливов Босфор, Гибралтарский, Ормузский, Аденский залив, Суэцкий канал, а также бассейн между Средиземным, Черным и Красным морями и Персидским заливом.

Революционные перемены в арабском мире привели к глубокой трансформации арабских обществ, изменили распад сил в регионе,

повысили его место на шкале внешнеполитических приоритетов региональных и глобальных игроков. Это касается и России, заинтересованной в мирном и процветающем Ближнем Востоке, свободном от войн и внешнего вмешательства, в котором все народы имели бы возможность сами определять свою судьбу.

В то же время очевидно, что процесс болезненных потрясений на Ближнем Востоке далеко не закончен, обновление региона продолжится с вовлечением в эти процессы широкого круга нерегиональных и региональных стран. О причинах и особенностях этих событий, получивших название «арабской весны», много сказано и не меньше написано. Были сметены одни, казавшиеся стабильными, ближневосточные режимы и ослабли другие. В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют наличие законсервированных авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод (все более очевидное в условиях глобализации для модернизированной части населения), увеличивающийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, коррупцию, ставшую системным фактором, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективную экономическую модель, слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления. С их помощью поддерживались политика этатизма и малоэффективный госсектор, что сдерживало развитие частного сектора и вело к накоплению негативных последствий, вызванных проводимыми в последние годы экономическими реформами.

В месте с тем, арабские события остаются абсолютно разнородными и по составу действующих сил, и по провозглашенными ими целям, и по результатам революционных выступлений. Неправомерно ставить знак равенства в Египте, Ливии, Сирии, Йемене и др.

Сирия – фактически, единственный сегодня наш реальный союзник в арабском мире. Причем, это не конъюнктурный союзник – мы являемся таковыми в течение последних 40 лет. На фоне многих негативных и для СССР, и для России процессов, которые происходили в этом регионе, сирийцы всегда демонстрировали верность своим союзническим обязательствам. Например, Тартус – это сейчас единственный порт в средиземном море, способный обслуживать интересы российского ВМФ. Помимо базы, Москва заинтересована в многомиллионном сирийском рынке сбыта оружия.

Однако проблема в том, что правящий в Сирии режим сейчас находится на грани падения. Выступая против устремлений подавляющего большинства народа этой страны, мы фактически противопоставляем себя сирийцам, а также всему арабскому миру, переживающему Весну. Дошло до того, что на улицах городов Сирии жгут российские флаги, в Ливии протестующие взяли штурмом наше посольство и, вместо российского, водрузили флаг сирийской оппозиции, а в Иордании бойкотируют товары из нашей страны. Москва стала олицетворением той силы, за счет которой держится Асад и его репрессивная власть. Россию обвиняют в том, что она дала Башару «лицензию на убийства мирных граждан». И не надо самим себя обманывать: такие чувства испытывают не какие-то западные наймиты, а миллионы людей по всему арабскому и мусульманскому миру. Подобное происходит впервые. Российские флаги в странах исламского мира не жгли даже в самые тяжелые дни Второй Чеченской кампании. Вместе с Россией в списке главных внешних опор Асада находятся Китай и Иран. Союзничество с последним является одной из причин давления на Асада со стороны Лиги арабских государств и Запада. В арабских СМИ сообщают даже об участии иранских агентов и членов спецподразделений «Хезболлы» в подавлении волнений в Сирии. Это не говоря уже о дипломатической, военно-технической и финансовой поддержке. Так что обвинения

сирийской оппозиции в том, что она получает помощь извне, точно также можно адресовать и властям.

«Братья-мусульмане», победившие на выборах в Египте, Тунисе и Марокко, приближающиеся к власти в Ливии, составляющие ведущую силу сирийской оппозиции, имеющие серьезные фракции в парламентах многих арабских стран, в России, несмотря на все протесты арабистов, СВР, МИД, видных политиков, остаются в списке террористических организаций. Никаких реальных оснований для этого нет. Более того, наш МИД уже работает с политическим крылом египетских «ихванов» – Партией свободы и справедливости, а лидеры Хамас (палестинское ответвление «Братьев») много раз бывали в Москве. Сама жизнь доказывает абсурдность их запрета. Но ничего не меняется.

Но самое главное, что осложняет наши отношения с арабскими странами, с новой арабской элитой, так это то, что наиболее близкие связи из всех мусульманских государств Россия поддерживает с Ираном. Москва в арабских столицах, особенно в странах Залива, представляется ключевым стратегическим союзником Тегерана, который своим экспансионизмом и напором, своими претензиями на ядерное оружие и лидерство в регионе, пугает все окружающие страны.

«Страны Персидского залива ощущают нарастающую угрозу со стороны Ирана, – убежден Мехрдад Хонсари из Центра арабских и иранских исследований в Лондоне. – Иран неоднократно пытался использовать шиитское меньшинство таким образом, чтобы спровоцировать беспорядки в странах Персидского залива».

Никто не говорит, что Россия не должна поддерживать взаимовыгодные отношения с Ираном. Проблема в том, что нельзя допускать дисбаланса и терять арабский мир из-за Ирана и его союзника – асадовского режима.

Арабская весна имеет четкий суннитский характер. Наблюдается попытка сформировать военно-политический блок по линии Анкара-Каир-Эр-Рияд-Доха. Это новая перспективная сила в

регионе. Противопоставлять себя ей и вообще арабским народам, суннитскому миру, поднявшимся во имя лучшей доли, абсолютно неправильно.

Россия, как мировая держава, как арбитр, должна поддерживать отношения со всеми сторонами процесса. Нам следует складывать, что называется, яйца в разные корзины и не делать, по крайней мере, однозначных ставок на тех, у кого перспектив все меньше, например на Асада. Более того, всем же в России хорошо понятно, что Иран ведет свою игру, которая не всегда совпадает с интересами Сирии и России. Наши отношения строятся на военно-техническом сотрудничестве и взаимном желании попугать Запад, Америку перспективой реального союза.

Сегодня России требуется срочно найти входы в новую арабскую элиту, возможности работать в новой ситуации, созданной Арабской весной. Не получается действовать по старым еще советским каналам, не выходит пока с новым суннитским блоком, тогда следует привлекать старых проверенных друзей.

В конце концов, Россия никогда в своей истории не воевала ни с одной арабской страной. Вообще, очень много сделали хорошего в арабских странах в XX в. У нас есть еще шанс стать привилегированным партнером нового арабского мира.

Актуальной задачей для России является выстраивание отношений с исламистскими организациями, пришедшими или приходящими к власти в арабских странах. С одной стороны, с учетом реальностей Россия должна налаживать сотрудничество с новыми арабскими правителями, опираясь на прошлый позитивный опыт контактов с исламистскими организациями и правительствами. Этому будет способствовать и Российские не столь эйфорические оценки демократических процессов на арабо-мусульманской почве, в основе которые лежит не приоритет либеральных ценностей, а необходимость учета национальных исторических традиций и религиозной специфики. С другой стороны, Россия должна проявлять

бдительность в отношении возможных попыток распространения влияния усилившихся исламистов на своих ближайших соседей и союзников в центральной Азии, а также свои мусульманские регионы.

Современные отношения России с арабскими странами в основном сложились под влиянием устойчивого стремления партнеров к развитию сотрудничества в различных областях – политической, экономической, культурной. Вместе с тем, на фоне в целом устойчивой позитивной динамики в отношениях РФ с арабским миром существуют проблемные зоны. По всем «проблемным зонам», напрямую связанным с безопасностью государств региона, Россия как постоянный член Совета Безопасности проводит активные консультации и иные действия, неизменно учитывая позиции и интересы заинтересованных сторон, соответствующих арабских стран. Как правило, конструктивная роль российской дипломатии в стенах ООН, направленная на урегулирование конфликтов и противоречий, встречает позитивный отклик арабских партнеров и желание сотрудничать (в форме взаимных консультаций, взаимных инициатив и т. д.) с российскими представителями. К числу международных проблем, где позиции сторон в отдельных аспектах расходятся или не совпадают и требуют взаимных широких консультаций с участием ведущих мировых держав, принадлежат следующие вопросы:

- создание системы региональной безопасности;
- обеспечение свободы морского судоходства (Дарданеллы, Гибралтар, Ормузский пролив, Баб-Эль-Мандеб, Суэцкий канал);
- борьба с международным терроризмом;
- обеспечение энергетической безопасности и т. д.

Важным аспектом в ооновской деятельности России, затрагивающей регион, является участие в оказании международным сообществом продовольственной и в целом гуманитарной помощи

населению в районах, страдающих от региональных конфликтов и гражданских войн (Судан, Ирак, Палестина, другие).

Комплекс мер на региональном и глобальном уровнях намечен в области поддержки предпринимательства. Среди них – финансирование, в том числе через специально создаваемые фонды различных проектов, инициатив по развитию малого и среднего бизнеса, создание групп по лоббированию его интересов, увеличение инвестиций в сферу деятельности малого и среднего капитала, расширение возможностей привлечения новейших, передовых технологий, создание региональных центров поддержки предпринимательства, содействия росту профессионализма в сфере предпринимательства и т. д.

Исключительное значение имеет оказание поддержки мерам, направленным на повышение роли женщин в политической жизни региона, а также в сфере деятельности малого и среднего бизнеса. Повышенное внимание уделяется рекомендациям, связанным с ликвидацией неграмотности, с глубокой реформой системы образования, в том числе в области подготовки профессиональных кадров и развития управленческого опыта в сфере малого и среднего бизнеса, обеспечением доступности образования для молодежи, где особенно высока безработица.

Вклад России в ликвидацию региональных конфликтов благодаря активной деятельности российской дипломатии сохраняет свое исключительное значение.

УДК 377.12

А. Л. Рябова

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЦЕННОСТИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

История методики преподавания иностранных языков за рубежом и в нашей стране, появление и развитие новых методов обучения иностранному языку всегда были самым тесным образом связаны с новыми тенденциями в лингвистике, психологии и педагогике. Одной из основополагающих проблем, от которой зависит выбор приёма обучения языку вне языковой среды, является роль сознательности.

Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам появился в 1970-х годах в Великобритании в связи с выдвижением новой цели обучения – овладение языком как средством общения, или коммуникации (communication) Необходимо отметить, что факт взаимодействия не всегда означает, что общение состоялось. Имеется ряд примеров, когда участники взаимодействия произносят фразы, реплики, но обмена информацией, понимания и взаимовлияния в процессе взаимодействия не происходит. Причиной этого является неопределённость коммуникативной компетенции, которая рассматривается всеми исследователями коммуникативного подхода в качестве главной цели обучения.

Термин «компетенция» (competence) был введён Н. Хомским применительно к лингвистике и обозначал знание систем языка.

Культура представляет собой сложнейший феномен, определяющий систему ценностных ориентаций как общества в

целом, так и отдельной личности – носителя определенной культуры. При этом каждая культура находит уникальное отражение в языке – её носителе. Социокультурная компетенция (sociocultural competence – знание культурных особенностей носителя языка, их привычек, традиций, норм поведения и этикета, и умение понимать и адекватно использовать их в процессе общения, оставаясь при этом носителем другой культуры: формирование социокультурной компетенции предполагает интеграцию личности в системе мировой и национальной культур. Усвоение только формы этого языка без учета культурного компонента его значения ведет к поведению, отражающему собственные культурные нормы обучающегося и входящему в конфликт с поведением носителей этой культуры.

В соответствии с коммуникативным подходом обучение языку должно учитывать особенности реальной коммуникации, а в основе процесса обучения должна лежать модель реального общения, поскольку владение системой языка (знание грамматики и лексики) является недостаточным для эффективного пользования языком в целях коммуникации. Для осуществления продуктивного межкультурного общения с учетом его лингвистических и психологических особенностей обучающиеся должны обладать «межкультурной компетенцией». Это компетенция особой природы. Она не имеет аналогов с компонентами коммуникативной компетенции носителя языка и может быть присуща только медиатору культур – языковой личности, познавшей как особенности разных культур, так и особенности их (культур) взаимодействия [1]. Межкультурная компетенция – это такая способность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и осуществлять медиативную деятельность, не утрачивая собственной культурной идентичности, то есть ее формирование также связано с различными дисциплинами и зависит от владения специфическими знаниями о лингвокультурных концептах. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости включения

лингвокультурных концептов в содержание обучения иноязычному общению на старших курсах языкового вуза, так как их рассмотрение и освоение на более ранних этапах может вызвать определенные трудности для обучающихся [2, p. 42].

Коммуникативная личность как предмет лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. В структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Лингвистическая классификация ценностей может быть построена на различных основаниях. Казалось бы, в первую очередь, есть смысл говорить о типах оценочных слов (слова, значения которых допускают однозначную общеязыковую интерпретацию в форме модальной рамки “и это хорошо” либо “и это плохо”, слова, коннотации и импликации которых открыты для подобной интерпретации [3], и, наконец, слова, значения которых могут получить подобную интерпретацию лишь в нестандартных ситуациях). Но в таком случае размывается различие между ценностью и оценкой, нарушается иерархия ценностей (как определить меру ценности в значениях слов *“опрятность”, “щедрость”, “геройство”*?). С другой стороны, ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие. В этом случае наступает отождествление ценности и актуальности явления (наименований профессий и болезней явно больше, чем наименований видов помощи и предательства). Вероятно, для получения более адекватной картины представления ценностей в языке (и соответственно, в структуре

языковой и коммуникативной личности) целесообразно учитывать наряду с оценочной и номинативной сторонами и собственно аксиологическую сторону проблемы. Обратившись к специальной литературе по аксиологии, обнаруживаем, что ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями [4].

В этой связи можно предложить модель ценностной картины мира. Мы исходим из того, что наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта) объективно выделяется ценностная картина мира в языке. Здесь уместно разграничить, по меньшей мере, этнокультурный и социокультурный планы, применительно к различным видам оценочных отношений, например, отношение к старшим и младшим, детям, женщинам и мужчинам, к животным, к собственности, к здоровью и болезням, к смерти, к состязаниям и играм, к труду и подвигу, к чуду и обыденности, к приватности, к жилищу, к земле и небу, к явлениям природы, ко времени и пространству [2, с. 44]. При изучении ценностной картины мира в языке мы исходим из следующих положений:

1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;

2) ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами;

3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (например, из определенного типа отношения к старшим и младшим

можно вывести тип отношения к собственности, к состязанию, к приватности и т. д.);

4) в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке.

Разработка ценностных доминант в языке представляется важной для лингвистики, поскольку эта исследовательская задача позволяет интегрировать достижения в области культурологического языкознания прагматической и социальной лингвистики. Прикладная польза от изучения рассматриваемой проблемы для преподавания языка, для практики перевода, для оптимизации межкультурного общения очевидна [5]. Вместе с тем следует заметить, что исследователь культурных доминант сталкивается с опасностью упрощенного, схематического и тенденциозного освещения установленных корреляций, поэтому обоснование методики исследования и принципов интерпретации полученных данных приобретает первостепенную значимость.

Методика изучения культурных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов, а именно смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре. Собственно лингвистическое исследование культурных доминант осуществляется в виде наблюдения и эксперимента (сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, а также прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов, текстов художественной литературы, газет и т. д., с одной стороны, и интервьюирование носителей языка, разработка анкет, включающих различные оценочные суждения, связанные с определенными предметными областями, с другой стороны). Лингвистическое изучение культурных концептов неизбежно должно быть дополнено данными других дисциплин – культурологии, истории, психологии,

этнографии. “Лексикон русского менталитета” под редакцией Анджея Лазари представляет собой попытку дать объяснение философским, социальным, религиозным и политическим идеям, составляющим специфику русского менталитета [6]. Редактор этого издания отмечает в предисловии, что эта работы мыслится как часть энциклопедического словаря “Идеи в России”, в котором должно быть более 600 единиц. По мнению А. Лазари, многие феномены и концепты в России не имеют верных соответствий в других странах и языках, или, что еще хуже, имеют кажущиеся соответствия. Понимая сложность и объем такого труда, А. Лазари характеризует полученный лексикон как предварительный результат, не свободный от противоречий и ошибок [6, с. 5-6].

Для предметного обсуждения достоинств и недостатков рассматриваемой работы приведем текст одной из словарных статей.

Судьба. Fate.

Even though the Russian term *sud’ba* is customarily rendered into English as ‘fate’, these are two basically different concepts. *Sud’ba* does not contain within itself chance, coincidence, risk, just as ‘fate’ is not connected with the meaning to ‘judge’, to ‘judge beforehand’. ‘Fate’, even that which is personified and situated beyond the subject, leaves to the subject its own peculiar ‘free will’; it can, for example ‘be either provoked or not, or it can be opposed, whereas *sud’ba* does not take this kind of ‘will’ into consideration: one must subordinate himself to it, accept it with humility – *pokorit’sya*. It is here, in the relation to ‘free will’ towards *sud’ba* / *fate* – that lies among others, the basic difference in attitudes of Orthodoxy and Catholicism, the Russian attitude and the Western attitude.

Even more, *sud’ba* is as if pre-established, it embraces the whole of human life, and therefore it can be interpreted as (in a general outline) a fixed way of life. Being understood as a ‘divine providence’ it contains in itself a ‘higher meaning’, it becomes the ‘experience of man’, and consequently leads to the justification and acceptance both of all kinds of misfortunes (including historical calamities) as well as acts (compare a

proverbial sympathy of the Russian people for criminals and convicts). On the other hand, the attempt to change one's fate is looked upon not too favourably. Certainly not without good reason, with such understanding of *sud'ba* all attempts of opposing it must be associated with an iconoclastic attitude; and generally this is the case. It certainly is not by accident that all historical revolts in Russia together with the October

Revolution, on the one hand, activated just such attitude and anti-religious acts, and were carried out under the slogans of holy missions, on the other hand.

So, when it is said in various discourses *sud'by Rossii* or *puti Rossii*, the talk is not only of history, but rather, above all, of the '*destiny – the mission*' of Russia and it is there that the contents of this mystical 'destiny' is sought [7].

Итак, в отличие от английского fate русский концепт 'судьба' не включает признаки "случай", "совпадение", "риск", так же как и fate не содержит признаков "судить" и "судить заранее". Судьба-fate всегда оставляет субъекту право "свободной воли", человек может бросить вызов и противостоять судьбе-fate, в то время как русский концепт 'судьба' не дает человеку права на выбор, ей следует покориться. Поэтому, когда говорят о судьбах или путях России, то имеют в виду не только историю, а предназначение, особую мистическую миссию России. Сравним эти размышления с данными лингвистического исследования. Детальный многоаспектный анализ основной языковой репрезентации рассматриваемого концепта русской лингвокультуры был выполнен В. П. Москвиным на весьма репрезентативном материале более 2500 контекстуальных реализаций слова *судьба*, а также слов, парадигматически (таких, к примеру, как *рок*, *фортуна*, *парка* и проч.) и эпидигматически (*судить* и др.) связанных с этим полисемантом [8]. На основании проведенного исследования, авторы солидной монографии под редакцией Н. Д. Арутюновой «Понятие судьбы в контексте разных культур» пришли к выводу о том, что слово *судьба* используется в русском языке в

девяти основных значениях: 1) ‘сверхъестественная сила, предопределяющая все события в жизни людей’; 2) ‘сила, определяющая все события в жизни отдельного человека’ (“индивидуальная” судьба); 3) ‘волеизъявление высшей силы’; 4) ‘волеизъявление’; 5) ‘суждено, предопределено свыше’ (как предикатив); 6) ‘то, что назначено испытать в соответствии с приговором высшей силы’, ‘то, что суждено’; 7) ‘жизнь’; 8) ‘будущее’; 9) ‘история’ [9].

В. Н. Топоров отмечает, что русские слова *“судьба”* и *“случай”* образуют полярность абсолютного детерминизма (и, следовательно, предсказуемости) и абсолютного индетерминизма (полной произвольности), хотя в далекой ретроспективе эти слова, как и немецкое *Los* или английское *lot*, обнаруживают общий элемент отпускания-освобождения [9, с. 156]. Высказывается тезис о том, что судьба совпадает с роком, Богом, Божьей или мировой волей. Узнать свою судьбу, свое будущее, значит преодолеть свое Я, т. е. слиться с судьбой. А. Я. Гуревич рассматривает диалектику судьбы у германцев и древних скандинавов и доказывает, что в германских текстах герой формирует собственную судьбу, он ощущает в себе свою индивидуальную судьбу [9]. Анализируя пословицы и афоризмы, касающиеся судьбы, В. Г. Гак выделяет основные характеристики судьбы, которые могут быть представлены в виде оппозиций: 1) судьба и воля, 2) постоянство / изменчивость судьбы, 3) счастливая / несчастливая судьба, 4) справедливая / несправедливая судьба, 5) отношение человека к судьбе: исправимость / неисправимость ее, 6) способы изменения судьбы: активный / пассивный. Отношение к судьбе определяется мудростью человека, а мудрость приходит с жизненным опытом, судьба становится человеку ясной лишь под конец жизни [9, с. 199].

Итак, можно говорить о специфике русского понимания судьбы, т.е. отношения к судьбе как к Божественному волеизъявлению. Можно согласиться и с тем, что такое понимание является

доминантой в традиционной русской лингвокультуре, т. е. оно определяет многие моменты мировидения и поведения. Вместе с тем представляется тенденциозным тезис автора о сочувствии русских людей преступникам (отрицательное отношение к власти, угнетателям, представителям закона, действительно, весьма распространено и объясняется исторически длительностью крепостного права, Тенденциозность видна и в том, что в российском самосознании якобы непременно есть мистическое понимание пути России, такое представление вряд ли можно считать массовым или типичным, оно отражает позицию определенной группы людей. По-видимому, рассматриваемая словарная статья – это пример индивидуально-авторской полемической публицистики. В лингвокультурологии, впрочем, доля субъективных наблюдений и выводов достаточно велика.

Просто беда произошла со словом «толерантность». Большое количество людей полагают, что толерантность – это компромисс со злом (я уже не отмечаю, что «зло» в каждом времени, месте и социальной группе имеет своё описание), потакание злу, сговор с ним и, в конечном счете, толерантность есть пропаганда зла. Первая и необходимая составляющая понятия толерантности – принцип неосуждения. Второй принцип – милосердие, или сострадание.

Сфера концептов – это сфера понимания. Приведем в качестве иллюстрации характеристики некоторых концептов в различных лингвокультурах.

«Тоска» – один из наиболее характерных концептов русской культуры, анализируется в исследовании А. Вежбицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов». Вежбицкая выделяет в этом концепте следующие смыслы: томление, грусть, печаль, скуку, уныние, хандру, тревогу, тоску по Родине, сожаление об утраченном, стремление к чему-либо, пока не происходящему, тоску по близким, любимым людям. Французский эквивалент этого концепта – angoisse – принципиально отличается от русской тоски: можно делать

вид, что испытываешь это чувство, другими являются и поведенческие реакции: испытывая angoisse, француз может дрожать, чувствовать озноб, потеть (во французском – это чувство сопряжено с неприятными физическими ощущениями и страхом) [10]. Интересно отметить общий компонент в словах *anguish* (англ.) – “мучение, мука, страдание”, *angoisse* (фр.) – “тоска, ужас, тревога”, *Angst* (нем.) – “страх”: идея удушья, сдавливания, латинское angere — 1) сжимать, сдавливать, душить, теснить, щемить, 2) стеснять, беспокоить, тревожить, мучить, удручать (ЛРС). Действительно, в своем развитии концепты проходят путь от проявления к содержанию (холод–стыд, оцепенение–страх, огонь–гнев и ярость и т. д.).

Концепт «любовь» не мог остаться вне поля зрения исследователей. Рассматривая семантизацию любви в русской и испанской лексикографии, можно установить признаки данного концепта (ценность, желание, эмоциональная оценка, немотивированность выбора объекта, индивидуализированность объекта, гармония, каритативность (чувство самоотверженной привязанности), половое влечение, гармония) и отмечает, что в испанских словарях не фигурирует признак немотивированности выбора объекта, а в русских – признак благожелания. Можно выделить признаки данного концепта, зафиксированные в словарях русского и немецкого языков (глубина, сила, интимность, избирательность, теплота, уважение, страсть, самоотверженность, страдание, преданность, устремленность, непредсказуемость). Там, где русский язык произвёл одно понятие, древние греки усматривали множество разновидностей: эрос – любовь чувственная, агапэ – любовь жертвенная, духовная, филиа – возвышенная любовь – дружба, сторгэ – любовь нежность, любовь привязанность. Мир древних греков, густонаселённых богами и духами, был пронизан разнообразными любовными токами, рассмотренными ещё Сократом, о чём нам сообщает сам греческий язык с тонкими различиями сортов любви. Всякий язык по-своему интересен, он отражает сознание

своих носителей, выбрасывая всё лишнее, оставляет необходимое. В русском языке есть одно-единственное слово «любовь» – всё прочее приходится одалживать у греков.

Отмечается, что речевое воплощение концепта «любовь» в текстах массовой культуры (песнях) реализуется весьма часто как нарушение табу (эстетизация физиологической стороны взаимоотношений полов), и это ведет к вульгаризации любовного чувства. Обратим внимание на то, что в различных лингвокультурах выдвигаются на первый план такие характеристики любви, как восхищение и жалость, т. е. страсть и сочувствие. Этот концепт, как и ряд других концептов (например, выражаемых словами *знать* и *ведать*), является внутренне парным, подразумевающим противопоставление сильной страсти (любовь как жгучее, "*лю*тое" чувство, эрос) и доброго, сердечного отношения, глубокой привязанности (в русском языке это выражено как "*быть милым*").

Концепт 'честь' составляет одно из важнейших ментальных образований в оценочной картине мира. Этимологический словарь М. Фасмера устанавливает корреляцию русского слова *“честь”* и древнеиндийского *cetati* – “соблюдает, мыслит, понимает, думает”. Рассматривая этот концепт в древнегреческом, Де Витто определяет geras как “честь, почетный дар, почести”, это блага в натуральном виде, собранные воинами при разграблении города, сложенная воедино общая добыча, и далее – ее часть, принадлежащая вождю [11]. Ситуативная конкретизация этого слова приводит к уточненному пониманию данного концепта: экстраординарные преимущества, закрепленные по праву за царем – материальные блага, предоставляемые народом, почетное место, лучший кусок мяса и чаша вина. Честь – это царские привилегии: право вести войну, где захочется, право брать столько скота, сколько захочется, главное место на общественных пирах, первое блюдо от каждой перемены блюд, двойная по отношению к другим пирующим порция, право выбора животных для жертвоприношений, право сидеть на почетном месте во

время игр. Речь идет, как можно видеть, о выделяющих царя благах — натуральных и символических. По сути дела, такое выделение сохранилось и до наших дней: например, оплачиваемый проезд в вагоне категории “СВ” в командировках разрешен только современным отечественным чиновникам высокого ранга, остальным положено ездить в купейных вагонах. Председатель государственной аттестационной комиссии имеет дополнительное право голоса на государственных выпускных экзаменах в случае возникновения конфликтной ситуации при выставлении студенту оценки за ответ. В современном сознании такое выделение зафиксировано более дифференцированно как противопоставление прерогативы и привилегии. Прерогатива – это дополнительное право, а привилегия – освобождение от обязанностей, выполняемых всеми остальными. Например, женщины по этикету имеют привилегию не снимать головной убор в помещении. Лица, отмеченные высшими наградами страны, освобождаются при проезде от оплаты в общественном транспорте.

Сравнивая языковые способы выражения концепта «честь» в американской и русской лингвокультурах, американский ученый Брислин отмечает, что в американских толковых словарях «*честь»* трактуется большей частью как высокая репутация, т. е. высокое уважение со стороны окружающих, в русских толковых словарях этот концепт раскрывается в единстве внутреннего качества и отношения окружающих. Американское *honor* ассоциируется с титулами, наградами, привилегиями и т. д. В историческом плане американское понимание чести, по мнению автора, есть развитие западноевропейского концепта рыцарской чести, изначально связанного с соревновательностью и утверждением в обществе [12], в то время как древнерусская семья воспитывала своих членов по веками выработанному шаблону, в основе которого лежали религиозные предписания. Понятие чести не фигурирует среди христианских добродетелей, а соревновательность чужда идеалу

ортодоксального христианства, культивировавшего терпение и послушание. Поэтому понятие чести соотносится в русской культуре с внутренними качествами человека. Что же касается понимания женской чести как добрачной девственности, то такое понимание данного концепта объясняется экономической зависимостью женщин в прошлом. Брислин анализирует принципы структурирования концепта honour на материале ранненовоанглийского периода и выделяет в когнитивном пространстве этого концепта, воплощенного в значениях 80 существительных (из них ядерные — *honour, dignity, chastity, valour, reverence, glory, praise, worship, boast, fame, renown, reputation*), следующие признаки: 1) благородство характера, 2) чистота духа, 3) целомудрие, 4) неустрашимость, 5) физическая сила и мужество, 6) блеск, великолепие, 7) амбициозность, тщеславие, 8) сакральное величие и благость, 9) почитание, поклонение, 10) уважение, одобрение, 11) общественная известность, 12) высокое положение в социальной иерархии [12, с. 73]. Интересно отметить, что концепт “честь” специфически проявляется как апелляция к моральному стандарту поведения в английской лингвокультуре применительно к жанру договора. Известно, что английские бизнесмены весьма часто заключают устную договоренность, и на этом основании совершаются сделки на большую стоимость. В том случае, если партнер повел себя не должным образом, произносится фраза: «*You have dishonoured your agreement»*. В русском деловом общении апелляция к чести в такой ситуации представляется маловероятной, особенно применительно к современному состоянию отечественного предпринимательства.

Заслуживает внимания исследование, посвященное концепту «риск» в английской лингвокультуре. Интерпретируя риск как вид деятельности в ситуации неопределенности и необходимости выбора, результат которого не полностью предсказуем, автор выделяет наиболее общие метафоры риска – война, азартная игра, охота, борьба со стихией, часто морской, выход из убежища навстречу опасности.

Описание ситуации риска включает ситуацию, участник которой стремится к успеху, но допускает вероятность поражения, испытывая при этом эмоции отчаяния и надежды, делает выбор, понимая, что мог отказаться от риска, и приходит к поражению или победе. Каждая из этих характеристик иллюстрируется определенными идиомами, например: принятие ситуации риска – *to step in the breach, to stick one's neck out, to swim against the stream, to beard the lion in its den, to walk a tightrope* и др.

Концепт «успех» весьма значим для любой культуры, поскольку целесообразное действие предполагает оценку его выполнения. Содержанием этого концепта является положительно оцениваемая реализация усилий по достижению цели. Можно построить следующую модель фрейма, представляющего ситуацию успеха: "(я знаю, что) 1) X хотел, чтобы было положение дел A, 2) он действовал, чтобы было A, 3) были препятствия P, которые X должен был преодолеть, 4) могло быть так, чтобы не было A, 5) X преодолел препятствия P, и A существует, 6) (и поэтому я думаю, что) X заслуживает положительной оценки за действия по достижению A". Ассоциативный круг концепта 'успех' включает следующие смыслы: 1) положение дел A достижимо; 2) X рад тому, что существует A, 3) при оценке действий X учитываются средства, используемые X для достижения цели (положения дел A), 4) степень успеха зависит от величины препятствий P, 5) успех связан не только с усилиями X, но и с везением, 6) успех уточняется в концептуальном пространстве "цель, средство, препятствие, амбиция, победа, поражение, неудача, достижение, признание, карьера, награда, состязание, борьба", 7) существуют символические знаки успеха. Словарные дефиниции соответствуют приведенной модели: *success is the achieving of desired results (CIDE). Success is 1.1. the achievement of something that you have been trying to do; 1.2. the achievement of a high position in a particular field, for example in business or politics; 2. A success is someone or something that achieves a high position, makes a lot of money, or is*

popular (COBUILD). Success – 1) the accomplishment of an aim; a favourable outcome (their efforts met with success); 2) the attainment of wealth, fame, or position (spoilt by success); 3) a thing or person that turns out well; 4) archaic a usu. specified outcome of an undertaking (ill success) (COD). Успех – 1) положительный результат, удачное завершение чего-либо || благоприятный исход, победа в каком–либо сражении, поединке и т.п.; 2) мн. хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего–либо; 3) общественное признание, одобрение чего–либо, чьих–либо достижений || признание окружающими чьих–либо достоинств; интерес, влечения со стороны лиц другого пола. В английском тезаурусе выделяются следующие смысловые уточнители успеха: *success – 1. [the fact of succeeding] – syn. achieving, gaining, prospering, attaining, accomplishing, progressing, advancing, triumphing, making a fortune, finishing, completion, consummation, doing, culmination, conclusion, termination, resolution, end, attainment, realization, maturation, breakthrough, victory, triumph, accomplishment, benefiting, having good luck; being out in front, making a noise in the world, making a ten strike; ant. failure, disappointment, failing. 2. [the fact of being succeeded to a high degree] – syn. fortune, good luck, achievement, gain, benefit, prosperity, victory, advance, attainment, progress, profit, prosperous issue, bed of roses, favorable outcome; – ant. defeat, loss, disaster. 3. [a successful person or thing] – syn. celebrity, famous person, leader, authority, master, expert, man of fortune; somebody, star, gallery hit, bell–ringer, VIP. – ant. failure, loser, nonentity* . В русском синонимическом словаре качество "*успешный*" сопоставляется с близкими по значению единицами "*удачный", "счастливый", "благополучный";* общим значением является положительный результат, слова "*успешный*" и "*счастливый*" являются интенсификаторами данного смысла, "*благополучный*" указывает на благоприятное, без каких–либо осложнений завершение какого-либо дела, предприятия, выделяются ассоциативные направления

конкретизации этого концепта: 1) достижение, завоевание, победа, триумф, торжество; свершение; 2) лавры, (о шумном успехе) фурор; 3) удача. Этимология имени концепта (успех, success) означает "движение, быстрое следование. В китайском языке концепт 'успех' (cheng gong) передается с помощью иероглифов, состоящих из идеограмм со значениями "закончить" + "работа" + "усилия".

Пословицы выделяют следующие направления концептуализации ценностного основания успеха: 1) усилия по достижению успеха заслуживают похвалы (*Nothing seek, nothing find; There is always room at the top*); 2) нельзя сдаваться, сталкиваясь с трудностями (*Глаза боятся, а руки делают; If at first you don't succeed, try, try, try again; Forsaken by the wind, you must use your oars*); 3) есть положительный смысл и в поражении – это урок для будущей победы (*Adversity is a touchstone of virtue*); 4) успешный результат перевешивает сомнительные средства, которые используются для достижения цели (*Победителей не судят; Цель оправдывает средства; The end justifies the means*); 5) стремление к успеху должно основываться на адекватной самооценке (*Hasty climbers have sudden falls; Step by step the ladder is ascended; Дорогу осилит идущий*); 6) стремление к достижению собственного успеха не должно приводить к игнорированию интересов других людей (*Всякая козявка лезет в букашки*).

Принципиально различается оценка человека, которого преследуют неудачи, в русской и английской лингвокультурах. Неудача по-русски связана с обреченностью, невезеньем, наиболее часто приводятся примеры "*неудачник в жизни, по жизни, в любви, бедный, вечный, во всем*". Таких людей можно пожалеть. В английском *loser* осмысливается как проигравший в состязании, для англичан очень важно уметь достойно проигрывать: *A good loser is a person who behaves well and does not show their disappointment when they are defeated; a bad loser is a person who complains when they are defeated.* Характерны примеры: *a born loser, a romantic loser.* Человек, потерпевший неудачу, не должен показывать свое разочарование и,

тем более, не должен жаловаться. Критически оценивается неумение субъекта перебороть неудачу (*неудачник от рожденья*), романтичность как причина неудач.

Можно установить следующую специфику понимания концепта «успех» в английской и русской лингвокультурах: 1) для русской лингвокультуры характерен акцент на везении и учете средств, используемых для достижения цели (моральный аспект), для английской – акцент на успехе как таковом, символизация успеха, акцент на усилиях индивида; 2) в английской лингвокультуре успех ассоциируется с карьерой, богатством и славой, в русской – с победой в бою, достижениями в познаниях и завоеванием симпатий; 3) к людям, которые не добились успеха, по-русски относятся с жалостью, по-английски – с элементом презрения. Отсюда следует, что в английской культуре успех напрямую связывается с усилиями личности, в русской – с везением и способностями человека.

Концептуализация критической оценки усилий человека может развиваться, по меньшей мере, в двух направлениях: 1) некто не прикладывает усилий для достижения цели ('лень'), 2) некто неправильно прикладывает усилия для достижения цели либо выбрал неверную цель («суета» и «тщета»). В русской и английской лингвокультурах своеобразно осмыслены концепты «суета» и «тщета». Содержанием этих концептов является отрицательно оцениваемая бессмысленная активность, это действия, которые заведомо лишены достижимого результата. Образная составляющая концепта «суета» – человек, который частыми движениями пытается переставлять предметы, переместиться, оставаясь в том же положении (белка в колесе), нервничает, выглядит иногда смешно и нелепо. Внешняя характеристика суеты применительно к мотивации действия может, впрочем, принимать и положительную оценку: хозяйка суетится на кухне, готовясь к приходу гостей, т.е. делает все торопливо, хочет успеть сделать как можно больше. Образ тщеты более абстрактен, здесь возникают картины бессмысленных усилий (ситом черпать воду), тщетной борьбы с обстоятельствами, с

природными катаклизмами (тщетные попытки спастись во время землетрясения).

Содержательный минимум концепта «труд» выражается как “целенаправленная деятельность, требующая физического или умственного напряжения, осуществляемая не для удовольствия, предполагающая получение денег”. Конкретизация содержательного минимума данного концепта представляется следующей: 1) характеристика работы, 2) отношение к труду, 3) результативность. В качестве единиц изучения рассматривались глаголы и прилагательные со значением “работать”, “бездельничать”, “трудолюбивый”, “ленивый” (*to work, to labour, to toil, to drudge, to grind, to travail, to moil, to slave; sich bemuhen, sich abrackern, schuften, sich abplagen, sich abmuhen, sich anstrengen, sich regen; трудиться, работать, вкалывать, надрываться, корпеть, потеть, горбатиться, ишачить* и др.). Понятие “трудиться” противопоставляется понятию “играть” (деятельность, осуществляемая только для удовольствия, обычно о детях), отсюда – пресуппозиция необходимости труда, и как следствие этого – вариативное представление волеизъявления и долженствования в связи с выполняемой работой.

Модель концепта «труд» строится на основе фрейма, в центре которого находится образ человека, выполняющего напряженную (обычно физическую) работу. Эта работа может быть тяжелой, длительной, изнурительной, монотонной, постоянной (объективные характеристики процесса). Человек трудится по принуждению (внешнему либо внутреннему), напряженно, умело, проявляя старательность, упорство, терпение, выносливость (субъективные характеристики). При этом работа выполняется успешно, качественно, красиво, быстро (объективные характеристики результата). Все эти характеристики могут быть выражены в виде условных шкал с положительным и отрицательным полюсом. Идея «лени» предполагает не только нежелание трудиться, но и удовольствие от праздного времяпрепровождения, пассивность как

черту характера, а также сопутствующие процессы (слоняться без дела, заниматься пустяками, отвлекаться, медлить).

Этнокультурные различия в представлении отношения к труду на материале английского, немецкого и русского языков сводятся не к наличию и отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной признаковой комбинации и частотности признаков. Так, идея прилежности в русском языке связана с умственным трудом, прежде всего, с учением (английское *diligent* не ассоциируется только с учебой и предполагает постоянные, а не разовые усилия). В русском языке осуждается халтурная, небрежная работа в ином ключе по сравнению с английским и немецким: в русском языке *“он халтурит”* означает “он не хочет делать качественно (работа выполняется попутно и поэтому небрежно), а мог бы”, т. е. он не желает работать старательно, добросовестно. Осуждается плохая мотивация. В английском языке на первый план выходит идея неумелого труда (осуждается дилетант и шарлатан, т. е. тот, кто не умеет делать, а берется; прежде всего, это относится к представителям творческих профессий). Следовательно, подчеркивается низкая результативность работы. Эффективная работа предполагает сосредоточенность на деле. Английское *businesslike* несет положительную оценку, в то время, как русское “деловой” имеет амбивалентную оценочную коннотацию, особенно в современной разговорной речи: «*Деловой какой!*» Отрицательная ассоциация данного слова (и соответствующего признака) вытекает из поведения человека, ставящего дело на первый план, а поддержание хороших отношений с людьми в общении — на второй план. Признавая важность результата, носители русской культуры, как видим, уделяют большое внимание процессу и особенно мотивации труда. В русских пословицах мы находим известные речения *“Дурака работа любит”, “Работа — не волк, в лес не убежит”, “От работы кони дохнут”,* в английском и немецком таких пословиц не встретилось, и это можно объяснить исторически: степень внешнего принуждения для трудящегося в России была очень высокой по

сравнению с другими странами. Именно поэтому для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем для себя и на себя), а для России – этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку (не случайны этимологические ассоциации "*труд – страдание", "работа — рабство*").

В современном русском языке широко распространено жаргонное слово «*халява»,* обозначающее нечто дармовое, бесплатное. Вместе с тем получить что-либо можно бесплатно, даром, с одной стороны, и без должных усилий, с другой стороны (сравним: «*пить пиво на халяву»* и «*сдать экзамен на халяву»*). Понятно, что между этими ситуациями есть связь, причем, в основу положена отрицательная оценка незаслуженного получения чего-либо (отсюда и «*дармоед»*). Распространяемые на презентациях бесплатные сувениры, обозначаемые по-английски *freebie*, не содержат отрицательной оценки соответствующих ситуаций. Анализ русских разговорных оценочных обозначений работы, которая выполняется плохо (*халтура, халява, лажа*), показывает, что говорящий может использовать эти слова и их дериваты, говоря о том, что не заслуживает серьезного отношения: вообще *халтурить, делать что-либо на халяву, гнать лажу* нельзя, но в определенных ситуациях можно. Перевод этих выражений на английский затруднителен, поскольку отсутствует концепт, и поэтому требуются гораздо более резкие обозначения, коррелятами которых на русском языке являются грубые вульгаризмы с общей отрицательной оценкой.

Концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Как можно видеть, общим в этом определении и в определениях понятия, представления и значения остается родовой признак – принадлежность к области идеального, видовые же отличия (форма знания / сознания – логическая / рациональная, психологическая / образная, языковая) нейтрализуются, а их место занимают

вербализованнность и этнокультурная маркированность. По существу, единственным raison d'etre терминологизации лексемы "концепт" является потребность в этнокультурной авторизации семантических единиц – соотнесении их с языковой личностью.

Язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны и образуют средостение личности – место сопряжения её физического, духовного и социального Я. Языковая личность и концепт – базовые категории лингвокультурологии, отражающие ментальность обобщенного носителя естественного языка и предоставляющие этой научной дисциплине исследовательский инструмент для воссоздания прототипического образа "человека говорящего".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Armason J. P.** Civilization Analysis, Social Theory and Comparative History // Handbook of Contemporary European Social Theory / ed. by G. Delanty; London; New York: Routledge, 2006. P. 235.
2. **O'Malley J. M., Charnot A. U.** Learning Strategies on Second Language Acquisition. Cambridge: CUP, 1995.
3. **Nunan D.** Communication Tasks and the Language Curriculum.TESOL Quaterly, 1991. 25, 2, P. 279-295.
4. **Иконникова И. К.** Современные западные концепции межкультурной коммуникации (модели индивидуального поведения в ситуации контакта культур). М,, 1994. С. 10.
5. **Lewis M.** Implementing the Lexical Approach In IATEEFL Annual Conference Report, 1996. P. 25–27.
6. См. Польская и русская душа (от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына) / под. ред. А. Де-Лазари Варшава, 2004.
7. Hall E. T., Hall M. R. Understanding Cultural Differences: Germans, French, and Americans. Intercultural Press, 1990. P. 49-50.
8. **Москвин В. П.** Точность и неточность как стилистические категории // Русский язык в школе. – 2002. – № 6. – С. 18.
9. **Арутюнова Н. Д.** Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.
10. **Вежбицкая А.** Понимание культур через посредство ключевых слов // Словарный состав как ключ к этнофилософии, истории и политике: «Свобода» в латинском, английском, русском и польском языках. М., 2001. С. 96.
11. **De Vito J. A.** Human Communication: the Basic Course. New York: Harper Collins College Publishers, 1994.
12. **Brislin R. W.** Understanding Culture`s Influence on Behavior. Fort Worth Harcourt Brace College Publishers, 1993

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
И ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 2:17:37

Л. Е. Шапошников

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОЦЕНКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последнее десятилетие перед Россией со всей остротой встал вопрос об отношении к проблемам глобализации, которые грозят уничтожить как национальные, так и духовное и культурное своеобразие народов, ее населяющих. Естественно, что современная церковная мысль должна давать ответы на вызовы глобализации. Однако сложность анализа церковных взглядов заключается в том, что в современном русском православии существует несколько богословских течений, по-разному трактующих взаимодействия экклезии и социума. Эти течения не имеют однозначного понятийного обозначения, мы считаем, что они могут быть определены как направления консерватизма, новаторства и модернизма. *Консерватизм* – от латинского conserve («охраняю», «сохраняю») – выступает, как правило, под лозунгом «неизменности церковных истин». Однако как понимать этот тезис? Проще всего апеллировать к «древности» веры как критерию истины. Но этот прием при объективном анализе фактов показывает свою ограниченность и даже ошибочность. Например, еретические движения, отпадавшие от ортодоксального христианства, часто выступали под лозунгами возврата к «подлинной старой вере». В этом плане наиболее ярким проявлением такого подхода выступает протестантизм, в котором радикальный разрыв с преданием проходил под лозунгами восстановления первоначального христианства. Иными словами, ссылки на «древность» сами по себе не могут

выступать критерием истины. Известный православный богослов протоиерей Г. Флоровский справедливо подчеркивал: «Истина – это не привычка» [1, с. 378].

Богословский консерватизм исходит из того, что все плоды человеческого ума «непрочны и относительны». Истины же откровения даны в готовом виде, и задачи разума сводятся к их охранению. При таком подходе понимание религиозных истин «выпадает из ритма истории», становится непонятным для современного человека, а сама традиция превращается в застывшую, омертвевшую форму. Консервативно настроенные богословы не только негативно оценивают глобализацию, но их вообще не устраивает «вовлеченность церкви в социальное служение». Они выступают с позицией изоляционизма, понимаемого в двух значениях: во-первых, как «бегство от дыхания грешного мира»; во-вторых, как отгораживание «от инославия и западной культуры в целом». Комментируя эту позицию, патриарх Кирилл (Гундяев) отметил, что «нам предлагают замкнуться в себя, якобы предостерегая от «обмирщения». В действительности подобные призывы стремятся противопоставить экклезию обществу, снизить ее влияние на социум, они забывают о том, что «церковь не существует изолированно от народа, ведь православие – это душа России, а разделение души и тела в нашем земном мире означает смерть»» [2, с. 9].

Однако есть и другая крайность в понимании религиозных истин, она связана с модернизмом. Модернизм – от французского moderne («новейший», «современный») – радикальный пересмотр (за короткий промежуток времени) основных положений вероучения, канонов и культовой практики; он, как правило, в угоду конъюнктурным соображениям идет на разрыв с традицией, приспосабливаясь к тем или иным мирским доктринам. Казалось бы, модернизм – это «глас истории», но на самом деле он также внеисторичен. Для поборников этого направления история конфессии как бы все время начинается заново, церковное учение при этом

теряет свои сущностные основания, превращаясь в служанку духа времени. Вот что пишет один из ярких представителей этого течения о. Георгий Кочетков, анализируя постсоветский период: «Ничто старое в церкви себя уже не оправдывало, ибо ничто старое в ней уже не работало» [3, с. 60]. Следовательно, необходимо «старые формы» церковной жизни отвергнуть и заменить их на новые, которые не будут «повторением прошлого».

В связи с изложенными позициями становится очевидной важность правильного определения соотношения устойчивости и изменчивости в православном предании. Традиция и религиозная истина в восточном христианстве неотделимы друг от друга, более того, можно утверждать, что истина составляет сущность традиции, ее ноуменальный уровень. Однако все дело в том, что передача истины – это не только ее сохранение, это лишь одна из задач традиции. Другая, не менее важная задача состоит в том, чтобы выражать истину в созвучной духу времени форме. Поэтому сама традиция не может рассматриваться как мертвая, застывшая схема, она должна развиваться, т. е. жить в истории.

Следовательно, в религиозной традиции есть неизменный ноуменальный уровень, связанный с Откровением, и подвижный феноменальный уровень, связанный с местом и временем, в котором живут верующие, т. е. с историей. В рамках церковного предания решается задача не только сохранения истины, но и выражения ее сущности в созвучной духу времени форме. На наш взгляд, богословы, выступающие за сочетание традиции и современности, могут быть названы новаторами (от лат. novatio – «обновление», «изменение»).

И модернизм, и новаторство связаны с изменениями в православии, однако даже этимология терминов показывает отличия этих явлений. В первом случае речь идет о чем-то новом, ранее не бывшем, во втором – об обновлении существующего. Консерватизм и новаторство, в отличие от модернизма, выступают проявлением традиции, но если в первом случае она понимается как законченное,

во всех чертах сформулированное учение, то во втором – как становящаяся, развивающаяся богословская мысль, опирающаяся на исходные, неизменные, фундаментальные принципы Откровения. Господствующим богословским направлением в современном русском православии является новаторство, оно наиболее адекватно отражает и официальную позицию церкви.

Одним из первых соборных документов, в котором анализируются процессы глобализации, стало решение юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви, состоявшегося в 2000 году. На соборе были приняты «Основы социальной концепции Русской православной церкви». Интересующая нас проблематика находится во втором разделе этого документа, он называется «Церковь и нация» [4, с. 173-176]. Само понятие нация в документе используется в двух значениях – «как этническая общность и как совокупность граждан определенного государства». Патриотизм православного верующего проявляется и по отношению к русским как этнической общности, и России как государству, в котором проживает большинство русских. При этом патриотизм не может быть пассивным, христианин призван активно «сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание».

Соборное обсуждение и официальное принятие «Основ социальной концепции Русской православной церкви» свидетельствует о том, что современное православие хочет играть активную роль не только в индивидуальной жизни граждан, но и в социальной сфере, в том числе и в таких важных вопросах, как межэтническое общение и сохранение национальной идентичности.

Большое значение для формирования церковного самосознания имеют международные богословские конференции, проводимые по инициативе руководства Русской православной церкви. Одна из них состоялась в 2003 г. и была посвящена теме «Православное учение о Церкви». Естественно, что при обсуждении взаимоотношений Церкви и общества возникла и тема глобализации. Богословские подходы к

этой проблеме, как отметили участники конференции, достаточно неоднозначны, и могут появляться «субъективные искажения» в понимании задач, связанных с социальным служением Церкви. Во-первых, существуют попытки «облегченного» подхода к процессу глобализации, рассматривающие его как неизбежный продукт общественного развития, с которым бессмысленно бороться и поэтому необходимо его богословски оправдать. Однако «Церковь живет и действует в мире и обществе», но в то же время «предлагает миру свой собственный общественный идеал» [5, с. 58]. Он не может строиться на принципах унификации культур, на игнорировании национального своеобразия народов, вообще в целом на ценностях секулярного социума. Во-вторых, существует опасность филетизма, то есть «отождествления церковной общности с этнической и национальной», в результате Церковь сводится «к национально-культурному обычаю, к ритуалу» [5, с. 56].

Итак, православная конференция отметила тенденции, искажающие христианское понимание глобализма. Первая, на наш взгляд, связана с модернизмом, который национальные ценности приносит в жертву космополитическим тенденциям, а будущее развитие России мыслится им как простое повторение западного пути. Вторая свойственна консерватизму, выступающему с позиций изоляционизма, абсолютирующему национальные различия, этернизирующему патриархальные отношения.

Следовательно, соборному сознанию Церкви необходимо предложить средний путь, избегающий отмеченных выше крайностей. Этот путь, безусловно, должен опираться на отечественные духовные и культурные традиции. Предстоятель церкви определяет традицию как «способ сохранения и передачи ценностей из поколения в поколение» [6, с. 20]. Однако заблуждаются те, кто сводит традицию к простому воспроизводству всего того, что «принадлежало прошлому». В истории, «живя и работая», человек создает «много ненужного», и оно не нуждается в сохранении.

Следовательно, традиция связана с сохранением подлинных ценностей, которые составляют «принципиальные основания жизни личности и общества». В то же время попытки «разрушить все до основания, в том числе сломать традицию», не раз встречались в мировой истории, об этом свидетельствует и опыт России в XX в. Но эти действия не приводят к позитивному результату, более того, они «ставят нацию на грань духовной катастрофы».

Россия, с одной стороны, является частью европейской цивилизации, духовные традиции которой формировались под воздействием античного наследия и библейского откровения. Своеобразие русской истории проявлялось в том, что она соединяла «европейское, культурное и интеллектуальное наследие с православной духовностью и славянским мироощущением». В силу этого Россия не просто транслировала западный опыт, а стремилась «бережно охранять свою славянскую самобытность».

В современных условиях, в период глобализации, особенно остро встает вопрос о путях развития нашей страны. Достаточно влиятельной силой в нашем обществе являются сторонники «европейского пути развития», к которым относятся и модернистски настроенные богословы. Оценивая это направление, патриарх Кирилл (Гундяев) справедливо отметил, что оно, как правило, имеет в виду «подражание и воспроизводство западных политических и культурных моделей». Подражание может быть плохим или более или менее хорошим, но оно всегда уступает первооснове, так как «в нем отсутствует оригинальное начало, подлинное авторство».

Поэтому, с этой точки зрения, которую мы разделяем, «строить цивилизацию на основе подражания означает детерминировать развитие таким образом, что оно в принципе будет отставать от тех, кто рождал и рождает подлинник» [6, с. 21].

Тенденции на «подражание и копирование» тем более опасны, что в «российской истории есть специфические черты», одна из которых стремление «воплотить в свою жизнь все те идеи, что

приходят к нам извне». Патриарх Кирилл (Гундяев) неоднократно предупреждал об опасности некритичного отношения к чужому опыту. Более того, по его мнению, даже понятие независимости страны «сохраняется до тех пор, пока народ имеет способность, основываясь на своих собственных ценностях, формировать государственное устройство, законы, обычаи, передавать доставшиеся ему ценности из поколения в поколение» [7, с. 17-18].

Следовательно, органическое развитие России должно строиться на собственном «прочном историческом фундаменте». Однако интерпретация истории, характеристика ее главных событий в нашем обществе очень неоднозначны. Поэтому глава церкви особо предупреждает, что при анализе пройденного пути необходима взвешенная оценка, ибо «формирование всевозможных антитезисов к нашей общей истории бесперспективно». Плодотворным и созидательным подходом к пониманию истории выступает «синтез, являющийся обретением стабильности в мудрости, с учетом исторического опыта». Последний не может базироваться на субъективных оценках и мнениях, он должен опираться на объективные критерии, укорененные в отечественные традиции и систему основных духовных ценностей. В этой связи патриарх Кирилл (Гундяев) особо отмечает несостоятельность постмодернистского подхода к прошлому, сводящему его понимание к «историческому комментарию». В результате получается следующее: «сколько голов, столько комментариев», и даже такая «незыблемая истина», как победа нашего народа в Великой Отечественной войне, искажается теми, кто потерял «чувство реальной ответственности» [8, с. 32]. Отказ от адекватных оценок прошлого может иметь очень тяжелые последствия, вплоть до потери «духовной, этнической и культурной идентичности».

К тому же в условиях информационного общества все большее распространение получает убеждение, что для современного индивида «овладение технологиями» является главным, а

гуманитарное образование – это нечто второстепенное. Поэтому в «особый список риска попадают науки и знания, отсылающие…человека к прошлым эпохам и его корням» [9, с. 39]. Недооценка гуманитарного знания, релятивизм в области истории, приводят к искажению аксиологических установок личности, а именно «от того, что мы называем ценностями, и зависит расстановка событий на шкале» [10, с. 26]. Следовательно, церковь и государство, заинтересованные в стабильном и поступательном развитии России, должны стремиться «утвердить в обществе и уважение к нашей истории». Однако достижение этой цели – очень непростой процесс, требующий активизации и объединения всех россиян, которым небезразлична судьба Отечества. Сохранение исторической памяти особенно важно в период радикальных преобразований, которые переживает Россия. По мнению Предстоятеля церкви, трагедией наших реформаторов является то, что они «не учитывали фундаментальных ценностей народной жизни». Это и преобразования Петра I, и «большевистская революция или реформы 90-х годов». В результате амбициозные и радикальные программы «отторгались народным сознанием и народной жизнью».

Итак, выработка исторического сознания, правильно оценивающего нашу историю, приобщение к нему российских граждан и прежде всего подрастающего поколения является одним из важнейших условий сохранения национального своеобразия, культурной и социальной самобытности.

Противодействие негативным тенденциям глобализации не означает консервацию «временного и отжившего», церковь, как и все общество в целом, «живет в динамичное время». Одним из проявлений этого динамизма являются революционные изменения в научно-технологической сфере. От них нельзя отгораживаться, и церкви необходимо способствовать процессу «полноценного обладания знаниями». Однако если технические усовершенствования не несут в себе «нравственной составляющей», то их «сопряженность

с социальной практикой» уже предполагает определенный мировоззренческий выбор. Поэтому приобщение к современным знаниям не должно приводить к нравственному релятивизму, который подрывает «мировосприятие человека, что приводит к потере духовной и культурной идентичности» [11, с. 47].

Следовательно, требуется в ходе общественного развития выработать «базисную систему ценностей», которые бы имели «статус своего рода общественной святыни» [12, с. 24]. В России подобную систему ценностей невозможно сформировать без обращения к православной традиции, к духовно-нравственному богатству отечественной культуры. Большая часть русского народа воспринимает православие как «важнейший фактор нашей культурной самоидентификации», и естественно, поэтому восточное христианство становится важной основой сохранения своеобразия и самобытности России. К этим базисным ценностям относятся христианские нравственные заповеди, приоритет духовных ценностей над материальными, патриотизм, бережное отношение к окружающей природе, защита семьи и детства и др. В нашу задачу не входит их характеристика, но на одном моменте, имеющим важное значение для нашей темы, хотелось бы остановиться – это оценка народом роли государства.

В истории России православие всегда было не только определенным вероучением, опирающимся на Никее-Царьградский символ веры, но и образом жизни, в который органично входило особое отношение к государству. История нашего отечества свидетельствует о том, что «мало тишины было в Русской земле». Сохранение национальной независимости требовало не только «собирания» материальных и политических сил восточных славян, но необходимо было, чтобы этому процессу «дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные силы» [13, с. 249]. Иными словами, укрепление отечественной государственности должно было иметь идейное обоснование, которое опиралось на православную традицию.

Государство в России рассматривается не только как политическое учреждение, – образ Святой Руси, идея старца Филофея «Москва – Третий Рим» придавали ему и духовное значение. Отсюда понятно, почему «Царству правды» приносились сознательные жертвы, а служение его интересам было «выше всех личных устремлений».

Конечно, в народном сознании было понимание того, что существует определенное расхождение между реальным бытием государства и идеальным представлением о Святой Руси. Но важно то, что идеал был задан, и с его позиций оценивались исторические процессы, происходящие как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому, когда народ усматривал в государственной деятельности отход от православных ценностей, эта политика вызывала активное неприятие. В этой связи заслуживает внимания период «смутного времени», движение старообрядцев, петровские реформы, Октябрьская революция 1917 года, распад СССР. Несмотря на то, что в нашу задачу не входит анализ всех этих исторических этапов развития России, для пояснения нашего тезиса мы остановимся очень кратко на рассмотрении периода «смутного времени».

Среди многочисленных причин, породивших «смутное время», исследователи, как правило, единодушно называют одну – это кризис власти, подрыв доверия к ней. Государство потеряло «национальную идею» и начинает восприниматься как «некая темная сила». Поколебленная вера, как отмечает С. М. Соловьев, заменяется суевериями, и русские, «потеряв политическую веру в Москву, начали верить всем и всему» [14, с. 450]. В результате государство превращается в какую-то «бесформенную мятущуюся Федерацию», казалось, что его история заканчивается. Но происходит непонятное, на первый взгляд, явление: на Руси «начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земли». В обновленном государстве снова видится сила, осуществляющая на земле «правду Христову». Православие в этом

процессе «восстановления веры» играет важнейшую роль, так как иноземцы воспринимались не только «захватчиками чужой земли», но и «вечными врагами» подлинного христианства.

Следовательно, в отечественной истории отношение к государству было не столько проблемой политической или правовой сколько религиозной. Отсюда понятно, что патриотизм приобретает религиозную санкцию, он становится важным признаком православности. Конечно, в современном мире ситуация изменилась, однако отечественная историософия убеждает нас, что без восстановления авторитета государства кризисные тенденции в России преодолены быть не могут, в том числе и не могут быть выработаны эффективные действия по преодолению негативных последствий глобализации. Именно государство призвано осуществлять политику по сохранению и развитию национального самосознания, оно должно формировать историческую память народа, задавать позитивные жизненные ориентиры гражданам. Ослабление государства, отсутствие жизнеспособной политической деятельности вызывает «смуту в головах людей», приводит их к «потере ориентиров» в деятельности. В этой связи понятно, что задачами государства являются не только реализация политических решений, но и достижение определенных духовных целей. Оно призвано, по мнению патриарха Кирилла (Гундяева), обеспечить гражданам «внешние условия», которые позволяют им «жить по тем духовным традициям, которые сформировали единую, великую историческую Русь» [15, с. 17].

Итак, оценка глобализации новаторским течением в богословии Русской православной церкви, с одной стороны, предполагает борьбу с тенденциями унификации культур, с попытками размывания национального самосознания и исторической памяти, с другой стороны, церковь не выступает против использования технических достижений западной цивилизации.

Вообще проблема глобализации осознается соборным сознанием как одна их самых важных, поэтому предполагается, что будет подготовлен специальный документ, «выражающий позицию Русской православной церкви по проблемам глобализации». Мы надеемся, что в нем будут взвешенные оценки, правильно ориентирующие не только верующих, но и всех россиян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Флоровский Г.В.** Догмат и история. М., 1998.
2. **Кирилл (Гундяев)** патриарх. Православие – душа России // Журнал Московской патриархии. – 2012.– № 6.– С.9
3. **Кочетов Г.,** свящ. Мы искали местную соборность, а нашли общественно-братскую экклезиологию // Христианская соборность и общественная солидарность. М., 2012.
4. Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора русской православной церкви. Москва 13 –16 августа 2000. Н.Новгород, 2000.
5. **Филарет (Вахромеев)** митрополит. Вступительное слово на богословской конференции Русской православной церкви «Православное учение о церкви» // Журнал московской патриархии. – 2003. – № 11.
6. **Кирилл (Гундяев)** патриарх. Миссия государства в поддержании правды // Журнал Московской патриархии. – 2012. – № 11.– С.20-23.
7. **Кирилл (Гундяев)** патриарх. Первосвятительское слово в праздник иконы Казанской Божией Матери // Журнал Московской патриархии. – 2012. – № 12.
8. **Кирилл (Гундяев)** патриарх. Задачи церкви – нести слово правды Божией // Журнал Московской патриархии. – 2010. – № 1. – С.30-37.
9. **Кирилл (Гундяев)** патриарх. Высокая миссия православного просвещения // Журнал Московской патриархии. – 2012. – № 3.– С.39-42.
10. **Кирилл (Гундяев)** патриарх. Слово церкви должно нести правду // Журнал Московской патриархии. – 2012. –№ 2.– С.26-31.
11. **Илларион (Алфеев)** митрополит. Нравственные ценности и будущее человечества // Журнал Московской патриархии. – 2012. –№ 3.– С.46-67.
12. **Кирилл (Гундяев)** митрополит (ныне патриарх). Проблемы духовного образования в контексте современных вызовов церкви, России и миру // Журнал Московской патриархии. – 2006. –№ 4.
13. **Ключевский В.О.** Литературные портреты. М., 1991.
14. **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. Книга IV. М. 1989.
15. **Кирилл (Гундяев)** патриарх. Первосвятительное слово в праздник иконы Казанской Божией Матери. // Журнал Московской патриархии. – 2012. – № 12.

УДК 1(091)

А. С. Колесников

БЕРТРАН РАССЕЛ О ПРОБЛЕМЕ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Политические взгляды, как философия политики и философия власти Бертрана Рассела представлялась исследователями по-разному. Так, известный биограф Рассела А. Райан [1, с.1] и исследователь Б. Барбер [2, с. 25] защищают точки зрения, которые можно квалифицировать как противоположные, что касалось отношения Рассела к пацифизму, анархо-синдикализму, социализму, либерализму. С другой стороны, они показывают гибкость отношений Рассела к этим явлениям, которая усиливается с годами. Рассел известен как философ и математик, общественный деятель и борец за мир прожил долгую жизнь, которая позволила ему наблюдать развитие европейской истории на протяжении почти ста лет. Его юность пришлась на времена Викторианской эпохи Британии, в период зрелости он пережил мировые войны и революции, в 60-е годы он видел крах колониальной системы, в зрелом возрасте он застал эпоху НТР и появление ядерного оружия. Все эти события, в той или иной мере повлияли на мировоззрение Рассела, способствовали формированию противоречивых идей и взглядов. Довольно часто в политических сочинениях он следовал идеям, созданным другими [3]. Немаловажным представляется и тот факт, что крестным отцом ученого являлся Джон Стюарт Милль, которого называли «интеллектуальной совестью английского либерализма середины 19 века» [1, с. 2]. Сказалось и его увлечение в конце XIX

века англогегельянцами с их теорией государства, подчиняющего себе личность.

Как сын титулованных родителей по окончании учебы в 1894 году, Рассел был отправлен в Германию в ранге атташе по культуре. В Берлине той поры на пике популярности были социалистические и социал-демократические идеи, знакомство с которыми Рассел и представил в своей первой работе – «Германская социал-демократия» (1896). Первый биограф Рассела Алан Вуд, отметил, что у философа было почти журналистское чутье: он предвидел важные общественно-политические изменения в мире, одним из первых он исследовал немецкий милитаризм и марксистский коммунизм, которые и стали определяющими для облика мира в последующие десятилетия [4, с. 36]. Стоит отметить и тот факт, что до конца своих дней Бертран Рассел оставался истинным викторианцем, что означало на практике воплощать ряд ценностей, среди которых была высокая принципиальность и самоуверенность.

Однако Первая Мировая война совершенно преобразила его жизнь. Дело было не в простом изменении его распорядка дня и сути самих академических занятий, а в направлении его интеллектуальной энергии, оживлении его политических страстей, что в конечном итоге бросило тень на его общественную репутацию. Едкая и настойчивая оппозиция Рассела вызвала его оставить уединенную жизнь академического ученого ради беспокойного бытия преданного активиста и направило его интеллектуальное внимание с узких проблем философии и логики к более широким проблемам политики, образования и истории. Все эти обстоятельства были отражены в книге «Власть: новый социальный анализ» (1938), в которой Рассел выразил грандиозные амбиции и смелые надежды.

Сказались и промахи британской иностранной политики, потрясения грубостью внутренних реформ, и оскорбление расширением жестоких режимов в Италии, Германии, России и Испании. Рассел с отчаянием пытался убедить общественное мнение,

что возможная война, которой можно было бы избежать, приведет всю Европу к новому веку варварства и фанатизма. Работа «Каков путь к миру?» (1936) показывает не столько отчаяние Рассела, сколько выражение пораженчества и крах надежд на грядущий мир. По его мнению, Маркс, Фрейд, Бергсон, Сорель, Парето не обеспечили ни правильный анализ существующих условий, ни полезные установки для будущих действий. Рассел был убежден, что требовался новый социальный анализ, и летом 1937 он садится за написание книги. Своему издателю Стэнли Унвину он пишет, что его проект претендует на создание новой науки, наподобие «Богатства народов» Адама Смита [5, с.450]. К октябрю 1938 она была написана почти исключительно с опорой на собственный интеллектуальный капитал Рассела, и в большой мере была актом интеллектуального и политического доказательства того, что он не тратил попусту усилия, а подтвердил общепризнанную амбицию работать для «подлинного поддержания мира через политическое просвещение и человеческое понимание».

Книга открывается смелым утверждением цели: доказать, что понятие социологии «власть» фундаментальное, в том же самом смысле, в котором «энергия» является фундаментальным понятием в физике. Так Рассел провозглашает свои амбиции быть «Ньютоном социальных наук». (Райан). Логика его рассуждения заключается в следующем: было бы нелепо провозгласить, скажем, энергию механического перемещения (или любую другую) как «главную», а все остальные – как ее производные. Но столь же ошибочно и абсолютизация какой-то отдельной формы власти и объявление ее фундаментом для всех других форм, как это сделали, например, представители английской классической политической экономии и вслед за ними Карл Маркс, применительно к экономической власти. В этой связи Б. Рассел писал: «Подобно энергии, власть имеет много форм таких, как богатство, вооруженные силы, гражданская власть, влияние на взгляды людей. Ни одна из них не может рассматриваться

как подчиненная какой-то другой форме власти, и нет единой формы, из которой зарождались бы все остальные» [6, с. 9].

Книга богата историческими и культурными сравнениями, обстоятельными связями между формами власти и, как всегда, написана с большим остроумием, воодушевлением и ясностью. Рассел не предлагает просто объяснительную систему или аналитический обзор, необходимо проистекаемые из теорий Маркса, Фрейда, Дюркгейма или Вебера. Он не чуждается обсуждения и таких специфических устойчивых тем, таких как психология революционных лидеров, проблемы защиты и ограничения полномочий демократических правительств, расширения бюрократии, роли мнения в создании и в легитимации власти. Все темы были поданы одновременно тонко и проницательно, но что особенно важно, они были проанализированы на фоне устойчиво мрачнеющей европейской сцены.

В своем предисловии профессор Кирк Уиллис утверждает, что книга действительно представляет как нечто одинаково редкое и полезное издание – «изобилие явного здравого смысла и простого разговора». Прочитать ее в завершении двадцатого беспокойного столетия означает быть пораженным предвидением его предупреждений относительно опасностей контроля со стороны СМИ и пропаганды, проницательностью его оценки фашизма, нацизма, и сталинизма, и мудрости его замечаний относительно распространения насилия и нетерпимости даже в демократических государствах. «Власть, таким образом, остается книгой, чья смесь редкого здравого смысла и необыкновенной мудрости говорит с нами как всегда с таким большим красноречием и пониманием» [6, с. 24]. Читатели, плохо знакомые с Расселом могут быть потрясены и тем, как циничны некоторые из его замечаний. Но это – «вид цинизма, который часто отмечает расстроенного идеалиста». Его отклонения в политическую философию всегда просвещают. «Власть» была написана в конце 1930-х в век диктаторов: Гитлера и Сталина, Муссолини и Франко.

Рассел заявляет, что Фихте был первым из современных философов, которые скрыли их собственную любовь к власти под покровами метафизики.

Раскрытие главной темы «Власти» проведено через несколько ключевых факторов человеческой деятельности, которые могут объяснить войны, революции и диктатуры. В 1930-х годах Рассел видел два главных соперника в определении политики – экономический фактор и сексуальный. Экономический мотив более полно был представлен Карлом Марксом, идеология которого приобрела огромную власть над многими умами и сохраняла свое влияние на долгие послевоенные годы, в особенности в континентальной Европе [6, с. 9]. Экономические интерпретации истории все еще живы; но до некоторой степени они были заменены – хотя только в узких интеллектуальных кругах – «империалистической» формой классической экономики, которая стремится объяснить широкие области человеческого поведения, от семейных отношений до захватнических войн, в терминах рационального поведения и поиском полезности, максимизирующим людей. Но их проблема состояла в том, что они являются ложными: корыстные люди не участвовали бы в настоящей войне, что Рассел и объяснял в своей книге «Власть». Главная конкурирующая интерпретация в 1930-х, когда Рассел писал книгу, был двигатель сексуальный, как провозглашено в учении Зигмунда Фрейда и его последователей. Хотя сексуальный мотив широко критиковался ввиду затруднительности его эмпирической проверки.

Эту работу Рассел считал своим самым вдумчивым и тщательно разработанным вкладом в политическую социологию. Обращение мыслителя к феномену власти было обусловлено стремлением защитить человека от злоупотребления с ее стороны. Рассел вплотную занялся исследованием власти во второй половине 30-х гг. и это было неслучайно: в ряде стран к тому времени восторжествовали тоталитарные режимы. Рассматривая политику

Гитлера, Сталина и Муссолини, Рассел делает вывод, что современные концепции не способны правильно интерпретировать истинную сущность этих новых видов диктатур. Рациональнее было бы применение «нового социального анализа», проецируя его на условия, когда Вторая мировая война уже была в полном разгаре. Учитывая все это, Рассел берется за написание своего главного политико-философского и социологического произведения, которое вышло в конце 1938 года, и, по всей видимости, принимало во внимание подписанные незадолго до этого Мюнхенское соглашение и пакт Молотова-Риббентропа.

В ходе разработки своей теории власти, Расселу пришлось собрать огромное количество материалов по политической истории многих обществ, начиная с древнекитайского и вплоть до современных, изучить немало учений, начиная с конфуцианства и заканчивая марксизмом. Помимо этого были рассмотрены ряд фактов политической жизни, формы власти в традиционных и современных политических системах. Основные выводы и обобщения, полученные в ходе анализа всех вышеперечисленных факторов, отличаются своей глубокомысленностью, всесторонностью и структурированностью. Они затрагивают вопросы мотивов власти, организации, форм осуществления политических, экономических, юридических, философских, психологических и этических условий функционирования властных отношений, характеристики индивидуальных и коллективных носителей. Каждая из этих сторон проанализирована достаточно глубоко. Стоит отметить, что в работе повсеместно встречается категорическое осуждение злоупотребления властью и рассуждения о необходимости выработки мер пресечения этого явления.

Большая часть этой книги заинтересована классификацией различных источников власти, типа священнической, королевской, революционной или экономической власти. Цель Рассела состоит в том, чтобы исследовать, как мы можем наслаждаться преимуществами

государственной власти, предотвращать войну всех против всех, о которой предупреждал Гоббс. Немаловажным является и постижение механизмов поведения человека для познания жизни общества, что было давно осознано видными представителями западной социальной философии и политологии. Рассел отмечает, что существовало несколько подходов к объяснению ключевых мотивов человеческой деятельности, которые могут помочь понять первопричины войны, революции, диктатуры и враждебности людей друг к другу.

Но ни экономический, ни сексуальный подходы не показались Расселу достаточно объективными и состоятельными, и он предложил свой, третий, вариант. Любовь к власти, отмечает британский мыслитель, вероятнее всего, является ключом к пониманию человеческой социальной деятельности. Как и Томас Гоббс, Рассел имел несколько пессимистичные взгляды на природу человека. Он утверждает, что только человек может быть настолько неудовлетворен своей судьбой, что стремится к большему количеству благ и ресурсов, чем ему необходимо для удовлетворения своих потребностей. Эту особенность Рассел назвал «импульсом к власти», который не проявляется, пока базовые потребности человека не удовлетворены. По мнению философа, любовь к власти присуща каждому человеку, однако, она принимает различные формы в зависимости от индивидуальных качеств индивида и его амбиций.

Поскольку сверхзадача, которую ставил перед собой Рассел, заключается в том, чтобы «укротить», «усмирить» власть, сделать ее менее жестокой, а в конечном итоге поставить ее под контроль общества и его законов, то можно сделать вывод, что британский мыслитель трактовал власть, прежде всего, как принуждение, насилие. Однако, это верно, но лишь отчасти. Ибо если рассмотреть проблему с другой стороны, будь у власти лишь один инструмент – насилие, – человечество едва ли смогло бы осуществить значительные социальные преобразования в духе гуманизма и свободы. Поэтому британский мыслитель, не давая четкой дефиниции

понятию власти как таковой, а как бы показывает результат ее использования и обладания, одновременно устраняет из определения признак принуждения: «Власть может быть определена как осуществление намеченных целей. Таким образом, это чисто количественное понятие: из двух данных людей со сходными устремлениями большей властью обладает тот, кто сможет осуществить больше своих намерений» [6, с. 23].

Хотя любовь к власти и присуща всем людям, по степени интенсивности она распределена между ними далеко не равномерно. Рассел разделил людей на два класса: на тех, кто обладает властью в конкретной ситуации, и на тех, кто ею не обладает. Импульс к подчинению, согласно философу, не является самостоятельным, а коренится в чувстве страха, обусловленного опасностью: даже непослушная группа детей будет полностью повиноваться взрослому в такой опасной ситуации, как пожар. Всегда, когда есть внешняя опасность, импульс большинства людей ищет власть и подчиняется ей [6, с. 9]. Власть может быть определена как производство намеченных эффектов. Власть над людьми может быть классифицирована манерой влияния на людей, или типом вовлеченной организации.

Классификация форм власти имеет различные вариации, например, по масштабу ее использования, по престижу носителей власти, по общественной роли, которую выполняет та или иная форма власти и т. д. Естественно, любая классификация обладает своими достоинствами и недостатками. Рассел предложил свой вариант классификации, в основание которого лег способ осуществления власти над человеком: «На человека можно влиять: а) посредством прямой физической власти над его телом, т.е. когда его заключают в тюрьму или убивают; б) воздействием системы вознаграждений или наказаний в качестве стимулов, т. е. предоставляя работу или отказывая в ней; в) влиянием на взгляды и мнения людей, т. е. пропагандой в самом широком смысле» [6, с. 26].

Организации, сплоченные общими целями и имеющие четкую иерархию и структуру группы людей, выполняющие определенные функции и играющие наиболее важную общественную роль, отличаются друг от друга способами осуществления власти. Таким образом, армия и полиция реализуют «власть над телом», экономические организации используют систему вознаграждений и наказаний с целью поощрения или устрашения, а школа, политические партии религиозные организации используют методы формирования убеждений людей. Однако, эти определения, как указывает британский философ, не являются предельно точными и четкими, поскольку каждая организация использует и другие формы для осуществления своих функций и, как следствие, власти. Это положение английский мыслитель иллюстрирует с помощью рассмотрения правоохранительной деятельности государства. Так, сила закона проявляется в возможности государства заставить своих граждан соблюдать его. Заставить исполнять законодательство можно при помощи физического наказания, например, заточив нарушителя в тюрьму. В этом случае осуществляется «власть над телом». Система штрафов не гарантирует соблюдение закона, но способствует тому, что его нарушение становится нежелательным. В таком случае используется экономическая система наказания. Кроме того, закон почти бессилен, если его не поддерживает общественное мнение. Чтобы этой ситуации не было, требуется идеологическая деятельность, «власть над мнением».

Интенсивность чувств, направленных на поддержку существующего правопорядка, является, согласно Расселу, одной из наиболее важных характеристик общества. А это приводит к необходимости отличать традиционную власть от новой, недавно возникшей. Власть, не основанную на традиции или согласии, он называет «чистой» властью. Традиционная власть опирается на силу привычки, а потому и поддержку со стороны населения. Она не нуждается в самооправдании за каждый свой шаг. Кроме того, такая

власть почти неизбежно связана с религиозными или квазирелигиозными убеждениями, направленными на то, чтобы обосновать мнение, что любое выступление против нее безнравственно. «Я не называю власть традиционной лишь на том основании, что она имеет древние формы; необходимо также уважение к ней, которое отчасти обусловлено обычаем» [6, с. 28]. В прошлом наиболее важную роль играли такие формы традиционной власти, как духовенство и короли.

Традиционная власть, если она не исчезает в результате иностранного завоевания, почти неизбежно проходит через определенные стадии развития. Вдохновленная почти всеобщим одобрением, она легкомысленно начинает полагать, что такое уважение будет вечным. Ленью, глупостью или жестокостью она сама разрушает свой авторитет и содействует распространению скептицизма. Сила привычки, не подкрепленная плодотворными делами, – сила ненадежная. В такой ситуации возникает и получает все более массовую поддержку какая-нибудь новая система политических ценностей, которая со временем приводит на вершину общественной пирамиды людей с новой идеологией. Есть исторические примеры и того, что в подобной ситуации на смену традиционной власти придет длительный период внутренней анархии и смуты.

Рассел рассматривает две формы традиционной власти, которые имели большую важность в прошлые годы; а именно, священническую и королевскую власть [6, с. 36]. Короли и священники, хотя и в элементарной форме, существуют среди самых примитивных обществ, известных антропологам. Иногда один человек комбинирует функции обоих. Это происходит не только среди дикарей, но и в очень цивилизованных государствах. Те, кто комбинирует практику медицины с тем из волшебных или религиозных обрядов, обычно приобретают их искусство специальным процессом, или инициирования, или инструкции, а в Меланезии такое знание всегда должно быть куплено. С

продвижением цивилизации, в большинстве стран, священники становятся все более и более отдаленными от остальной части населения и все более и более мощной кастой. Но как опекуны древней традиции они консервативны, и как обладатели богатства и власти, они имеют тенденцию становиться враждебными или безразличными к личной религии. Рано или поздно, вся их система будет свергнута последователями революционного пророка. Будда, Христос и Мохаммед – исторически самые важные примеры. Власть их последователей вначале была революционной и постепенно стала традиционной. Но, безусловно, самая большая сила Церкви была моральным уважением, которое она вдохновляла. Оно было унаследовано, как своего рода моральный капитал, слава преследования в древних временах. В итоге к эпохе Возрождения церковь потеряла всю моральную цель, которой она была обязана ее богатством и властью, и удар преобразования, реформации заставил произвести регенерацию [6, с. 53].

Королевская власть имеет свои особенности. Происхождение королей, как и священников, является доисторическим, и о ранних стадиях в развитии королевского сана можно только догадываться, смотря на то, что это явление все еще существует среди отдельных племен. Когда учреждение полностью развито, но еще не начало деградировать, король – человек, который ведет его племя или нацию к войне, и решает, когда начинать войну и когда сохранить мир; часто, хотя не всегда, он создает законы и управляет администрацией правосудия. Его возведение на трон обычно зависит в большей или меньшей степени от наследственных связей. Он, кроме того, священный человек: если не непосредственно бог, то, по крайней мере, помазанник Бога [6, с. 55]. Рассел ссылается на Хаммурапи (2123–2081 до н. э.), который совершил все, что должен сделать король. Он известен его кодексом законов, который был дан ему богом солнца, и показывает, что он преуспел в том, что средневековые монархи никогда не могли сделать, а именно,

подчинить духовенство гражданским судам. Но его также отличали как солдата и как инженера. Патриотические поэты пели похвалы его завоеваниям.

Если новые политические ценности в обществе не получили достаточного распространения, чтобы его смогла возглавить новая авторитетная политическая сила способная обеспечить социальный порядок, то с целью предотвращения анархии в свои права может вступить «чистая» власть. Этим термином британский мыслитель называет такую власть, чьи «полномочия» заключаются в покорности подданных вследствие чувства страха перед неприкрытым физическим насилием; подобная власть аналогична власти мясника над овцой или разбойника над жертвой. Такая власть обычно принимает вид военной власти — это или внутренняя тирания, или иностранное завоевание. Данный феномен полностью объяснил Никола Макиавелли в своем сообщении, где он с похвалой отозвался о предпринятых Чезаре Борджиа мерах для закрепления своей власти после смерти отца, папы Александра VII: «Он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами...; во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне» [7, с. 522]. При этом Рассел отмечает, что второй, третий и четвертый методы могут использоваться при любом политическом режиме, но осуществление первого в условиях благонравной формы правления вызвало бы взрыв негодования. Однако, там, где верховодит «чистая» власть, подобные моральные ограничения, естественно, отсутствуют.

В общественной жизни «чистая» власть используется всегда, хотя и в разной степени. «Чистота власти – вопрос степени». Так там, где преследование существует, власть Церкви чиста относительно еретиков,

но не относительно ортодоксальных грешников и верующих, соблюдающих все ее предписания. В демократических странах «чистая» власть применяется к экстремистам, но не к оппозиционным политическим партиям. Поэтому, учитывая, что вопрос о «чистоте» власти является проблемой не столько качества ее, сколько степени проявления, британский философ приходит к выводу, что «определение чистой власти является психологическим и правительство может обладать «чистой» властью по отношению к одному из своих подданных, но не в отношении всех остальных» [6, с. 58].

Б. Рассел подметил определенную закономерность, которая нередко проявляется в политической сфере общественной жизни: «чистая» власть, как правило, является одним из этапов становления новых политических структур. Британский исследователь выделяет три фазы развития власти: первая – это фаза новой, нетрадиционной, фанатичной веры, ведущей к победе. Затем наступает фаза всеобщей покорности новой власти, поскольку она беспощадна к своим противникам. Расправившись с оппозицией, такая власть в глазах населения довольно скоро начинает восприниматься как традиционная, т.е. приобретает доверие народа. Наконец, возникает новая оппозиция с новыми идеями и верованиями, по отношению к которой власть вновь применяет методы насилия, т. е. становится «чистой».

Сменить традиционную может не «чистая», а революционная власть, которая зависит от большой группы людей, объединенной новым кредо, программой, или чувством, типа протестантства, коммунизма, или желания национальной независимости. Чтобы утвердить себя, и при этом использовать минимум насилия, ей требуется намного более сильная и активная поддержка населения, чем это необходимо для осуществления полномочий традиционной власти. Если же борьба была длительной и суровой, то новая власть часто принимает форму «чистой». При успешном завершении революции устанавливается система, в скором времени

воспринимаемая населением как традиционная. Рассел иллюстрирует революционную власть на четырех примерах: I) Раннего христианства; II) Протестантизма; III) Французской Революции и национализма; IV) Социализма и Русской революции.

Раннее Христианство было полностью неполитическим. Христианство вело к ослаблению государства, или в пользу права частного суждения, или в пользу Церкви. Каждая успешная революция потрясает власть и делает социальное единство более трудным. Так было и с революцией, которая дала власть Церкви. Мало того, что она очень ослабляла государство, но и она устанавливала образец для последующих революций. Преобразование имеет два аспекта, которые касаются нас: с одной стороны, его теологический анархизм ослабил Церковь; с другой стороны, ослабляя Церковь, оно усиливало государство. Преобразование было в основном важно как частичное разрушение большой международной организации, которая неоднократно оказывалась более сильной, чем любое светское правительство. При этом, по словам Лютера: «Никто не должен думать, что миром можно управлять без крови. Гражданский меч будет и должен быть жестоким и кровавым». В Англии, Генрих VIII взял в свои руки власть с характерной энергией и жестокостью. Объявляя себя Главой Англиканской церкви, он принимался за работу, чтобы сделать религию светской и национальной. После власть, высланная из алтаря, находит новое и безопасное возвращение домой на трон [6, с. 83, 86, 87].

Революционная власть, как показывает случай Наполеона, очень склонна ухудшиться и переходить в чистую власть. Столкновение конкурирующего фанатизма, отличается ли в иностранном завоевании, в религиозном преследовании, или в войне классов, от чистой власти тем фактом, что группа, а не человек ищет власть, и что она ищет власть, не ради самой себя, но ради своего кредо [6, с. 92]. Так, российская революция важна в истории мира, но ее пока еще слишком рано судить; мы можем только говорить, пока еще, о ее

некоторых аспектах. Как и раннее христианство, она проповедует доктрины, которые являются международными и даже антинациональными, как ислам, но в отличие от христианства, она является чрезвычайно политической. Единственная часть ее кредо, которое пока оказалось эффективным, является вызов либерализму. До ноября 1917, либерализм был побежден только реакционерами; марксисты, как другие прогрессивные силы, защищали демократию, свободу слова, свободную прессу, и остальную часть либерального политического аппарата. Советское правительство, когда оно захватило власть, вернулось к учению католической церкви: международная часть коммунистической доктрины оказалась неэффективной, но отклонение либерализма имело экстраординарный успех [8, с. 65]. От Рейна до Тихого океана, все его главные доктрины отвергнуты почти всюду; сначала Италия, а затем Германия, приняли политическую технику большевиков; даже в странах, которые остаются демократичными, либеральная вера потеряла ее усердие. Распад либерализма имеет много причин, и технических, и психологических. Они должны быть найдены в технике войны, в технике производства, в росте средств обслуживания пропаганды, и в национализме, который является самостоятельно результатом либеральных доктрин. Все эти причины, особенно там, где государство имеет экономическую, так же как и политическую власть, очень увеличили власть правительств.

В отличие от Карла Маркса, подчеркивающего доминирующую роль экономической власти, Бертран Рассел считал, что она является не главной, но производной. «Было общепринято принять экономическую власть без анализа, и это вело в современную эпоху к неуместному акценту на экономику, в противоположность войне и пропаганде, в детерминированной интерпретации истории». Внутри государства она подотчетна перед законодательством, на международной же арене она зависит от системы права лишь в незначительной степени. Когда между странами возникают острые

экономические разногласия, они нередко разрешаются путем развязывания вооруженных действий или посредством угрозы их наступления. Любая разновидность экономической власти, кроме экономической силы труда, т. е. лиц, работающих по найму, может, вплоть до использования вооруженной силы, решить, кому будет предоставлена возможность использовать в своих целях данное производство, участок земли или полезные ископаемые. «Нефть Южной Персии принадлежит англо-персидской Нефтяной компании, потому что британское Правительство установило декретом, что никто больше не должен иметь доступ к ней, и до настоящего времени было достаточно сильно, чтобы предписать его желание; но если бы Великобритания была побеждена в серьезной войне, то собственность вероятно изменилась бы» [6, с. 96].

Промышленник может объявить локаут, используя для этого вооруженные силы. Хотя внутри государства экономическая власть, в конечном счете, подчинена государству и зависит от общественного мнения, она легко может достичь выгодных для себя степеней свободы: на правосудие, а также на принятие благоприятных и удобных для себя законов она влияет при помощи подкупа должностных лиц и законодателей, а на общественное мнение – массированным воздействием столь же продажных «золотых перьев» пропагандистов. Кроме того, в случае конфликта с правительством экономическая власть может вызвать в стране финансовый кризис. «Экономическая власть, основанная на торговле, может быть устойчивой только тогда, когда она принадлежит большому сообществу, или тому, который является намного более цивилизованным, чем его соседи» [6, с. 194].

Вместе с тем есть довольно четкие границы возможностей экономической власти. Так, британский философ отмечает, что Цезарю, например, помогли прийти к вершинам власти его кредиторы, которые не видели никакой иной возможности возвращения долга, кроме как его успеха на политическом поприще.

Но, достигнув власти, Цезарь стал настолько могущественным, что смог проигнорировать претензии своих кредиторов. Аналогичным образом буржуазия, правда, в демократических странах не смогла добиться ни разрешения на беспрепятственный ввоз дешевой рабочей силы из слаборазвитых государств, ни прекратить деятельность профсоюзов и воспрепятствовать воздействию социалистической пропаганды, как не смогла помешать и введению прогрессивного налогообложения.

Обладая экономической мощью, можно господствовать над военной и пропагандистской силой, но в равной степени справедливо и обратное утверждение. Так, в условиях довольно примитивного уровня развития общества военная сила обычно является источником других видов могущества, особенно в межгосударственных отношениях. Александр Македонский не был так богат, как персы, а Рим – как Карфаген, но в результате победы они стали богаче своих былых противников. Имеются также многочисленные свидетельства того, что государства достигали военной мощи благодаря потенциалу своей экономики. В древности, например, такими были греческие приморские города-государства и Карфаген, а в позднее средневековье – Венеция и Генуя, в Новое время – Голландия, а затем Англия.

Конечно, немногие пойдут к Расселу для разъяснений по экономическим делам. Но даже здесь он обеспечивает здоровое напоминание, что право на собственность является, в конечном счете, основанным на законном насилии. Знание политической экономики, возможно, не помогло Расселу в его главном объекте анализа власти. В конкурентоспособной свободной демократии богатый человек имеет власть получить то, что он желает. Власть в этом смысле фактически синонимична с богатством, хотя олигархии богатых были в целом просвещены и проницательны. Как и Гоббс, Рассел убежден, что политическая сила обязана защищать людей от раздирания друг друга на части; но в отличие от него, он расценивает лучший выбор как демократия.

На поведение людей огромное влияние оказывают идеи, их умелая пропаганда. В этой связи Рассел справедливо отмечает, что очень легко обосновать тезис, что общественное мнение всемогуще и все формы власти целиком базируются на нем: армии бесполезны и беспомощны, если солдаты не верят в дело, за которое воюют; закон бессилен, если его не признают, а потому и не выполняют граждане, а религиозные идеи нередко оказывались сильнее государственной власти. «Экономические учреждения зависят от уважения к закону; посмотрите, например, что случилось бы с банковским делом, если бы средний гражданин не имел никакого возражения на подделку казначейских билетов». Но столь же убедительно можно обосновать и то, что необходимую пропагандистскую поддержку можно обеспечить с помощью денег или военной силой. На таких основаниях могло бы говориться, что мнение является окончательной властью в социальных делах. Но это было бы только полуправдой, так как это игнорирует силы, которые вызывают мнение. В то время как верно, что мнение является существенным элементом в военной силе, одинаково верно, что военная сила может произвести мнение.

Что содействует успеху пропаганды? Она может достичь своих целей лишь тогда, когда ее положения постоянно повторяются, находят отклик в человеческой душе, когда она созвучна свидетельствам, чувствам, настроениям, желаниям, интересам человека, например, его желанию быть бессмертным, стремлению к счастливой жизни, к процветанию страны и т. п. Власть мнения всемогуща, поскольку все формы власти получены через нее. Власть сообщества зависит не только от его числа, экономических ресурсов и его технической оснащенности, но также и от его верования. Фанатическое кредо, исповедуемое всеми членами сообщества, часто значительно увеличивает его власть; иногда, однако, кредо уменьшает власть. Поскольку сейчас идеи фанатизма больше в моде, чем они он были в Х1Х столетии, вопрос их эффекта на власть практически очень важен. Один из аргументов против демократии – то, что нация

объединенных фанатиков имеет больше шанса на успех в войне, чем нация, содержащая большую пропорцию нормальных людей [6, с. 113].

Рассел специально разбирает вопрос *кредо* как источник власти [6, с. 118-125]. Классический пример власти через фанатизм – возвышение ислама. Мохаммед не добавил ничто к знанию или к материальным ресурсам арабов, и все же, в течение нескольких лет после его смерти, они приобрели большую империю, побеждая самых мощных своих соседей. Несомненно, религия, основанная Пророком, была существенным элементом в успехе его нации. С другой стороны, до какой степени свобода мысли должна быть поощрена, или, по крайней мере, допустима? До какой степени – однородное кредо, или непосредственно или навязанное властью, может быть источником власти? И до какой степени, с другой стороны, действительно ли свобода мысли – источник власти? Поставив эти вопросы, философ в итоге дает такое заключение: «кредо или чувство некоторого вида существенны для социального единства, но если оно должно быть источником силы, его нужно искренне и глубоко чувствовать значительным большинством населения, включая значительный процент тех, от кого зависит его техническая эффективность». Там, где эти условия отсутствуют, правительства могут стремиться выработать их посредством цензуры и преследованием; но если они серьезны, это заставляет людей уходить от действительности и знания ее фактов. Его обсуждения, однако, больше всего касаются эффектов фанатического кредо. Долгосрочные эффекты его весьма различны. «Кредо, которое используется как источник власти, вдохновляет, какое-то время», но если усилия не очень успешны, они «производят усталость, и осторожность, которые создают скептицизм». Вначале это будет определенное недоверие и простое отсутствие сильной веры. Чем больше методы пропаганды использовались, чтобы произвести беспокойство, тем больше будет реакция, до той степени, что спокойная жизнь будет казаться «единственным наличием ценности вещи» [6, с. 125].

Когда Рассел задается вопросом, каким образом власть может быть «ограничена», все его надежды и страхи выходят на поверхность. Власть национального государства является большой проблемой. По существу она направлена на разжигание войны, но в XX веке война всех против всех означает всеобщую гибель. Если мы не научимся жить сообща, то, несомненно, погибнем. Чтобы не допустить такого, Рассел предлагает уже знакомую из его предыдущих работ идею создания мирового правительства, состоящего из глав национальных государств, функции которого заключались бы только в профилактике предотвращения войны и обеспечении мира [6, с. 230-231]. Кирк Уиллис писал, что он ожидал, что книга закончится на этой теме мирового правительства. Фактически автор заканчивает потребностью в том, чтобы улучшить и гуманизировать образование. Он уже обсудил дорогу к мировому правительству в прошлых книгах и должен был сделать так снова в будущем; некоторые читатели могут даже чувствовать себя освобожденными, что он на этот раз не пошел в проторенной дорожке. Но он расценил на данном этапе в его жизни как наиболее вероятный маршрут к его достижению. Философ правильно замечает, что национализм «является глупым идеалом», который разорял Европу, но он не показывает никакого признака ни в книге, ни где-нибудь еще, наблюдения европейского федерализма, как полезен путь к мировому правительству. Перед собирающимся международным штормом, единственный удовлетворительный путь вперед был бы связан с «отменой национального суверенитета и национальных вооруженных сил и заменой их одним международным правительством с монополией вооруженной силы». Альтернатива этому движению была, как он написал, «смерть большого процента населения цивилизованных стран» и возвращение других к нищете и полуварварству.

Эта идея очень похожа на аргументацию, приводимую в «Принципах переустройства общества» и доктрину, которая позже

будет описана в «Человеческом общество в этике и политике». Акцент ставится на то, что «мир, в котором цели различных людей и групп совпадают, скорее, достигнет счастья, нежели тот, в котором они вступают в столкновение» [9, с. 19]. У человека есть множество желаний, некоторые из которых он может удовлетворить без вреда для интересов других, а удовлетворение иных не возможно без нанесения ущерба желаниям других. Мы все не можем быть одинаково богаты и могущественны. А всеобщее стремление к богатству и власти может повлечь за собой ужасающие последствия, вплоть до полного разрушения. Средство от тотального уничтожения трудно применить на практике, но менее трудно понять. Хорошее образование и грамотное внимательное воспитание с целью, чтобы счастливое детство не способствовало развитию никаких обид и комплексов, которые могли бы оставить негативный отпечаток в уме взрослого, поиск полезной и хорошей работы, восстановление демократии на рынке труда, попытка избежать как и олигархическую организацию капитализма, так и бюрократическую тиранию, каким оказался социализм в Советском Союзе. [6, с. 193-198].

Либеральная демократическая политика не является безупречной, но Рассел, предвидя защиту демократии Поппером, полагал, что либеральная демократия является воплощением истинного научного духа, позволяющим выявлять и осознавать ошибки и проводить новые полезные реформы в социальной и политической организации [6, с. 203]. Как он писал, на протяжении следующих двадцати лет демократия будет развиваться и прогрессировать, если ее сторонники будут придерживаться скептического оптимизма, присущего ученому: «Характер поведения, необходимый для успеха демократии, практически, является абсолютно тем же, что и научный характер поведения в интеллектуальной жизни». Райян отмечает, что «скептический оптимизм» – это то, что он под этим понимает. Но после полувека войны, тирании и военно-политических переговоров все равно трудно

понять, в каком же виде должен быть либерализм и что же способно ориентировать его на мир и жизнь, а не на агрессию? Последняя работа в особенности отмечается Райяном, который утверждает, что «евангелие гражданского консерватизма» было недооценено: «Если она не устанавливала его как Ньютона политической науки, она показала, что он был способен лучше выразить смысл в десяти страницах, чем большинство социологов в десяти томах» [1, с.114-115]. Рассел был членом лейбористской партии, когда он написал эту книгу; он присоединился к ней во время Первой Мировой войны, решая вынести социализм ради мира. Но в глубине души он всегда оставался классическим либералом, который сохраняет веру, даже когда к власти имеется определенное подозрение в правильности действий правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ryan A.** Bertrand Russell: A Political Life. London: Allen and the Penguin press, 1988.
2. **Barber B. R.** Solipsistic politics: Russell's empiricist liberalism. Princeton: PrincetonU.P., 1988.
3. **Lipponcott M.S.** Russell’s Leviathan / Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies: Vol. 10: Iss. 1, Article 4. - McMaster University – 1990. URL: http://digitalcommons.mcmaster.ca/russelljournal/vol10/iss1/4
4. **Wood A.** Bertrand Russell. The Passionate skeptic. New York.: Simon and Schuster. – 1958 .
5. **Clark, Ronald W.** The Life of Bertrand Russell.L., 1975.
6. **Russell B.** Power. A New Social Analysis. Taylor & Francis E-library. - L-NY. 2004.
7. **Макиавелли Николо**. Избранные сочинения. – М., 1982.
8. **Рассел Б.** Практика и теория большевизма. М., 1991.
9. **Russell B.** Human Society in Ethics and Politics. – L., 1954.

УДК 32.019.51

Г. В. Зозулин

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, НАРКОТИКИ И КОНФЛИКТ

Не претендуя на детальное рассмотрение данной темы и охват всех ее аспектов, мы сосредоточим в данной статье наше внимание на уточнении смысла понятий, обозначаемых терминами «глобализация» и «наркотики». На основе уточненных понятий мы попытаемся установить наличие связи между глобализацией и веществами-наркотиками. Мы предполагаем, что, как и раньше, с исторических времен опиумных войн, современное человечество является ареной столкновения интересов различных цивилизаций, государств, народов и социальных групп по поводу статуса наркотиков в обществе и тех преференций, которые получает тот, кто определяет «правила игры» с ними на международной арене. А в завершении мы сосредоточим наше внимание на том, как это касается нашей страны, новой России, ищущей свое место в глобализирующем мире.

1. К вопросу определения понятия «глобализация»

Глобализация – процесс, относящийся к человечеству как к целому. В XXI веке человечество стало представлять собой конгломерат живущих на одной планете людей, экономическая, политическая, культурная, религиозная жизнь которых при всем ее сходстве существенно отличается, поскольку она детерминирована особенностями тех социальных образований, к которым они органически принадлежат.

С точки зрения уровня социальной эволюции и организации современное человечество состоит из множества различных

социальных образований, которые можно объединить в четыре типа: предобщество (например, аборигенные народы Африки, Северной Америки, Юго-Восточной Азии), общество-государство традиционного типа (например, Китай, Индия, Россия, Франция), общество – союз государств (например, Европейский Союз, исламский мир) и сверхобщество (например, СССР или рыночно – капиталистическая цивилизация Запада, которую известный социальный мыслитель А. А. Зиновьев назвал «западнистским сверхобществом») [1, с. 315-381].

Современное человечество, разделенное в ходе истории на данные социальные образования, не пребывает между собой в гармонии. Поскольку сущность любого общества есть органическое единство порядка и конфликта, то и человечество в целом (в соответствии с природой общества) внутри себя соединяет порядок и конфликт, которые являются системообразующими факторами того исторического процесса, который получил название глобализация. Поэтому нам представляется, что глобализация – это такой этап в жизни человечества, когда посредством конфликта более сильные и более развитые социальные образования (сверхобщества, союзы государств) устанавливают для всех жителей Земли единый и отвечающий, прежде всего, их интересам порядок, обеспечивая его поддержание инструментами международного формата (войска ООН, европейский суд по правам человека и т. д.). Естественно, что народы, организованные в более слабые и более отсталые социальные образования по мере сил будут пытаться бороться за свои интересы. Для многих из них уделом может стать выбор между плохим и очень плохим сценарием. Например, социальная деградация вследствие алкоголизма или систематической наркотизации посредством легального использования в целях опьянения веществ, свободный оборот которых пока еще запрещен, но во многих странах на практике уже не соблюдается.

Глобализация, как исторический этап перехода человечества через управление конфликтами к новому мировому порядку, с этнической точки зрения, по мнению А. А. Игнатова, завершится «... *появлением в течение 200–250 лет единого “планетарного” этноса*» [2]. По нашему мнению путь к этому этносу может пролегать не просто через легализацию химических средств, способных путем одурманивания на некоторое время облегчать человеку существование в чуждом ему мире, но и через активное навязывание их потребления той части человечества, которая по каким-либо критериям не будет вписываться в новый глобальный порядок (бедность, безработица, неприспособленность к рыночной экономике, иное понимание “прав человека” и т. д.). Тем более что головной мозг человека исторически так сформировался, что он беззащитен по отношению к наркотикам, а ожидания того, что «… *эволюционный отбор сделает человека неуязвимым для наркотиков, следует расценивать как вредное заблуждение*» [3, с. 14].

Однако необходимо, насколько возможно, прояснить непростое понятие наркотики, чтобы потом продолжить рассуждение о них уже в контексте выше рассмотренного понимания глобализации, сосредоточившись на столкновении интересов по поводу наркотиков, и на наркоконфликтах, завершение которых сопровождается установлением новых, более глобальных (региональных или международных) порядков.

2. *Споры о том, что такое наркотик. Определение понятия «наркотики»*

Рассмотрение этого вопроса в контексте глобализации имеет принципиальный характер. Поэтому нам будут интересны точки зрения тех немногих ученых, которые не затушевывают трудности в определении данного понятия и не подменяют его другим (например, введенным Калачевым Б. Ф. понятием «наркогены»), а пытаются эти трудности понять и сделать на этой основе значимые для борьбы с наркоугрозой выводы [4, с. 114-129]. Известный шведский эксперт в

области борьбы с наркотиками Йонас Хартелиус отмечает, что *«… границы понятия “наркотики” расплывчаты в разных культурах»* [5, с. 78]. Эту мысль более детально развивают скандинавские криминологи Нильс Кристи и Кеттиль Бруун. В книге, к которой мы будем неоднократно обращаться, «Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии», они утверждают, что эту проблему пыталась решить Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) с момента своего основания, но до настоящего времени придти к единому мнению ей не удается. Эти исследователи справедливо констатируют, что «*наркотики – это то, о чем все слышали, причем слышали ужасные вещи, то, о чем все знают, и, тем не менее, никто не может определить*» и пытаются разобраться в причинах сложившейся ситуации [6, с. 65]. Не имея возможности воспроизвести здесь убедительную логику их рассуждений, ограничимся только выводом, значимым для рассматриваемой нами темы. «*Таким образом, определение “наркотик” не очень помогает ясности мысли. Но кто сказал, что функция слов ограничивается разъяснением? Слова – это действительные средства манипуляции, и должны рассматриваться в соответствии с историческим контекстом. Потому, если слово “наркотик” оказалось нагруженным целым комплексом ассоциаций, связанных с большой опасностью, с точки зрения контролирующих организаций является целесообразным подвести под такое определение как можно больше всего, подлежащего контролю. База для этого была создана в процессе борьбы против опиума и морфина. Именно тогда враг получил имя и был описан. Позднее появились другие вещества с прямо противоположными эффектами, которые, тем не менее, надо было контролировать, или вещества с похожими эффектами, которые контролировать как раз и не хотели. Однако важно было слово. Слово превратилось в данном случае в оружие. Если удавалось прицепить это слово к какому-либо веществу, против этого вещества тут же объявлялась боевая готовность номер один. И, наоборот, те вещества, которые должны были оставаться в*

обычном употреблении и не подлежать контролю, следовало оберегать от ярлыка "наркотик" [6, с. 67]. В соответствии с этой позицией Кристи и К. Бруун убедительно доказывают, что наркотиков не существует. «*Наркотиков не существует. Их не существует как логической категории, которая бы объединяла вещества с одинаковым воздействием на человека и исключала бы вещества без такого воздействия*» [6, с. 67].

А что же тогда вызывает пристрастие, формирует зависимость или кончается заболеванием, которое врачи называют наркоманией? А с трафиком чего же тогда на международном уровне ведут борьбу современные государства? Ответ совершенно очевиден, но только на уровне эмпирического знания. Такой подход хорошо иллюстрирует Ричард Дейвенпорт-Хайнс в своей книге «В поисках забвения: Всемирная история наркотиков. 1500–2000». По его мнению, современное человечество ищет забвение с помощью многих веществ, ставших предметом незаконного бизнеса, а ранее не одну тысячу лет использовавшихся для снятия боли, усиления храбрости, утоления голода или просто для получения удовольствия во время праздников. Однако «*политики часто говорят, а журналисты пишут о наркотиках, как о чем-то едином целом, хотя наркотические средства делятся на различные категории, а каждая воздействует на человека по своему*» – справедливо замечает Дейвенпорт-Хайнс Р. [7, с. 8]. Чтобы избежать этой ошибки, он переходит на эмпирический уровень, являющийся основой рационального познания и, отказываясь от теоретического мышления, нацеливающего на обобщенный и синтезирующий вывод по поводу этих веществ, систематизирует их, выделяя следующие пять категорий: 1) собственно наркотики (наиболее известные – опиум, морфин, героин и кодеин), которые снимают боль, вызывают эйфорию и приводят к физической зависимости; 2) снотворные препараты (сульфонал, барбитураты, бензодиазепины и другие); 3) стимуляторы (самые сильные из них кокаин и амфетамины, а фактически к этой группе относятся кофеин,

табак и прочие); 4) опьяняющие препараты (различные продукты химического синтеза, а также алкоголь, хлороформ, эфир, бензин, растворители и другие летучие вещества) и 5) галлюциногены (наиболее распространенный – марихуана, а также ЛСД, мескалин, некоторые виды грибов, белена и многие другие). По мнению автора, все эти вещества объединяет то, что они *«… создают иллюзию контроля над собой и внешним миром, но в действительности разрушают личность»* и поэтому каждое из них признается им в качестве наркотика. При всем том, что для разных стран и для различных культур, у разных народов и в различных социальных слоях, повсеместно или избирательно, в прошлом или настоящем, имело или имеет место распространение наркотизации различными веществами, Р. Дейвенпорт-Хайнс в качестве основных и наиболее распространенных наркотиков выделил опиум, каннабис, кокаин и крепкие алкогольные напитки. «*Несмотря на повсеместное потребление каннабиса и более позднее распространение кокаина, наркотиком номер один в любой серьезной работе следует назвать опиум. … Появился этот наркотик раньше крепких алкогольных напитков, чье производство требует определенных знаний*» [7, с. 24-25].

Обобщая рассмотренные суждения, нам представляется логичным продолжить исследование данной темы, сформулировав ее более конкретно, а именно, следующим образом: «Глобализация и опиум, каннабис, кокаин, крепкий алкоголь: конфликтологическое измерение». И прежде всего, обратить внимание на факты, подтверждающие или опровергающие наличие взаимосвязи и ее конфликтного характера между глобализаций и наркотиками, т. е. между глобализацией и опиумом, кокаином, каннабисом, крепким алкоголем.

3. Факты, подтверждающие связь глобализации и наркотиков, столкновение интересов

До географических открытий новых стран отношение различных народов к веществам наркотического действия

исторически очень похоже. Основой этого сходства уже в первобытных сообществах было то, что на злоупотребление веществами наркотического действия накладывался нравственный (религиозный) запрет. В различных традиционных обществах люди хорошо знали их действие, применяли их в прикладных целях, но эти вещества не имели социально статуса товара, т. е. нигде не рассматривались в экономическом аспекте. С формированием индустриального общества и, особенно, международной торговли ситуация начиняет меняться.

Рассмотрим наиболее яркие исторические факты (события), подтверждающие взаимосвязь глобализации и наркотиков в контексте столкновения интересов.

3.1. Глобализация и кокаин. В 1571 году в Перу появились испанские конкистадоры. Их заинтересованность в обеспечении потребности испанской колониальной империи в серебре сыграла ключевую роль в интеграции культурного выращивания коки* в местную экономику и становления коки предметом потребления голодного местного населения. «*Плантации инков перешли в собственность государства, а землевладельцам разрешили платить налоги листьями кустарника*» [7, с. 23]. Листья коки стали служить в то время платежным средством, позволяющим рабочим серебреных приисков, заинтересованным в полноценной еде, по нескольку дней обходиться без мяса, получая от хозяев горсть листьев коки для поднятия силы.

С тех исторических событий в процессе глобализации на планете сформировалась такая международная обстановка, для которой сегодня характерно антагонистическое столкновение интересов между теми, чье существование «кровно» связано с незаконной индустрией кокаина (прежде всего, бедное население, вооруженные повстанческие группировки в таких странах как Колумбия, Перу, Боливия и международная кокаиновая мафия) и теми, кто противостоит экспорту этого кокаина в свои страны на

границе, в таможне и дальнейшему использованию его гражданами, которое превращает их в кокаиновых наркоманов (прежде всего, официальные власти и правоохранительные органы США, стран европейского союза и других развитых государств).

Для справки: современный нелегальный международный рынок этого наркотика включает ежегодное производство около 1 млн. кг. чистого кокаина и 15 млн. злоупотребляющих им потребителей.

3.2. Глобализация и опиум (героин). Условия для формирования масштабной международной торговли опиумом сформировались вслед за географической глобализацией. В 1610 году китайцы перенимают у голландцев, торговавших на острове Яве, привычку курить опиум ради удовольствия. Китай с населением в 300 миллионов является огромнейшим потенциальным рынком сбыта. К началу XVIII века португальские корабли уже регулярно перевозят опиум в Китай. Для Китая начинается новая эпоха – эпоха столкновения с западной колониальной экспансией – жадной и напористой. Вот как характеризует Алексей Дельнов произошедшие в Европе перемены, ставшие для отсталого Китая причиной поражения в двух войнах, вошедших в историю как опиумные. «*В основе их лежало то, что составляло коренное отличие западной цивилизации от восточной. Утвердившийся со времен античных полисов принцип: на первом месте – индивидуальный интерес, а то, что называется общим благом (или общественным интересом) – это создание условий для оптимальной реализации суммы частных интересов. Вся западная история вертелась, пусть с отклонениями и заскоками, вокруг стержневой индивидуалистической доминанты. С ее понятиями о неприкосновенности частной собственности и защищенности законом прав личности (“пусть гибнет мир, но торжествует закон”). А уж со времен начала бурного развития капитализма (в Англии – где-то с середины XVIII в., в Голландии – еще раньше, но она маленькая) – о чем и говорить. Государство превращается даже не в “ночного сторожа” господ буржуев (как*

читаем у Маркса), а в могучее оружие (как читаем у Ленина). И начинает складываться, пусть пока еще очень приблизительно, та мировая экономическая система, против которой бессильно беснуются в наши дни антиглобалисты» [8, с. 550-551].

Защищая свои национальные интересы, полуколониальный Китай вынужден первым в мире (еще в 1729 году!) издать указ, который запретил употребление опиума. Позже в 1809 году появиться пекинский указ, налагающий запрет на ввоз опиума в страну. Но силы сторон были явно не равны. Великобританией было « … *применено прямое военное давление с целью внедрить на территории целой части света неконтролируемую торговлю тем самым веществом, которое во все последующие времена будет считаться главным наркотиком, создающим зависимость. Это осуществлялось преднамеренно, а к концу XIX века и вполне осознанно*» [6, с. 102-103]. Последствия проигрыша Китаем опиумных войн не заставили себя ждать, хотя и проявились позже. Китай стал на долгие годы бесправной периферией мировой капиталистической системы: сырьевым придатком, рынком сбыта и источником дешевой рабочей силы. Но в XIX веке потребление опиума еще не стало очевидной международной проблемой.

Только когда движение против торговли опиумом в Китае совпадет с торговыми интересами новых национальных государств (прежде всего США), оно обретет силу. По мнению Кристи Н. и Брууни К. за этим стояло «... *желание подорвать превосходство европейцев на этом торговом рынке*» [6, с. 109]. Столкновение интересов привело к тому, что в 1909 году в Шанхае состоялась первая международная конференция по наркотикам. В итоге конфликт по поводу торговли опиумом начал превращаться в глобальный порядок их контроля. Почти все страны–участницы договорились, что «*любое использование опиума, за исключением медицинских целей, следует запретить или подчинить строгому контролю*» [6, с. 109]. На этой основе международному сообществу в

XX веке, несмотря на все существующие противоречия в отношении наркотиков, удалось создать более-менее последовательную систему их контроля. Однако, несмотря на это в конце XX – начале XXI века ситуация, подобная той, в которой оказался Китай, повторилась с Россией, утратившей ответственную власть с распадом СССР. Разница лишь в том, что вместо опиума, в нашу страну тоннами нелегально поставлялся более опасный продукт его переработки – героин, который фактически поставил генофонд населения России на грань уничтожения.

Для справки: современный нелегальный международный рынок опиатов включает ежегодное производство около 10 млн. кг опиума, около 1 млн. кг героина и 16,5 млн. жертв, злоупотребляющих ими (из них несколько млн. – это россияне).

3.3. Глобализация и каннабис. Отношение к другому наркотику, а именно каннабису (конопля или продукты ее механической переработки как марихуана или гашиш), изначально было противоречивым в разных странах и таким сохранилось до сих пор. Например, в Индии, благодаря расслабляющему и галлюциногенному воздействию, каннабис получил признание в качестве священной травы, а в Европе отношение к нему было осторожным вплоть до начала XIX века. Заслуживает доверия информация о том, что « … *взаимоотношения западного человека с каннабисом неоднократно менялись, то становясь предметом нравственных спекуляций, то касаясь вопросов экономической выгоды*» [9]. После колонизации Индии и вторжения Наполеона в Египет интерес к каннабису в Европе возрастает. Именитые литераторы из Парижа увлекаются приемом этого вещества и, благодаря им, гашиш становится широко известен в европейской культурной традиции. В противовес этой тенденции ответственная власть Египта, из-за того что многие жители из низших классов используют гашиш, в 1864 году запрещает использование конопли. А в 1890 году гашиш признается незаконным властями Турции и Греции. Несмотря на это к 1960 году конопля

завоевывает в Европе широкую популярность, когда ее заново привозят путешественники из Соединенных Штатов [9]. В 1961 в рамках ООН государствам удалось выработать Единую конвенцию по контролю наркотических средств, в которой в самую строгую категорию наркотиков, кроме героина, попадает и конопля. Индия, Пакистан и Бирма сопротивлялись объявлению запрета на коноплю, однако их мнение было проигнорировано. А мнение США об опасности употребления конопли, утверждавших о наличии прямой связи между курением марихуаны и совершением насильственных преступлений, было услышано. ВОЗ со своей стороны также поддержала аргументы США, а индийский и пакистанский опыт полностью проигнорировала. Как впрочем, проигнорировала и полученные в Африке доказательства того, что « ... *потребление марихуаны не вызывает тяги к насилию*» и наличие системы государственной монополии на торговлю коноплей в Тунисе [6, с. 112]. Вот как об этом пишут Кристи Н. и Брууни К. «*Индию, Пакистан и Тунис никто и слушать не хотел. Многие другие страны также выступили на стороне противников запрета, не в последнюю очередь из-за тревоги, что коноплю заменит более опасный, по их мнению, наркотик – алкоголь*» [6, с. 114].

3.4. Глобализация и крепкий алкоголь.

Представляется, что вследствие глобализации на земле постепенно останутся только те этносы и народы, культура которых будет способна противостоять злоупотреблению наркотиками и прежде всего, крепкими спиртными напитками.

С одной стороны, это утверждение основывается на исторических фактах, на которые обратил внимание еще Фридрих Энгельс. «*Когда арабы научились дистиллировать алкоголь, им в голову не приходило, что они создали одно из главных орудий, при помощи которого будут истреблены коренные жители тогда еще даже не открытой Америки*» [10, с. 80]. Уже достоверно известно, что представители северных народностей совершенно беззащитны

перед алкоголем (отсутствие традиций, регламентирующих и ограничивающих потребление спиртного, ориентация на предельные ощущения и т. д.). С другой стороны, оно основывается на том факте, что международные и внутригосударственные органы контроля демонстрируют значительную выборность по отношению к наркотикам.

И, прежде всего, это относиться к алкоголю. Кристи Н. и Бруун К. отмечают, что еще в 1884 году, когда эпоха работорговли подходила к концу, в Брюсселе был подписан международный договор, запрещающий торговлю алкоголем в Африке. В начале XX века во многих странах *«… звучали голоса в пользу запрещения алкоголя, но чтобы обеспечить соблюдение запрета хотя бы в своей собственной стране, необходима международная поддержка*» [6, с. 111-112]. Однако Лига Наций, получив задание заняться этим вопросом, не разработала даже проекта запрета. Почему ВОЗ, столь авторитетная международная организация до настоящего времени не включила алкоголь в список запрещенных наркотиков? По нашему мнению ответ следующий.

С одной стороны, это было не выгодно буржуазии индустриально развитых стран. Ведь еще Фридрих Энгельс отметил, что пролетариат в условиях интенсивного труда на износ, объективно испытывает «*жизненную потребность в водке*» [11, с. 301].

С другой стороны, алкоголь в странах европейской культуры выполняет ту же роль, что опиум или каннабис на Востоке, где их потребление исторически не подвергалось запрету и считалось вполне допустимым. По данным социологов Левина Б. М. и Левина М. Б. большинство жителей европейских стран периодически принимают алкоголь, не впадая в зависимость от него и не попадая в историю с печальным концом [12, с. 34]. Именно, потому, возникшие в рамках глобализации, вопросы отношения к наркотикам были разрешены при доминировании интересов индустриальных стран. «*Чтобы там себе не*

думали индусы и арабы, но на коноплю наложили полный запрет, а алкоголь продолжил свое победное индустриальное шествие» [6, с. 114].

3.5. Вывод: глобализация расколола общество на стороны против наркотиков и за наркотики.

Обобщая изложенную информацию, можно сделать выводы о том, что глобализация, включающая такие моменты, как географические открытия новых стран, политика колонизации отсталых народов промышленно развитыми государствами и развитие общества на основе индустриализации, тесно связана с веществами, которые обладают наркотическим действием (наркотиками). Она же является объективной причинной их глобального распространения и немедицинского потребления, облегчающего существование отдельному человеку в чуждом ему мире, но взамен уничтожающего в нем его социальную (родовую) сущность. В процессе глобализации наркотики становятся тем объектом, по отношению к которому сталкиваются интересы как самых разных форм социальных объединений, государств и народов, так и отдельных личностей. При этом все человечество на уровне каждого общества фактически разделяется на сторону, состоящую из тех, кто «против» наркотиков и сторону, состоящую из тех, кто «за» наркотики.

Эту точку зрения поддерживает и Дейвенпорт-Хайнс Р., который пишет: «*В ответ на тенденции новой, индустриальной эпохи, в начале XIX века зависимость от наркотиков стала все теснее отождествляться с пороком и созданием собственных невыносимых условий существования. Наркоманов представляли как терзающих самих себя дьяволов, обреченных на вечное проклятие. Изменения в отношении к наркотикам имели долговременное влияние на политику и поведение человека. Они развивались в европейской культуре, где представители правящих классов (король, лорды) не вызывали недоверия, когда употребляли опиум, в то время как беднейшие слои попадали под подозрение*» [7, с. 64].

Наличие в современном обществе стороны «против» наркотиков и стороны «за» наркотики обнаруживают Кристи Н. и Бруун К. «*Поскольку проблема наркотиков превратилась в главную общественную проблему, все оказались вынужденными принять какую-то точку зрения*» [6, с. 188]. Большинство не употребляющих наркотики легко может идентифицировать себя на стороне «против» наркотиков, так как им удалось противостоять агрессивному давлению наркосреды. Но для значительной части населения это не так. «*Они употребляют наркотики и знают об этом. Они знают, какое представление о наркотиках бытует у окружающих. <///>. Заглядывая в зеркало, они спрашивают: кто мы? И получают ясный ответ: наркоманы или бывшие наркоманы*» [6, с. 188]. Так идентифицируется основная сила на стороне «за» наркотики. Анализируя отношения между этими сторонами, Кристи Н. и Бруун К. совершенно справедливо отмечают, что особое значение приобретают не только наркотики, но и конфликт с обществом. «*Не только для властей эти молодые изгои представляют собой удобных врагов. Правило работает и в противоположном направлении – власти представляют собой удобного врага для молодых изгоев. Они помогают им объединиться для совместного противодействия властям. Как борьба с наркоманами и наркоманией мобилизует государственный аппарат на несвойственные ему в обычное время подвиги, так и государственный аппарат мобилизующе действует на наркоманов и отвлекает их от других проблем. <///>. Наркотики становятся смыслом жизни и в то же время связующим звеном внутри маленького сообщества наркоманов. Так образуется саморазвивающаяся система противостояния, выгодная обеим сторонам*» [6, с. 189].

Мы рассмотрели достаточно аргументов, свидетельствующих о том, что именно глобализация породила множество столкновений интересов по поводу наркотиков. Для систематизации этих представлений нам необходимо попытаться дифференцировать их по

уровням, исходя из масштаба социальных субъектов, интересы которых сталкиваются в связи с наркотиками или их контролем.

4. Уровни столкновения интересов по поводу наркотиков и прогноз

Если не брать во внимание исторический аспект, для которого было характерно столкновение интересов по поводу наркотиков между метрополиями и колониями и которое уже изложено в материалах, посвященных опиумным войнам, то логично выделить следующие шесть уровней противостояния социальных сил по поводу наркотиков в современном мире. Поскольку исследованию каждого из них можно посвятить отдельную научную статью, а данная работа имеет обзорный характер, цель которой привлечь внимание исследователей глобализации к данной теме, мы ограничимся схематическим изложением этой информации в виде таблицы.

№ уровня	**Уровень столкновения интересов**	**Характеристика сторон (конкретные субъекты противостояния), суть претензий**
1	Планетарный уровень	Одна сторона – это ООН; государства, выполняющие антинаркотические конвенции ООН; Интерпол; ВОЗ и другие. Противоположная сторона – это более 200 млн. человек с опытом потребления нелегальных наркотиков (примерно половина из них – наркозависимые); международные наркокартели и наркомафия; “наркогосударства” типа Афганистана; трансрадикальная партия, международное движение за легализацию потребления психоактивных продуктов каннабиса и т. д.

2	Уровень сверхдержава – другое государство	Обвинения Китая в поставках героина со стороны США (1950 годы); аналогичные претензии СССР к Китаю (1960 годы); претензии России к США в связи с бездействием войск НАТО в Афганистане, ставшем мировым производителем героина (начало XXI века).
3	Мировой межгосударственный уровень	Между странами “потребителями” наркотиков и странами “производителями” наркотиков: например, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов.
4	Уровень европейских государств	Между странами с противоположными моделями борьбы с наркотиками: например, между Голландией, Швейцарией, Данией с одной стороны и Швецией, Исландией с другой.
5	Уровень отдельного государства	Между специальными государственными органами (наркополиция, наркосуды и т.д.) и внутренним нелегальным рынком наркотиков, как элементом международного наркобизнеса.
6	Уровень отдельной личности или организации в глобальной сети Интернет	Между человеком или организацией, распространяющими информацию против наркотиков в глобальной сети Интернет, и человеком или организацией, пропагандирующими потребление нелегальных наркотиков или торгующими ими с помощью Интернета.

Для нас совершенно очевидно, что дальнейшая глобализация человечества будет сопровождаться нарушением соотношения сил

сторон на всех уровнях столкновения интересов социальных субъектов с противоположными интересами по отношению к наркотикам. Можно уверенно предположить, что легализация потребления каннабиса в Европе и в большинстве штатов США произойдет уже в первой половине этого столетия. Подтолкнут к этому не только очередные финансовые кризисы, но и желание государств пополнить бюджеты своих стран от продажи марихуаны, подобно тому, как они их пополняют с помощью торговли табачными изделиями и алкогольной продукцией. Если согласиться с мнением председателя Государственного антинаркотического комитета России Виктора Иванова о том, что « ... *наркоденьги являются базисом современной финансовой системы*», то легко себе представить масштабы «выгоды» государства от легализации их продажи [13].

Кроме экономической “выгоды” власть получит и политическую “пользу”. Ведь в интересах и власти, и бизнеса, с одной стороны, снизить протестные настроения различных слоев населения, предоставив им возможность забываться в дыму сигареты с марихуаной (эксперимент, начатый в Голландии в 1976 году и опыт Израиля, начавшего масштабно продавать марихуану в качестве лекарства), а, с другой стороны, устойчиво связать безработных не только социальным пособием, но и «обществом досуга», допускающим разнообразные наркотизирующие практики.

С учетом того, что на всех уровнях развития человечества в процессе глобализации возникли силы, заинтересованные в расширении одурманивания населения с помощью веществ, противостоять потреблению которых для человека, узнавшего эффект их воздействия на психику, невозможно даже при понимании вреда здоровью от их приема, наш прогноз по теме «наркотики» в условиях глобализации заключается в следующем.

Человечество, исторически возникшее благодаря труду, развивается таким образом, что на определенном этапе (XIX–XX века) решающее значение для глобализации приобретает приоритет

средств производства. Приоритет в том смысле, что именно уровень их развития определяет, какие страны становятся лидерами глобализации, а какие отстают в этом процессе. Достигнутый лидерами глобализации уровень экономического развития превращается в тот фундамент, на основе которого решающим фактором глобализации становятся средства коммуникации (конец XX – начало XXI в.). Решающим фактором в том смысле, что на их основе капитализм приобретает «второе дыхание», а лидеры глобализации получают возможность управлять эволюцией человечества в выгодном для них направлении, то есть, устанавливая единый мировой порядок, закрепляющий их лидирующее положение в мировом сообществе. Такая логика изменения современного человечества позволяет обоснованно предполагать, что в ближайшем будущем (уже в XXI в.) решающим фактором глобализации станут средства наркотизации. Решающим фактором в том смысле, что контролируемое и массовое их распространение обеспечит капитализму «третье дыхание», а “малочисленным” благополучным лидерам глобализации позволит сохранять свое господство над “многочисленным” неуспешным большинством. Конечно, средствами наркотизации станут не только вещества-наркотики, но и новые технологии получения удовольствия и наслаждения, без приложения личностью каких-либо развивающих ее усилий. Однако это уже больше вопрос технический, а значит, выходящий за рамки данной статьи.

5. Какова будет судьба России?

В Российском обществе из-за неспособности государства ограничить внутри себя коррупцию и ответственно действовать в интересах благополучия человека в настоящее время формируются социальные условия для легализации наркотиков. Эти условия будут реакцией на отсутствие положительных результатов у российских силовиков в «войне с наркотиками», так как их в принципе нельзя добиться борьбой с последствиями без ослабления причин явления.

Поэтому главный критерий эффективности российской государственной политики должен заключаться в том, чтобы не превратиться в страну-аутсайдера глобализации (прежде всего экономической, социальной, демографической). История глобализации учит тому, что в рамках сопровождающих ее экономических, информационных и эволюционных войн способность наркотиков быть «оружием самоистребления» автоматически используется против всех отсталых народов и слабых государств, так как сильные по отношению к ним остаются относительно не уязвимыми. Не повторить в XXI веке горький опыт индейцев в США, среди которых доля алкоголиков сейчас составляет около 60%, не такая простая задача для России, как это может показаться на первый взгляд.

Поэтому российское сообщество ученых, изучающих современные процессы глобализации, просто обязано включить в повестку дня тему «глобализация, наркотики и конфликт» как одну из приоритетных, а главное, позволяющих иметь объективный критерий общественного благополучия и здоровья российского общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Западнистская сверхцивилизация / Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения / Александр Александрович Зиновьев; составление Ю.Н. Солодухина. М. Астрель. 2008.

2. Стратегия глобализационного лидерства для России. Первоочередные непрямые стратегические действия по обеспечению национальной безопасности/ Общество и Экология. –2000–№ 21.

3. **Галанкин Л.Н., Буров В.В., Перцовая Г.М.** Наркологическая профилактика на морских, речных и рыбопромысловых судах. СПб. Изд-во Медицинская пресса. 2005.

4. **Калачев Б.Ф**. Движение наркогенов: из Космоса на Землю и вновь во вселенную // Век глобализации. –2008.–№2. – С.114-128.

5. **Хартелиус Й**. Наркотические средства. Психотропные вещества и допинговые средства. Иллюстрированный справочник. RNS. Стокгольм. 2002.

6. **Кристи Н., Бруун К**. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / Пер. с англ. А. Турунтаевой. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2004.
7. **Дейвенпорт-Хайнс Р.** В поисках забвения: Всемирная история наркотиков. 1500-2000. Пер. с англ. А.В. Савинов. ООО «Изд-во АСТ: ООО «Транзиткнига», М. 2004.
8. **Дельнов А.А.** Большой исторический путеводитель / А.А. Дельнов. М. Эксмо. Алгоритм.2008.
9. История борьбы с наркоторговлей. [Электронный ресурс]. URL: http//www.istorya.ru/articles/narkotiki.php. 20 июня 2012. Свободный доступ.
10. **Энгельс Ф.** Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека// К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в 2 томах. Т.2. М. 1948.
11. **Маркс К., Энгельс. Ф.** Соч. Т. XV. Первое издание. М. Партиздат. 1933.
12. **Левин Б.М., Левин М.Б.** Наркомания и наркоманы. Кн. для учителя. М. Просвещение. 1991.
13. Из выступления Виктора Иванова на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) 26 января 2012 года.

УДК 327

А. С. Матвеевская

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ФИНЛЯНДИИ

В современном обществе международная миграция приобрела небывалый размах, в ряде государств это привело к формированию комплекса сложных и многоплановых проблем. Характерная закономерность современной международной миграции населения – постоянное увеличение её масштабов, вовлечение в мировой миграционный процесс населения практически всех стран мира.

Миграционные процессы в современном мире внесли существенные изменения в этническую характеристику населения Европы. Многообразие культур и наций, прежде всего, связанны с растущими миграционными потоками после окончания второй мировой войны на фоне роста экономики во многих странах Западной Европы. Следует отметить, что приток иммигрантов в последние годы происходит по нескольким направлениям, среди которых наиболее распространенными являются: миграция по линии воссоединения семей, получение убежища, приезд по трудовым соглашениям и контрактам, миграция на учебу и стажировки, нелегальная миграция.

Финляндия, как и ее ближайшие скандинавские соседи – высокоразвитый регион с отлаженной системой социальной защиты, который привлекает внимание людей, ищущих новые места проживания в надежде обрести мир, работу и социальный комфорт. За последние полтора-два десятилетия Республика Финляндия вошла

в число европейских, а в ряде случаев и мировых лидеров по многим показателям, а именно, по уровню развития экономики, конкурентоспособности, развитию информационных технологий, науки и образования, уровню развития демократических институтов, социальной и правовой обеспеченности населения, борьбы против коррупции, отсутствию криминализации общества.

В целом в странах Северной Европы ещё раньше, чем в Европейском Союзе ощутили необходимость свободного передвижения трудовых ресурсов в регионе. С 1954 г. здесь функционирует «Общескандинавский рынок труда», охватывающий в настоящее время все пять стран региона. Его жители имеют право работать в любой скандинавской стране без получения предварительного разрешения от властей [1, с. 324].

На сегодняшний день в Финляндии число иммигрантов составляет – 1,9% – это наименьший показатель среди стран Северной Европы, а также во всем Европейском Союзе. Вместе с потоком легальной миграции возрастает и уровень притока нелегальных переселенцев. Выходцы из Ирака, России, Сомали, Китая и восточноевропейских стран составляют большинство нелегальных мигрантов.

В Республике 50% беженцев – выходцы из Словакии, в большинстве своем этнические цыгане. Далее следуют поляки, россияне и югославы. Также достаточно крупной является группа выходцев из стран СНГ – более 25 тыс. человек – значительная часть из них этнические русские [2]. Интересно, что в этой стране русская диаспора начала формироваться гораздо раньше распада Советского Союза, еще в XV в., когда Финляндия являлась частью Российской империи. Тогда на ее территорию были переселены крепостные крестьяне из некоторых центрально-российских губерний – Орловской, Ярославской и Тульской. В то время возникли целые поселения русских – Кююрея (Красное село) и Райвола.

Затем было несколько волн этнической миграции русских в Финляндию. К 1900 г, в стране проживало более 6 тыс. выходцев из России, главным образом в Хельсинки и Выборге. После революции 1917 г. в страну иммигрировало некоторое количество русских из Петрограда, Карелии и других регионов России. Крупной миграционной волной стало переселение 8 тыс. беженцев после Кронштадского мятежа в 1921 г., некоторые из которых «осели» в Финляндии на постоянное место жительства. Вокруг Хельсинки, Турку и Тампере сформировались русские общины, которые принято называть «старыми». В настоящее время они насчитывают 2,5–5 тыс. человек.

После распада СССР миграционный поток из России в Финляндию существенно вырос в основном по экономическим причинам. Особую группу составляют иммигранты, имеющие финские (ингерманландские) корни, владеющие лучше русским языком, чем финским. Интеграция мигрантов из России сопряжена со значительными сложностями, поскольку многие не могут найти работу, сталкиваются с массой проблем при получении медицинской и юридической помощи, оказываются в языковой, культурной и социальной изоляции.

Балтийский или северный канал нелегальной миграции используются в основном вынужденными мигрантами из развивающихся стран. Это – курды, афганцы, тамилы, бенгальцы, палестинцы, пакистанцы, иранцы. Многие из них проникают первоначально на территорию России или Беларуси, а затем в страны Балтии. Затем оттуда водным путем на лодках через Балтийское море многие пытаются добраться до Швеции (остров Готланд) и Финляндии.

Следует отметить, что традиционно Финляндия являлась страной иммиграции. В 1980-х гг. 85 % переселенцев – бывшие финны – возвращаются, главным образом, из Швеции. Начиная с 1990-х гг. большая часть переселенцев прибывших в Финляндию – выходцы из

других государств. Распад Советского Союза, а также политический конфликт в Югославии спровоцировали первое многократное увеличение наплыва иммигрантов в страну. Вторая мощная волна переселенцев, как и ожидалось, обрушилась на Финляндию после ее вступления в ЕС в 1995 г.

В целом, следует отметить, что Финляндия не возражает против прибытия в страну иностранной рабочей силы, существует лишь региональная специфика данного вопроса. Так, 400 тыс. из 1 млн. 300 тыс. жителей Хельсинки составляют выходцы из других стран. В основном это иммигранты из России и других государств СНГ. Иностранцы не являются угрозой для местных жителей, а лишь источником дополнительной рабочей силы. Сторонники центристских и левых партий подчеркивают, что конкуренция за рабочие места между гражданами Финляндии и иностранцами – по большей части миф. Большинство переселенцев обычно берутся за тяжелую или не престижную работу, которой брезгуют местные жители. Средняя заработная оплата труда в стране составляет примерно 2,5 тыс. евро, а иммигранты, в том числе высококвалифицированные специалисты соглашаются работать и за 1 тыс. евро [3].

На сегодняшний день нелегальные иностранцы, находящиеся на территории страны, проживают в основном в крупных городах. Многие из них работают в сфере обслуживания, на стройках, либо занимаются незаконной деятельностью. Часть нелегалов сразу после прибытия делает запрос на получение здесь убежища. Страна ежегодно тратит 12 млн. евро на содержание этой группы лиц.

Министерство внутренних дел Финляндии сообщает, что существует несколько путей для прибытия нелегальных иммигрантов в страну. Во-первых, использование поддельных паспортов переселенцами. Во-вторых, использование главного аэропорта Финляндии Вантаа, который стал основным перевалочным пунктом на пути следования нелегальных иммигрантов из Китая в Европу и США. По данным Министерства,

ежегодно здесь задерживается более тысячи нелегальных иммигрантов. В-третьих, незаконные мигранты проникают в Финляндию через российскую и эстонскую границы. Проблема незаконного пересечения российско-финляндской границы, по мнению МВД Финляндии, заключается в том, что российские загранпаспорта недостаточно надежны и их легко подделать. Согласно докладу Центральной криминальной полиции Финляндии, количество нелегальных иммигрантов, прибывших в страну в 2011 г., удвоилось по сравнению с показателями предыдущего года. Большинство нелегальных мигрантов составляют выходцы из Ирака, России, Сомали и Китая.

Приток нелегалов в страну резко повысил уровень организованной преступности, спровоцировал рост безработицы в ряде отраслей экономики. Финские эксперты наряду с существующей проблемой безработицы обращают внимание на неблагоприятную демографическую ситуацию, в ближайшее десятилетие в стране возникнет острая нехватка рабочей силы. Наиболее многочисленная возрастная группа в стране – пожилое поколение людей, родившихся в 40-е г. XX века, что заставит Финляндию раньше других стран ЕС столкнуться с проблемами занятости. Финское правительство надеется восполнить нехватку рабочих рук законными мигрантами, в связи с чем, в 2004 году была принята новая редакция Закона об иностранцах, которая позволила переселенцам менять работодателя, сохраняя имеющееся разрешение на работу [4]. Решить наиболее масштабные проблемы финской экономики, которая страдает от дефицита рабочей силы, обусловленного в первую очередь старением населения, поможет активизация иммиграционной политики. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к 2030 году соотношение работающего населения и живущих на социальное пособие составит один к одному, а это критично.

В каждой стране существует своя система сбора, анализа и оценки данных, которая основывается на специфических пространственно-временных критериях определения мигрантов и соответствующих законодательных актах. Такие системы обусловлены целым рядом конкретно-исторических причин экономического, политического порядка.

Особенности функционирования систем сбора данных по миграции населения оцениваются по ряду критериев: доступность различных источников данных по миграции, применяемые на практике учетные категории мигрантов, степень отражения проблемы в национальной законодательной базе, объем и структура анализируемой информации и т. д. Наиболее эффективной системой сбора данных о миграции является система в странах Северной Европы.

Основу этой системы составляют так называемые централизованные регистры населения, которые ведут учет миграции в этих государствах. Функционирование регистров опирается на разработанную и постоянно обновляемую законодательную базу, одобрение и понимание общественностью важности использования регистров, сотрудничество между статистическими и административными органами.

Финляндия – государство, где регистры стали одной из наиболее распространенных систем сбора и хранения информации. Опыт использования административных регистров и других административных данных для формирования статистики уникален. Только для проведения современных переписей населения с 1990 г. используется информация около 30 различных регистров. Метод опроса в современных переписях не использовался вообще.

В Финляндии действует централизованный регистр населения с местными офисами гражданской регистрации, с использованием PIN-кода (такой код используется с 1964 г. и включает дату рождения, индивидуальный код и контрольный номер). Ответственный за ведение регистра государственный орган – Министерство внутренних

дел. Регистр – это основной источник данных о миграции, но в нем учитывается только долгосрочная миграция (время проживания – год и более) граждан Финляндии и иностранцев. В учет включена миграция (въезд и выезд) по следующим причинам: образование, работа, служба в международных организациях, въезд для свободного устройства, въезд для поселения, воссоединение или образование семей. Оценка степени надежности информации – более 90%, однако каждая причина отдельно не идентифицируется.

Управление по иммиграции (DirectorateofImmigration) ведет собственный регистр и предоставляет агентству по статистике информацию о лицах, обратившихся с просьбой о предоставлении убежища, беженцах, лицах, въезжающих по некоторым другим причинам. Однако, данных по выезжающим из страны беженцам не имеется.

Регистр налогообложения (Центральное агентство налогообложения (CentralTaxationAgency)) и пенсионный регистр (Пенсионный центр Финляндии (FinnishCenterforPensions)) также содержат информацию о мигрантах. Эти источники включают данные об иностранцах, проживающих в стране, в частности, о виде их деятельности.

Закон о Статистическом агентстве Финляндии (24.01.1992) (ActonStatisticsFinland) и Декрет о Статистическом агентстве Финляндии (14.02.1992) определили полномочия центрального статистического агентства и его функции. Основные задачи агентства (по Закону 1992 г.): собирать статистику и проводить обследования, в сотрудничестве с другими государственными органами, следить за общим развитием всей системы сбора статистической информации государством.

Новый Закон о статистике (280/2004, 23.04.2004), заменивший предыдущий закон от 21.01.1994, регламентирует процессы сбора и обработки статистической информации, которая может быть использована государственными органами. Новым аспектом

последнего закона является обеспечение доступности достоверной статистической информации, необходимой для планирования и выполнения обязательств по международному сотрудничеству в области статистики. В соответствии с законом государственные власти обязаны предоставлять Статистическому агентству Финляндии необходимую для анализа информацию, имеющуюся в их распоряжении.

Данные, приобретенные для статистических целей, конфиденциальны. В отдельных случаях некоторые идентифицируемые конфиденциальные данные (возраст, пол, образование, занятия) могут быть использованы с целью проведения научного исследования, однако их передача и распространение строго запрещены. Разработка данных происходит в соответствии с положительной статистической практикой и международными рекомендациями. Публикация итоговых данных должна происходить как можно скорее после их завершения.

В Законе о персональных данных (523/1999 г.) (PersonalDataAct), заменившем Закон о файлах персональных данных (1987 г.), рассматриваются вопросы защиты данных, интересов и прав отдельных лиц, а также персональная конфиденциальность. В законе выделена группа данных, которая представляет информацию, нуждающуюся в особой защите (расовая, религиозная принадлежность, политические убеждения, состояние здоровья и др.). Устанавливается административная или уголовная ответственность за незаконную обработку конфиденциальных данных. Поправка к закону о персональных данных (986/2000) предоставляет возможность передачи персональных данных за территорию Евросоюза, если страны, в которые передается информация, гарантируют адекватный уровень их защиты.

Закон об открытой деятельности правительства (621/1999) фактически устанавливает правила доступа к официальной

информации, ограничения, права и условия пользования, вопросы обеспечения секретности информации.

До некоторой степени ограничен объем доступной открытой информации. Значительная часть информации распространяется на финском языке. В базе раздела «Статистическое агентство Финляндии – он-лайн услуги» данных по миграции нет, но в общую таблицу (естественное движение и миграция) включена информация по иммиграции, эмиграции, сальдо миграции. Отдельно представлена информация по иностранцам в Финляндии, по предоставлению убежища, и данные о беженцах (включая следующие графы таблицы: убежище, воссоединение семей, квота).

На сайте Управления по иммиграции представлены данные о предоставлении убежища в целом по группам (предоставление убежища, вида на жительство в связи с необходимостью защиты, вида на жительство по другой причине) и структуре подателей (данные по национальности (странам)), данные о предоставленном гражданстве.

Отдельно существует закрытая база данных, доступная пользователям с индивидуальным кодом, на финском языке. По запросу определяется список публикаций и отчетов по миграции, предоставляемых зарегистрированным пользователям.

В целом около 65 % официальной статистической информации собирается Статистическим агентством Финляндии, имеющим статус независимого статистического государственного агентства. Остальная информация организуется с помощью других правительственных агентств по направлениям, получающим непосредственно основные данные, в которых они нуждаются для осуществления административных функций. Роль Статистического агентства Финляндии – это направление и координация в области государственной статистики, международное сотрудничество, стратегическое планирование. Статистическим агентством организован Научный консультативный совет, в обязанности которого входит подготовка научных программ и программ развития.

Задачами совета являются консультирование, мониторинг социально-экономических и методологических исследований.

Одним из основополагающих принципов ЕС является свободная миграция рабочей силы. Однако, когда в 2004 г. к Союзу присоединились 10 стран Восточной, Южной и Центральной Европы, «патриархам» Евросоюза разрешили временно – до 1 мая 2011 г. – не пускать на их рынки труда граждан Польши, Чехии, Венгрии, Словакии, Словении, Литвы, Латвии и Эстонии [5, с. 65]. Финское правительство в 2004 г. ввело ограничения на свободное перемещение рабочей силы из новых стран-членов ЕС. Парламент одобрил законопроект, вводящий только двухгодичный переходный период на свободное передвижение рабочей силы из Эстонии и других новых стран-членов Евросоюза. Попытка оградить Финляндию от резкого наплыва иммигрантов, а также трудоустройство максимального количества граждан Финляндии до приезда иностранцев – основная цель законопроекта.

Финляндия и Швеция, по данным докладов Международной организации труда (МОТ), являются самыми благоприятными странами для наемных работников. Так, наемный работник в Финляндии имеет больше возможностей повлиять на условия и содержание своей работы, чем его коллеги в других странах, а именно, достаточный уровень доходов, возможность повышать свою квалификацию, трудовая безопасность, защита от незаконного увольнения, а также возможность быть услышанным, например, через профсоюз.

Таким образом, Финляндия, как и другие страны ЕС, подвержена общеевропейской тенденции старения трудоспособного населения и столкнулась с проблемой дефицита высококвалифицированных специалистов. Правительство страны заинтересовано в притоке трудовых мигрантов, для чего принимаются меры по упрощению въезда для легальных иностранцев. И на практике, финны традиционно отличаются гостеприимством и уважением к приезжим.

Изменения демографической ситуации, развитие экономики, возможно, повлияют на рынок труда в других соседних с Финляндией государствах, что позволит в будущем привлекать специалистов из этих стран. Возможность свободного передвижения в рамках ЕС также остается важной для Финляндии. Сегодня особых программ по привлечению иностранных специалистов в Финляндии не существует, но многие специалисты освобождены от необходимости получения разрешения на работу, поэтому процедура оформления для них очень проста.

Финляндия собирается активизировать миграционную политику с целью привлечения квалифицированных специалистов, так как в некоторых областях экономики существует значительная нехватка специалистов. Как, например, транспорт и логистика, жилищное строительство, сварочные, сантехнические работы, металлообработка, садово-парковые работы и уборка территорий. Активная миграционная политика, обеспечивающая адаптацию граждан к жизни в правовом и безопасном обществе должна способствовать её конкурентоспособности. Движение трудовых ресурсов между близлежащими регионами вполне закономерно, и Россия с этой точки зрения является самым перспективным партнером. Так, например, большая часть иностранных специалистов, прибывающих в Финляндию, приезжает из России. В 2008 и 2009 годах почти половина всех оформленных разрешений на работу была выдано россиянам.

Наряду с профессиональным подходом к работе важна необходимость освоения иностранных языков финского и шведского. Запущен проект, в рамках которого иностранным специалистам предлагается помощь в вопросах адаптации на новом рабочем месте и языковые курсы. Более того, сейчас в финских компаниях в пограничных с Россией регионах постоянно растет спрос на сотрудников, владеющих русским языком. Руководители компаний Юго-Восточной Финляндии заявляют о постоянном росте спроса на

русскоговорящих работников, в связи с чем, школьникам предоставляется возможность вместо второго государственного языка – шведского – изучать на выбор другой – например, русский. По данным финского статистического ведомства, сейчас русскоговорящие работники составляют около трети от общего количества иностранных рабочих.

Дефицит рабочей силы заставляет северные страны искать варианты более гибкого использования зарубежных трудовых ресурсов, например, в регионе давно существует так называемая «маятниковая миграция». Финны ежедневно ездят на работу в Швецию, а шведы – в Норвегию, и наоборот. Такая практика может появиться и в российских приграничных районах: Норвегия, в частности, готовит России предложение о статусе специальных удостоверений для жителей приграничных регионов, с помощью которых они смогут пересекать границу без виз, в том числе по пути на работу. Возможно, примеру северного соседа последует и Финляндия, и тогда, скажем, жители Выборга смогут выбирать – ездить на работу в Санкт-Петербург (170 км в одну сторону) или в Лаппеенранту (40 км).

Однако, учитывая начавшиеся в связи с происходящими в настоящий момент событиями (массовые забастовки в Африканских государствах, военные действия в Ливии), миграционные процессы из стран Африки в страны Евросоюза начинают увеличиваться. В связи с чем, жители Финляндии стали проникаться националистическими мыслями, навеянными другими странами ЕС. Результатом этого могут быть прошедшие в апреле 2011 г. парламентские выборы, а именно, процент голосов избирателей, проголосовавших за «Истинных финнов» – партию, которая по традиции называют популистской и националистической. Она заняла на выборах третье место, лишь немного уступив политическим тяжеловесам – консерваторам и социал-демократам. Такой исход выборов продемонстрировал разочарование многих граждан политикой государства, прежде всего – в отношении Европейского союза. Такой результат на выборах

прогнозировался задолго до голосования. «Истинные финны» стремительно набирали популярность – рейтинг партии непрерывно рос в течение последнего года. Партии удалось провести в парламент 39 депутатов, увеличив свое представительство почти в восемь раз. Имеет место мнение, что избиратели поддержали «Истинных финнов», главным образом из чувства протеста. Антииммиграционные лозунги стали основой успеха партии. Ужесточение правил воссоединения семей и критические отзывы в адрес об иммигрантах из мусульманских стран – основа политики партии.

Комментируя результаты выборов, издание Хельсингин Саномат (HelsinginSanomat) назвало «Истинных финнов» «политическим каналом для выражения враждебности». Действительно, «истинные» открыто заговорили и о другой наболевшей проблеме – о провале политики создания поликультурного общества. Прежде, как и многих других странах Западной Европы, власти Финляндии уклонялись от дискуссий с партиями, заявлявшими о необходимости защищать национальную идентичность от чужих традиций и культуры. Неполиткорректным считалось подсчитывать затраты на содержание беженцев и подвергать сомнению усилия по интеграции переселенцев. Результатом такой политики властей, прежде считавшиеся маргинальными партии, набирали популярность, формировали парламентские фракции, проходили в правительство.

В Финляндии, по сравнению с другими северными соседями меньше иммигрантов, но ее жители не остались безучастны ни к «карикатурному скандалу» в Дании, ни к столкновениям на этнической почве в шведском Мальмё, ни к массовому оттоку норвежцев из некоторых районов Осло. Помимо этого, при резко возросшей безработице финнов во время кризиса, получающие приличные социальные пособия беженцы стали основным раздражителем местного населения. Жители Суоми выступают не против иммигрантов, а против «бездельников и социальных иждивенцев», сидящих на шее налогоплательщиков. Каким образом

сделать так, чтобы в страну попадали лишь «достойные» иммигранты, – один из наиболее злободневных вопросов.

В соответствии с законодательством Финляндии, политика интеграции основывается на процессе участия иностранцев, которые пребывают в стране законно и постоянно, в экономической, политической и социальной жизни общества. Правительственная программа 1997 г. представляет собой трехуровневую модель формирования политики интеграции, а именно, национальная, муниципальная и индивидуальная политики интеграции.

Закон об интеграции иммигрантов, вступивший в силу в 1999 г., является главным документом, в котором прописаны основные меры интеграционной политики Финляндии. Хотя следует отметить, что интеграционная политика государства в известной мере противоречива. В Законе об интеграции главенствует принцип мультикультурализма, но на практике основной тенденцией является приобщение иностранцев к финской культуре, то есть процесс ассимиляции. Получение иммигрантом финского гражданства можно лишь при наличии необходимых условий, а именно, достижение возраста 18 лет, постоянное проживание в стране более пяти лет, отсутствие судимости, постоянный источник дохода, а также владение финским или шведским языком. Новый проект закона о гражданстве, одобренного парламентом Финляндии в январе 2003 г., внес важные изменения [6, с. 107].

Согласно социальным опросам местного населения по отношению к иммигрантам, проводимым в последнее время, можно отметить в целом достаточно позитивные настроения граждан. В отличие от 1993 г., когда в стране наблюдался экономический кризис и был высок уровень безработицы. Отметим, что выходцы их скандинавских и англосаксонских стран составляют большую толерантность по отношению к иммигрантам.

Можно предположить, что в ближайшее время, страна будет активизировать политику в сфере миграции с целью привлечения

квалифицированных специалистов. Связано это с тем, что финская система образования не способна удовлетворить потребности бизнеса, а Россия с этой точки зрения является для них главным партнером. Пересмотра системы образования потребуют и интересы бизнеса. Иммиграция в Финляндию необходима для дальнейшего экономического роста. Анализ и прогноз современной демографической и социально-экономической ситуации и перспектив ее развития показывают, что миграционные процессы в долгосрочной перспективе будут приобретать для финского государства все большую значимость. Следовательно, выходом из этой ситуации является не тотальное ограничение иммиграции, а введение внутренних мер, регулирующих и контролирующих потоки иммигрантов, а также создание структур, помогающих ассимилироваться в общество и культуру, предотвратить изоляцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Денисенко, М.Б.** Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада / М.Б. Денисенко, О.А. Хараева,О.С. Чудиновских. – М: 2005.
2. International Organization for Migration. [Электронный ресурс]. – Facts&Figures. – 2011. – URL: http://www.iom.int/jahia/Jahia/about-migration/facts-and-figures/lang/en.
3. Official Statistics of Finland (OSF) [Электронный ресурс]. - Parliamentary elections. – 2011. – URL: http://www.tilastokeskus.fi/til/evaa/index_en.html.
4. Закон «Об иностранцах». Финляндия, от 30.4.2004/301. [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Законодательство Финляндии на русском». – URL: http://consultant.fi/index.php/zakon-ob-inostrancah.
5. **Гладкий, Ю.Н.** Экономическая и социальная география зарубежных стран / Ю.Н. Гладкий, В.Д. Сухоруков. – СПб., 2009.
6. **Болдырева, Е.Л**. Социально-политическая система стран Северной Европы / Е.Л. Болдырева. – СПб., 2004.

УДК 327

А. С. Лебедев

УПАДОК «ШВЕДСКОЙ МОДЕЛИ» ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В 1976 году проявились первые сигналы предстоящего кризиса «шведской модели». Правящая социал-демократическая партия достаточно легко проиграла выборы коалиции «либеральных партий». Хотя спустя шесть лет ей удалось вернуться на прежние позиции, было уместно говорить о приближающемся конце социально-политического курса Швеции. Вероятно, политический застой произошёл бы уже тогда, если бы не активная деятельность У. Пальме в сочетании с его новым видением построения социальной политики. Именно этот факт позволил концепту «народного дома» просуществовать ещё некоторое время. Но, если с точки зрения выработки идеологии в стране наблюдалась относительная стабильность, этого нельзя было сказать о других сферах.

Одновременно с назревающей стагнацией власти разрушалась и ключевая для «шведской модели» система переговорного процесса. Социал-демократическая установка на солидарность в области заработных плат, желание расширить влияние трудовых коллективов по методу внедрения фондов наёмных работников и, в целом, антиинфляционная политика по плану Ё. Рена и Р. Мейднера не нашли понимания у работодателей. Кроме того, удельный вес промышленников и предпринимателей в принятии государственных решений уменьшился. Как итог, они почувствовали угрозу собственным интересам. Поэтому не удивительно, что к середине

1980 годов ОРШ инициировала процесс по выводу своих представителей из структур близких к политике на рынке труда и обсуждению вопросов по начислению заработных плат. Таким образом, с «духом Сальтшёбадена» было покончено. Этот факт существенно ударил по имиджу социал-демократов, а рецессия начала следующего десятилетия фактически уничтожила классическую «шведскую модель».

В 1990-х Швеция пережила самый тяжёлый макроэкономический кризис со времён Великой депрессии в США. Между 1990 и 1993 занятость сократилась более чем на полмиллиона человек, что равнялось 13 % от всей рабочей силы. Открытая безработица выросла почти до 9 % и, одновременно с этим, наблюдалось увеличение числа лиц, охваченных мерами активной политики на рынке труда [11, с. 329]. Рост ВВП был отрицательным три года подряд. Экономический кризис самым негативным образом отразился как на простых гражданах (особенно, молодёжь, матери-одиночки и иммигранты), так и на государственных расходах, приведя к ускоренному бюджетному дефициту.

В дополнение к этому, Швеция столкнулась с огромным числом приезжих из других стран. Если ранее это были в массе своей трудовые иммигранты, люди, сознательно ищущие пути самореализации в другом государстве, то с 1990-х годов в Швецию ехали беженцы из зон боевых конфликтов (Югославия, Кавказ). Их было сложнее адаптировать, а в условиях низкой конъюнктуры, когда возможности влиться в рынок рабочей силы предельно ограничены, беженцы становились бременем. Пополняя ряды безработных, пытаясь группироваться в анклавы и, более того, требуя права на свой язык и культуру, люди из-за пределов Скандинавии всё чаще вызывали антипатию. В скором времени национальные противоречия обернулись осквернением еврейских кладбищ, подрывом центров по расселению иммигрантов и сожжением мечети в г. Трольхэттане (весна 1990 года). Возможная сегрегация и обострение отношений

между коренным населением и вынужденными переселенцами серьёзно озадачили шведских политиков. Но, самое главное, от этого всего пострадал национальный (гомогенный) характер шведского государства всеобщего благосостояния.

На выше обозначенные социально-экономические проблемы правительство И. Карлссона не нашло нужных решений. С политической точки зрения СДРПШ была, как никогда ранее, ослаблена. Её политическая и идеологическая активность исчерпала свой ресурс. Предвыборная борьба 1991 года велась вяло, настроения были пораженческими. Симпатии избирателей, согласно опросам, были не на стороне социал-демократов. Как итог, кабинет социал-демократического меньшинства заменило собой четырёхпартийное буржуазное правительство (Умеренная коалиционная партия, Народная партия, Партия центра, Христианский демократический союз). Возглавляемое лидером Умеренной коалиционной партии (Moderata samlingspartiet), К. Бильдтом, оно начало воплощать в жизнь политику иного рода. В качестве примера можно привести подготовку новой пенсионной реформы, когда решение принималось не по методу привлечения заинтересованных групп (ЦОПШ, ОРШ), а «группой скромных парламентариев».

Стремительное угасание «шведской модели», следствием которого стал переход от эгалитарно-универсалистского государства всеобщего благосостояния к либерализации в экономике и сфере социального обеспечения, вызвало интерес со стороны многих шведских исследователей. В первую очередь, тема падения «шведской модели» интересовала экономистов. Но и социологи, и политологи были вовлечены в эту научную дискуссию. Стоит отметить, что она выходила далеко за пределы Швеции, охватывая все социально ориентированные страны, пострадавшие в ходе кризиса начала 1990-х годов, изменившихся экономических отношений, глобализации и мультикультурализма. До этих, тревожных для

концепции социального государства времён, научные размышления в этой области носили иной характер.

Изначально они концентрировались преимущественно вокруг социальных программ О. фон Бисмарка и послевоенного расцвета социальных государств. Среди наиболее известных авторов того периода можно выделить Гарольда Виленски, Ричарда Титмусса и Ёсту Эспинг-Андерсена. Всех их объединял интерес к столь многостороннему развитию социальных государств и их поразительно разному уровню расходов на социальные программы. Самыми ранними были исследования Г. Виленски и Р. Титмусса.

Вклад первого состоит в определении причины появления социальных государств. По мнению Виленски, в основе появления государства благосостояния лежит экономический рост опосредованный демографическими изменениями. Иными словами, увеличение продолжительности жизни, результатом которого стало появление внушительного числа людей преклонного возраста, потребовало от государства в период растущей продуктивности и изменившейся деятельности рабочей силы выделять значительные денежные средства на содержание пенсионеров [10, с. 36].

Английский социолог Р. Титмусс шёл по другому пути. Он первым произвёл деление социальных государств, обозначив три идеальных типа: маргинальное (англо-саксонские страны); промышленного достижения (Центральная Европа); институциональное (Великобритания и страны Скандинавии). Однако к концу XX столетия его градация подверглась пересмотру.

Исследование датчанина Ё. Эспинг-Андерсена, изложенное в книге «Три мира социального капитализма» (1990 год), строилось на рассмотрении восемнадцати наиболее развитых по состоянию на 1980-е годы демократий. Их анализ и последующая классификация производились по трём критериям: наличие универсалистского статуса гражданина, наличие соглашений между институтами семьи, государства и рынка и степенью декоммодификации. Под последним

Эспинг-Андерсен понимал не просто замещение принципа рыночного распределения товаров, а отделение жизненных возможностей человека от его способности оплатить их продажей своего труда на рынке или, иначе говоря, появления у него социальных прав, данных ему по праву гражданства страны, а не оценки его деятельности [7, с. 37]. С учётом выше обозначенных позиций, исследователь группирует социальные государства следующим образом: либеральные (рыночно ориентированные); консервативно-корпоративистские и социально-демократические.

Либеральные государства благосостояния рассматривают граждан как субъектов рынка. Следовательно, именно там они и находят свои социальные блага. Например, через обращение к частным страховым компаниям. Социальная политика основывается на проверенных на нуждаемость скромных по объёму социальных пособиях. Основными носителями являются англо-американские страны.

Второй, консервативный, тип, именуемый также христианско-демократическим, опирается на свои докапиталистические истоки. Он восходит к идеям Л. Фон Штейна. Такое государство по своему смыслу антилиберально и заинтересовано в поддержании иерархического общественного порядка. Социальные права обширны. Однако права и привилегии опираются на класс и статус, а перераспределение незначительно. Роль христианских демократов в развитии это типа социального государства сводится к отказу от примата рынка и отстаиванию принципа субсидиарности, входе которого именно семья приобретает первенство в вопросе получения социального обеспечения. Основной акцент делается на перераспределении средств, достаточных для покрытия доходных потребностей мужчины-кормильца. Социальные услуги, способствующие женской занятости и обеспечению рабочих мест для женщин весьма скромны. Типичным представителем данного типа

государства благосостояния является Германия и ряд других стран континентальной Европы.

Социал-демократическое государство благосостояния (третий тип) представляет модель общества, характеризующуюся экстенсивными социальными правами и второстепенной ролью частного социального обеспечения. Но права более универсальны, нежели корпоративны, подчёркивающие равенство гражданства, а не сохранение статусных различий, как в консервативно-корпоративистском типе. Поддержкой со стороны государства охвачены все граждане независимо от пола и возраста.

Выдвинутая Ё. Эспинг-Андерсеном концепция вызвала интерес в научной среде. Но, поскольку к концу XX века в большинстве социально ориентированных стран наблюдался замедленный экономический рост, а глобализация и мультикультурализм угрожали их национальному виду, подобные теории отошли на второй план. Западные учёные переключили всё внимание с изучения расширения государства всеобщего благосостояния и различных его разновидностей на анализ его регресса, сокращения расходов на социальные программы в контексте глобализации, постиндустриализма и гендерной революции. Швеция в этом отношении поддерживала общемировую тенденцию. При этом местные учёные ставили первостепенной задачей найти объяснение произошедшей эрозии стабильного социал-демократического концепта «народного дома». И здесь уместно ознакомиться с позицией ряда шведских государствоведов.

Наиболее авторитетным из них является профессор политологии университета Гётеборга, Бу Ротштайн. В своём эссе «Подъём и падение шведской модели» он связывает политические изменения в Швеции конца XX века с кризисом доверия в государстве. Его размышления строятся на рассмотрении психологии общества. Он полагает, что за время существования системы переговорного процесса между заинтересованными сторонами (профсоюзами,

промышленниками и государством) выработался определённый тип доверительных отношений, пронизывавший всю систему от простых рабочих до представителей власти. «Это было что-то, – заявляет Б. Ротштайн, – чему (заинтересованные) стороны научились в тех многих государственных учреждениях корпоративных административных органов, которые возникли с начала века (XX) в Швеции» [14, с. 43]. Тем не менее, прежде чем шведы пришли к необходимости коллективного взаимодействия во имя общего блага, их общественная жизнь характеризовалась, так называемой, социальной западнёй. Все граждане осознавали преимущества сотрудничества, но не обладали достаточной уверенностью в желании совместного действия между собой, что заставляло их держаться опосредованно. Проблема была преодолена, когда СДРПШ выдвинула своё предложение о реформировании социально-политического курса. По мере осуществления концепта «народного дома» укреплялись и доверительные отношения между различными институтами, организациями и рядовыми гражданами. Однако деятельность социал-демократов, направленная на совершенствование социальной политики, оказала и разрушающее воздействие на данный процесс. Речь идёт об экономической игровой теории, к которой прибегло правительство с целью поддержания показателей роста и социального обеспечения на должном уровне. Она гласит о том, что руководство должно использовать меры поощрения и наказания, заставляющие самозаинтересованных индивидов действовать в интересах компании или же, в случае со Швецией, в интересах государства. Ротштайн, ссылаясь на исследование Г. Миллера, говорит о недееспособности данной методики. Проблема, главным образом, состоит в том, что руководство не может обладать достаточной информацией для эффективного функционирования такой системы. Более того, оно зависимо от предоставляемой сотрудниками информации о рабочем процессе. Если же они, в свою очередь, решат, что руководство будет

использовать информацию для повышения темпов работ, то никогда не будут давать корректную информацию. Напротив, они будут в любом состоянии стремиться манипулировать данными.

Единственным выводом из эссе Б. Ротштайна может быть то, что «шведская модель» подверглась разложению в ходе управленческого кризиса, когда, на первый взгляд, успешные политические манёвры СДРПШ оборачивались проблемой переговорной системы.

С взглядами Б. Ротштайна может поспорить профессор политологии Лундского университета, Йоханнес Линдвалль. В своём исследовании, изложенном в статье «Политика реформ и отмена корпоративизма в Швеции», он убедительно показывает, что доверительные отношения в шведской системе управления трансформировались. Проведя анализ активной политики на рынке труда, пенсионной и иммиграционной сфер, он заключает, что не только формальные рамки административного корпоративизма изменились, но также и нормы, и практики корпоративизма [9, с. 1070]. Если говорить более точно, то выработка совместной политики в данный момент идёт на более неформальном уровне, чем это было во времена расцвета «шведской модели». А это может означать, что государство благосостояния в Швеции выжило даже после экономического и политического кризисов начала 1990-х годов.

Примечательно, что в 2006 году Б. Ротштайн и Й. Линдвалль публикуют статью «Швеция: падение сильного государства», которая аккумулирует и дополняет взгляды обоих учёных [8, с. 47-63]. В исследовании анализируются широкомасштабные политические изменения, произошедшие в Швеции за последние три десятилетия. Авторами проводится параллель между социально-политическим курсом Швеции до 1990-х годов и после того, как социал-демократы потеряли свои властные позиции. Особое внимание уделяется стилю управления.

Исходя из этого, Швеция времён расцвета социал-демократической идеологии описывается как страна с чётко отлаженной системой управления. Ведущие политические деятели на национальном уровне ставили общие цели политики в сотрудничестве с лидерами крупных заинтересованных сторон (ЦОПШ, ОРШ…). Далее назначались специальные исследовательские правительственные комиссии, подключавшие сторонних экспертов, которые должны были обобщить всю имеющуюся информацию по запрашиваемой тематике и провести экспертизу. На основании ими предоставленных отчётов и рекомендаций появлялись политически, технически и административно целесообразные предложения, которые могли бы быть переведены в законодательную форму. На последнем этапе государственные департаменты наделялись ответственностью за реализацию политики, а муниципалитеты и другие местные органы власти претворяли её в жизнь.

В рамках этой рационалистической модели, шведское социальное обеспечение строилась на особом сочетании двух разных систем управления. С одной стороны, это была, так называемая, «реформистская бюрократия» (Совет по жилищному вопросу, строительству и планированию, например), наделённая обязанностями управления и осуществления социальных реформ. С другой стороны, подразумевалось наличие муниципальных административных организаций ответственных за проведение политики. Обе системы пытались примирить классический конфликт между локальной автономией и требованиями общенационального равенства, чего и достигали через функционирование разного рода консультативных советов.

Однако, с точки зрения Линдвалля и Ротштайна, не столько рационально-функциональное планирование с отлаженным механизмом трансформации гражданских требований имело значение в классической «шведской модели», сколько то, что политическая культура основывалась на консенсусе в том смысле, что выработка

политики осуществлялась при участии широкого политического большинства, неизменно поддерживаемого заинтересованными организациями и группами [8, с. 49]. Поэтому социал-демократический «народный дом» следует понимать как «сильное государство», в котором присутствовало взаимопонимание между властью и всевозможными группами интересов, а граждане обеспечивались достаточно чётким представлением о том, как была выработано государственная стратегия (или должна быть выработана) и реализована. В связи с упадком социал-демократии, разработанного её стиля управления и курса в политике все эти связи нарушились, что, само по себе, имело тревожные последствия для функционирования демократии.

Авторы статьи также единодушны в том, что в последнее десятилетие XX века убеждение в возможности изменения общества и управления социальными проблемами посредством централизованных и рациональных реформ и процесса планирования исчезло. Из приведённой ими исторической справки становится ясно, что изменения проходили крайне неравномерно. В некоторых сферах ослабление центральных административных институтов было серьёзной и ощутимой потерей для государства. В других же изменения проходили постепенно и, как в случае с Национальным советом по вопросам здравоохранения и социального обеспечения, отражались на взаимоотношениях между департаментами и местными самоуправлениями в негативную сторону. Однако помимо очевидных перестроек существовала тенденция иного рода.

Она касалась идеологической составляющей «шведской модели». Если при социал-демократах работал идеологический государственный аппарат, в котором тремя заинтересованными сторонами производились и распространялись ценности и идеи, то в нынешней Швеции идеология продвигается через государственных должностных лиц, сочетающих в себе политические и

бюрократические навыки. В целом же, «шведская модель» приобрела качественно иной вид.

Этот факт может подтвердить и исследование Кристины Бергквист и Андерса Линдбума («Шведское государство благосостояния: неолиберальный вызов и устойчивость государства всеобщего благосостояния» [6, с. 389-400]). Их целью было, с одной стороны, проанализировать характеристики реструктуризации шведского государства всеобщего благосостояния, а, с другой стороны, ответить на вопрос о том, была ли демонтирована социал-демократическая модель. Обратившись к материалам Ё. Эспинг-Андерсена по восемнадцати странам и сравнив данные со шведскими показателями, они заключили, что изменения в Швеции имели дополнительный, а не фундаментальный характер [6, с. 400]. Хотя «шведская модель» и была демонтирована, нельзя с полной уверенностью заявлять о либерализации государства благосостояния. Напротив, в условиях рынка социальная сфера стала более щедрой, а универсализм, квинтэссенция «шведской модели», в действительности был усилен в некоторых из основных программ социального страхования и в сфере ухода за детьми.

Совсем по-иному, хотя и разделяет позицию выше упомянутых учёных, выглядит точка зрения шведского политолога чилийского происхождения Маурисио Рохаса. По его мнению, падение государства всеобщего благосостояния в Швеции связано ни с чем иным, как с переходом к новой системе экономических отношений. Классическая «шведская модель» – типичная индустриальная система, появившаяся на волне промышленного переворота. «Это было время машин, а, следовательно, появления механических утопий индустриального общества. Век машин также совпал с золотым веком национальных государств – чётко определённых островов суверенитета с передовой бюрократией, которая всем своим видом подражала машинному идеалу, эгоцентричному типу структуры, который, с его чёткой линией демаркации, определяет эксклюзивное

внутренне пространство с его правами и обязанностями, конфликтами и лояльностями, культурой и идентичностью, обществом, сохраняющим ядро национального государства как в контейнере» [12, с.46]. Из этого можно сделать логичный вывод о том, что концепция «народного дома», с одной стороны, утопична, поскольку ориентировалась на марксистскую теорию, а, с другой стороны, имела национальный вид. По Рохасу она опиралась на четыре решающие исторические предпосылки: этнически однородное население; сильное национальное государство; экспансии индустриальной экономики и технологическом и организационном развитии [13, с. 50].

Суть в том, что по мере наступления века информационных технологий (IT-революции) модель всё больше и больше превращалась в анахронизм. Информационно-технологическая революция шла параллельно новым методам организации работы и объединению производственных ресурсов. Все эти изменения лежат в основе появления новых форм экономического партнёрства, нового типа предприятий, основанного на принципах, которые являются чистой противоположностью предприятиям промышленного общества. К этому следует добавить и глобализационные процессы в мире.

В Швеции этот переход ознаменовался, в первую очередь, экономическим кризисом, корни которого уходят в 1970-е годы. Проблемы в экономике вызвали потерю доверия к государству всеобщего благосостояния. До переломных 1990-х годов шведы верили, что государство неизменно будет держать свои обещания в социальной политике. Но, когда в связи с образовавшейся массовой безработицей люди обратились за помощью, оказалось, что универсализм социального обеспечения был во многом притворством. В период масштабных экономических проблем система не работала.

Однако экономический кризис и кризис доверия не привели к глубоким и постоянным изменениям, если бы не совпали с масштабными преобразованиями в шведском обществе. «Предложения государства всеобщего благосостояния о лучшем

образовании, здравоохранении, жилищной и социальной политике в обмен на отсутствие свободы выбора, – пишет М. Рохас, – были приняты обществом, которое ещё только делало первые шаги к социальному государству. Но когда партийные обещания были выполнены, стало всё более трудно мириться с крайними формами монополии и патернализма в шведском государстве всеобщего благосостояния» [13, с. 64]. Проще говоря, шведы устали от проводимой социал-демократами политики и её безальтернативности, против чего и выступили на выборах 1991 года.

Политолог Магнус Рюнер идёт ещё дальше в своём объяснении провала, направляемого социал-демократами курса. Будучи, так же как и М. Рохас специалистом в политической экономии, он соглашается с ним в том, что касается изменения мировых экономических условий, отразившихся на функционировании шведского государства всеобщего благосостояния. Однако при этом Рюнер не ограничивается столь обобщённым взглядом. В статье «Неолиберальная глобализация и кризис шведской социал-демократии» он делает упор на анализе различных, но интегральных внутренних и глобальных политико-экономических сил, которые подкрепляли и подрывали «шведскую модель» [15, с. 39-79]. В отличие от Рохаса, М. Рюнер полагает, что «шведская модель» – продукт послевоенного либерального мирового порядка и процесс перехода к «неолиберальной глобализации» является центральным для объяснения дальнейших её проблем.

Пытаясь осмыслить данный процесс, Рюнер даёт своё объяснение фордовского встроенного либерального порядка. «Встроенный либерализм, – пишет Рюнер, – основывался на политике производительности, обычно ведомой силами, связанными с промышленным капиталом, профсоюзами и реформистскими технократами. Он обеспечивал право коллективных переговоров, низкий уровень безработицы и высокие зарплаты рабочим в обмен на признание управления и мирных трудовых отношений» [15, с. 41].

Но, что самое главное здесь, так это наличие когерентного интенсивного режима накопления, протекающего на фоне увеличившейся производительности, интегрированных норм заработной платы и кейнсианской экономической политики.

В дальнейшем вследствие стагфляции 1970-х и рецессии конца этого же десятилетия произошло преломление производственных отношений. Стало очевидно, что фордистская система производства капитала оказалась в кризисе. Замедление роста прибыли в сочетании с феноменом массовой безработицы подвели черту под тейлористской моделью управления, характерной для кейнсианства. Разложение системы дало импульс к зарождению новой формы накопления капитала, составляющей экономическое ядро «неолиберальной глобализации». Перехода был ускорен с появлением новых технологий, облегчающих оптимизацию распределения решений и повышающих производительность. Рюнер вслед за Рохасом повторяет, что технология радикально изменила условия организации трудового процесса, да и всего мира. «Эти новые условия для корпоративной стратегии сделали более неоднозначной связь между охватом экономики и её масштабом. Как результат, производительный капитал стал менее зависимым от национально генерируемого народного потребления» [15, с. 41]. Естественно, Рюнер также как и Рохас признавал трансформацию мирового порядка в качестве одной из причин упадка классической «шведской модели». Однако в том, что к 1990 годам социально-политический курс социал-демократов пришёл в упадок, повинна, прежде всего, сама СДРПШ. По убеждению Рюнера, социальные противоречия фордизма проявились в стране ещё в 60-х годах XX века. Две характеристики фордистского экономического развития были особенно важны в провоцировании кризиса: обобщение отношений заработной платы и рационализация трудового процесса. Вместе они создали проблему для существующей корпоративистской системы по части правильного представления труда. Они стали неадекватными в

воспроизведении легитимности и моральной экономики. С одной стороны, это объяснялось пересмотром значения моральной экономики и включением гендерного равенства, индустриальной демократии и регионального экономического баланса. С другой стороны, существовали сложности в поддержании скоординированной системы переговоров о заработных платах в 1960-х годах. Наконец, тейлористское разделение замысла и исполнения в совокупности с экспансией государства всеобщего благосостояния привели к образованию большой прослойки «белых воротничков». Учитывая шведскую дифференциацию профсоюзного движения на ЦОПШ («голубые воротнички») и КПС (Шведская конфедерация профессиональных служащих) и Профсоюз работников с высшим образованием результатом стало дробление переговоров по заработной плате. В 1960-х годах это разделение начало создавать координационные проблемы. Оно усложнялось тем, что представители «белых воротничков» не поддержали в начале 1970-х годов принцип политики солидарных заработных плат. Зато это сделали феминистские организации, отстаивавшие не только уравнивания доходов между мужчиной и женщиной, но и большей интеграции слабого пола в трудовую сферу.

Правительство отреагировало на требования подобающим образом, но меры не оказались функционально совместимыми с изменением экономических условий. К концу 1970-х годов шведов охватил кризис накопления капитала, который самым худшим образом повлиял на корпоративистскую систему внутри страны. Дальнейший ход событий известен. ОРШ предприняла меры по выходу из переговорного процесса. Важно, однако, не это. Важно то, что вместо использования государственного аппарата для противодействия структурной власти капитала, социал-демократическая экономическая политика следовала новым нормам и намеренно усиливала её.

Судя по исследованию Рюнера, у социал-демократов не было иного выхода, как идти по такому пути. Несокрушимая инфляция в сочетании с низкими процентными ставками разрушили институциональный потенциал Центрабанка по части нормирования выдачи кредитов и контролю денежных потоков. Образовался избыточный спрос на долги, что не могло сдерживаться. Так появился «серый» кредитный рынок за пределами системы банковского регулирований в конце 1970-х годов. Но дальнейшие финансовые инновации ещё больше усугубили ситуацию. Таким образом, правительство обратилось к международно определяемым процентным ставкам и соблюдению дисциплины через баланс ограничения платежей.

И, наконец, последнее исследование, достойное внимания в связи с темой упадка социал-демократического концепта «народного дома» было проведено в 2011 году профессором Лундского университета, Андерсом Бергом. В отличие от предыдущих двух исследователей он фокусирует внимание на институциональном развитии страны, чьё процветание, экономические успехи и эгалитаризм следует связывать с хорошо функционирующими капиталистическими институтами. Что касается падения «шведской модели», то в этом вопросе он придерживается той точки зрения, что существовали как экономические, так и политические ошибки. В отличие от Рюнера, он не склонен списывать проблемы Швеции только лишь на существовавшие противоречия «фордистского общества». Напротив, слишком много актеров, по заявлению Берга, осуществляло ошибочные действия не в том направлении в шведской экономике [5, с. 15]. Это, например, касается значительно большего увеличения затрат на политику на рынке труда, чем это мог позволить рост производительности. Или же высокие предельные налоги, обернувшиеся неэффективностью ввиду появления уклонистов от их уплаты.

Однако, по мнению Берга, и некоторые политические институты также внесли свой вклад в кризис «шведской модели». Он допускает, что уменьшение срока пребывания правительства у власти до трёх лет в 1970-х годах способствовало скоротечности в политике, так как каждое правительство было осложнено либо недавним назначением, либо предстоящими выборами. Ко всему прочему, у местных политиков понизился стимул к реализации политических программ из-за отсутствия должного внимания к политической обстановке на местах. Увеличение мест в парламенте до 350 членов косвенно также оказало влияние на политику. Из-за того, что на выборах 1973 года места в нём были поделены поровну между двумя оппозиционными блоками, решения принимались по жребию. То есть, от предсказуемости и рационализма шведская политика в тот период перешла к чехарде в принятии решений.

В целом же, для А. Берга неспособность Швеции поддерживать себя на должном уровне не является чем-то удивительным. «Для страны, – пишет Берг, – тяжело поддерживать высокие темпы экономического роста, когда это одна из богатейших стран мира. Страны беднее могут имитировать технологии более благополучных, учиться на ошибках других и пропускать некоторые технологические фазы» [5, с. 15].

Подводя итог, отметим, что ни один из выше представленных исследователей не подвергает сомнению факт изменения шведского социально-политического курса к концу XX столетия. Обобщая ими высказанные мнения, можно сделать вывод, что разложение «шведской модели» не может быть охарактеризовано односторонне. В среде отечественных учёных это событие часто сводится только к структурным проблемам экономики и глобализации (Евдокимов, Кхалед; Мартынов; Плевако) [2, с. 164-171], а в редких случаях игнорируется (Антюшина) [1, с. 132]. Таким образом, шведский вариант государство благосостояния в России понимается как неизменно развивающаяся модель, которая в начале 1990-х годов

преодолела более масштабный экономический кризис и адаптировалась к новым реальностям. В действительности, ситуация обстоит немного иным образом.

Сейчас уже трудно говорить о функционировании «шведской модели». Правлению социал-демократов была присуща определённая логика, выработавшаяся в ходе переосмысления таких традиционных вещей, как: равенство, социал-демократия или, например, договорная система, которая, вообще говоря, в той или иной степени существовала и в других развитых западноевропейских демократиях. На почве этой логики строилась национальная модель управления, которая время от времени проверялась на прочность рецессиями. Поэтому очередной спад в экономике не был чем-то непривычным для шведской политической элиты. Другое дело, что события начала 1990-х годов указывали на системный кризис, корни которого уходили, с одной стороны, в несовершенство фордистского общества, а, с другой стороны, в неправильные политические решения со стороны СДРПШ. Б. Ротштайн, А. Берг и М. Рюнер указывают на разные партийные проступки, но, в целом, именно они и определили судьбу «шведской модели». Желание руководства страны неизменно поддерживать высокий экономический рост, полную занятость и универсалистский характер социального государства обернулось нарушением доверия внутри системы переговорного процесса и игнорированием глобальных экономических изменений. Как показывает практика, социал-демократам следовало бы идти навстречу этому процессу, а не искать способы удержания социального благополучия в стране. Впоследствии ведь «неолиберальная глобализация» проявилась и без вмешательства СДРПШ, но в более жёстком виде, чему местные политики не могли препятствовать ввиду отсутствия новых идей и по той причине, что проводимая ими политика разрушила взаимоотношения между заинтересованными сторонами. Проще говоря, социал-демократы не имели ни политической программы, ни основания для её реализации.

В дополнение к этому, шведское общество устало от однообразия предлагаемых государством социальных программ.

Как итог, падение «шведской модели» стоит связывать с ошибками политического характера, из которых, далее, проистекали структурные проблемы экономики и все остальные трудности. Вероятно, именно в этом кроются причины столь тяжёлых для Швеции последствий экономического кризиса и глобализации. С другой стороны, как показано шведскими учёными, и они были преодолены, несмотря на то, что концепция социального государства лишилась своего изначального содержания. В этой связи, не совсем корректно утверждать о неизменности социально-политического курса Швеции, но стоит разобраться, чем современное шведское государство отличается от предыдущего социал-демократического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антюшина Н. М.** Шведская модель: из прошлого в будущее, М.: Рус. сувенир, 2008, 132 с.
2. **Евдокимов А.И., Кхалед Ю.** Швеция в системе мирового хозяйства, СПб.: 2007, 133 с.
3. **Мартынов В. А.** Шведская модель современного постиндустриального развития: новые проблемы и характеристики социального развития, М.: ИМЭМО, 2006, 80 с.
4. **Плевако Н.С.** Шведская социал-демократия и вызовы времени // Социал-демократия в современном мире, М.: Ключ-С, 2010, с. 164-171
5. **Bergh A.** The Universal Welfare State: Theory and the Case of Sweden // Political studies: 2004, vol. 52, p. 745–766
6. **Bergqvist C., Lindbom A.** The Swedish Welfare State: Neo-liberal Challenge and Welfare State Resilience // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft, Wien, № 4, 2003, pp. 389-400
7. **Esping-Andersen G.** The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990, 260 p.
8. **Lindvall J., Rothstein B.** Sweden: The Fall of the Strong State // Scandinavian Political Studies, Vol. 29, 2006, № 1, pp. 47-63
9. **Lindvall J., Sebring J.** Policy Reform and the Decline of Corporatism in Sweden // West European Politics, Vol. 28, No. 5, 2005, p. 1057 – 1074
10. **Myles J., Quadagno J.** Political Theories of the Welfare State // Social Service Review, Vol. 76, № 1, 2002, pp. 34-57

11. **Palme J., Bergmark Å., Bäckman O.** Welfare trends in Sweden: balancing the books for the 1990s // Journal of European Social Policy, London, Thousand Oaks and New Delhi, Vol. 12 (4), 2002, p. 329–346
12. **Rojas M.** Beyond the Welfare State. Sweden and the Quest for a Post-Industrial Welfare Model, Stockholm, 2001, 135 p.
13. **Rojas M.** Sweden after the Swedish Model. From Tutorial State to Enabling State, Stockholm, 2005, 93 p.
14. **Rothstein B.** Den svenska modellens uppgång och fall – en essä // Statsvetenskaplig Tidskrift 1998, årg 101, № 1, s. 41-49
15. **Ryner M.** Neoliberal Globalization and the Crisis of Swedish Social Democracy // Economic and Industrial Democracy, Vol. 20, 1999, p. 39-79

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 1(091)

И. Д. Осипов

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ И ПРАВА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (К 20-ЛЕТИЮ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ)

В 2013 году отмечается 20-летие современной российской Конституции. В этой связи стоит обратиться к истокам конституционного процесса в России. В дореволюционной отечественной философии обсуждались различные социальные проблемы: отмены крепостного права и построения бессословного общества, создания правового государства и обеспечения социальной справедливости и защиты прав человека. Эти проблемы были тесно связаны с конституционным процессом в Европе, где идея конституции осмысливается в рамках концепций разумного устроения общества, теории государства общего блага, принципов разделения властей, демократии и гражданского общества. При этом необходимо разграничить юридические стороны государственного управления и его базовые положения, которые имеют универсальный характер и те положения, которые связаны с образом жизни и менталитетом различных народов. Они влияют на содержание конституционного процесса, на темпы и на юридические формы конституционализма. В конституционализме отражается политическое, социальное и правовое единство народа, степень его моральной зрелости и целостность государства. Принципиальным в этом контексте является и право народа на изменение своей конституции, юридический механизм которого также оговорен в

Основном Законе государства. Как писал выдающийся русский юрист и философ права Б.А. Кистяковский: «если каждый гражданин должен способствовать всевозможным успехам своего отечества, то представители власти должны, прежде всего, заботиться о внешнем и внутреннем престиже и авторитете государства [1].

Рассматривая философские основания российского конституционализма можно сказать, что уже в XVIII столетии в России присутствовали две главные философии конституционализма:

- конституционализма, политически и юридически ограниваюшего верховную власть, целью которого является защита интересов той либо иной социальной группы;
- конституционализма, исходящего из доверия к верховной власти. В этом случае Конституция понимается как основной Закон государства в целях защиты общего блага.

Первая версия характерна для кондиций Анны Иоанновны января 1730 года, ограничивающих её власть в пользу Верховного Тайного совета, в который входили представители родовой знати Д.М. Голицын, В.Д. Долгорукий, А.Д. Меншиков, А.И. Остерман, канцлер Г.И. Головкин. Кондиции представляют собой первую, юридически оформленную попытку ограничения самодержавия в русской истории. Без согласия Верховного Тайного совета монарх не мог начать войну и заключать мир, определить размер государственных налогов; устанавливался контроль над расходованием государственных средств, назначением на важные военные и гражданские посты. Императрица обязывалась «у шляхетства живота и имения и чести без суда не отнимать, вотчины и деревни не жаловать, в придворные чины, как русских, так и иноземцев не производить, а также «в супружество всю жизнь не вступать и наследников не определять и Верховный Тайный Совет всегда содержать». Во многом кондиции были составлены на основе «формы правления» Швеции, с которой был хорошо знаком Дм. Голицын. Фактически кондиции приводили к установлению в России

аристократического правления с ограниченной монархией и были аннулированы Анной Иоанновной 28 февраля 1730 года. Следует подчеркнуть, что противниками кондиций выступили люди, в частности, В.Н. Татищев и Ф. Прокопович, которые понимали, что для России более опасным является аристократическое, клановое правление, нежели самодержавие. Олигархическое правление приводит к разделению государства, в то время как самодержавие защищает безопасность всего общества. И вообще лучше подчиняться одному, нежели многоголовой и ненасытной гидре аристократии.

Второй вариант конституционализма представлен в «Наказе Комиссии о составлении проекта Нового Уложения» (1767) Екатерины Великой. В документе высказаны принципиальные мысли о социально-экономических, политических, моральных и юридических основах российского общества и государства. В нём присутствует тезис о верховенстве законов, подчеркивается важность частной собственности и «вольной торговли», гражданской свободы, необходимость гуманного правосудия и юридического просвещения народа. Императрица отмечает: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» [2]. Целью законов является объединение людей и достижение общего блага, это все те установления, которые ни в какое время не могут перемениться. По существу эти и есть конституционные законы. В этой связи большое внимание было уделено формулированию принципа самодержавно-правовой монархии в России: «самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя». Принципиально то, что согласно императрице судебная власть должна быть в основном самостоятельной.

Особое место в «Наказе» занимают положения о вольности граждан, которая есть «право делать всё то, что законы дозволяют». Государственная «вольность во гражданине есть спокойствие духа происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностью; и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть

закону такову, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» [2, с. 76]. В последующих положениях тема вольности гражданской дополняется и уточняется. В подготовительных записках к «Наказу» содержалась важная установка, которая если бы была принята и получила своё дальнейшее развитие, могла бы существенно преобразовать всю государственную и социально-экономическую жизнь страны. Речь шла об отмене крепостного права. Записки предлагали и механизм освобождения крестьян: при продаже земель все крепостные с момента покупки их новым хозяином становились свободными. Правда, в окончательную редакцию «Наказа» эти положения не вошли; в политике императрица руководствовалась практическими соображениями сохранения своей власти и идеологией государственного патриотизма.

Во второй половине XVIII века в русской философии развитие конституционализма продолжено в двух формах: либеральной и радикальной. Первая линия представлена Я.П. Козельским. В его работах в отличие от Монтескье на первый план выдвигается не географический, а этнический фактор: политика должна учитывать этико-антропологические факторы — темперамент людей, их представление о добре и зле. Политика тесно связана с этикой, и критерий развития законодательства состоит в содействии добродетели и пристойности.

Для А. Н. Радищева конституционализм тесно связан с идеями общественного договора, естественного права человека и демократии. Так в работе «О законоположении» он дает формулировку закона: «Закон постановляется для того, чтобы, гражданин, в обществе живущий, ведал, в чем состоят его права и обязанности, чтобы знал, что есть дозволено и запрещено»[3]. И далее предлагает исследовать все обстоятельства нарушения закона, изучить виды нарушенных прав, способы уклонения от закона, и особо изучить «для чего бесхитростность и невинность иногда имеют вид злонамерения». Он

также называет такие причины нарушения законов как их неясность и неточность исполнения. В этой связи он особо выделяет преступления градоначальников и судей и перечисляет преступления начальства: превратное истолкование законов, проволочки в делах, «лицеприятие», мздоимство, злоупотребление властью.

Философ разрабатывает первый проект «Гражданского кодекса» для России, в котором формулируется принцип равенства всех перед законом. Интерес вызывают особые мнения, высказанные мыслителем в Комиссии по составлению законов, в частности, по поводу проекта закона «О ценах за людей убиенных», где обсуждался вопрос о возмещении помещикам убытков за убитого крестьянина. По мнению Радищева, «цена крови человеческой не может быть определена деньгами»[3, с. 248], и вопрос об удовлетворении исков относится к родственникам убитого, а не к помещику, «терпящие от убиения человека должны быть на попечении общества того селения или города, к которому убиенный принадлежит». Примечательно также мнение Радищева о другом законопроекте: о праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника. Он предлагает дать подсудимому право выбора «для совета кого он хочет, а если нет таковых, то дать ему советчика от суда, дозволить ему отвергать всех судей, не называя причин, дозволить на выбранных судей подавать жалобы; решение в уголовных делах производить не по большинству голосов, но или единогласно или двумя третями голосов, а также выдвигать иск к судьям в недружбе и проволочке».[3, с. 249-250] Сделанные им предложения закладывали основы правовой монархии в России, предоставляя крестьянам гражданские права.

Особый интерес вызывает вопрос об отношении Радищева к революции. Он сложен, поскольку связан с соотношением либеральных и революционных идей в его творчестве. Так в «Путешествии» с сочувствием приводятся примеры выступления крестьян против помещиков-тиранов, исходя из природного права человека на самозащиту. В поисках выхода из сложившейся в России

тяжелой социально-экономической ситуации он обращается, прежде всего, к просвещенному дворянству, полагая, что только оно способно изменить положение в обществе. При этом Радищев предупреждает дворян о возможной перспективе бунта крестьян, а помещиков-тиранов он хотел «посрамить, а не меньше и навести страх».

Идеи конституционализма получили своё продолжение в XIX — начале XX вв. Важную роль в становлении либерального конституционализма сыграл М.М. Сперанский. Он выступал за вертикальное и горизонтальное разделение властей и верховенство права, но со спецификой, учитывающей реальные условия развития России. К этим условиям относились: этика права и власти, сохранение личных свобод в сфере экономики, защита частной собственности, а также юридическое просвещение народа, разработка общегосударственного Свода Законов. Специфика политической концепции Сперанского заключалась в том, что он не сомневался в неограниченности самодержавного правления, и вместе с тем выступал за фактическое и добровольное самоограничение власти самодержца. В этом случае пределы власти должны были быть установлены самой властью «извне государственными договорами, а внутри словом императорским и должны быть для него непреложны и священны». Политическим идеалом философа выступала дворянско-буржуазная монархия, сочетающая сильную единую власть и развитое законодательство, закрепленные права и свободы граждан, равенство всех перед законом. Сперанский конкретизирует главное назначение конституционного государства: а) «Законы существуют для пользы и безопасности людей им подвластных», б) «Общий предмет всех законов, есть учредить отношения людей к общей безопасности людей и имущества».

Принципиальное значение для Сперанского имела также постепенность конституционного процесса в России. По его мнению: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному

вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может иметь все способы дать ему самые правильные формы» [4].

Конституционализм получил своё развитие в идеях «оппозиции его величества». При Александре Первом разрабатывается под руководством сенатора Н. Новосильцева «Государственная Уставная грамоты Российской империи», своеобразный проект Конституции. В ней предусматривалось создание федеративного устройства, сейма из двух палат, устанавливались свобода личности, печати, равенство граждан перед законом. Всё это сочеталось с сохранением самодержавия и крепостного права. В «Конституции» декабриста Н.М. Муравьева утверждаются положение о конституционной монархии, принципы свободы слова, печати, вероисповеданий, равенства всех граждан перед законом. При этом законодательный орган должен был быть выборным, но для его избирателей предусматривался высокий имущественный ценз.

В рамках либерального конституционализма профессор Московского университета Б.Н. Чичерина развивал концепцию правовой монархии. Сущность государства для него – самодержавие. Признаками государства являются централизация и разграничение частного и публичного права. Государственное право отлично от гражданского тем, что в последнем лицо рассматривается в частной сфере, и здесь действуют договорные отношения. Между тем в государстве общество составляет единое целое, и подданный подчиняется правительству, выражающему единую волю, не на основе договора, а на основе закона. Специфика русского государственного быта – в закономерном развитии русского народа от периода родовых отношений к государственным формам и в активной роли государства в процессе создания общественных элементов – обособленных частных союзов. Для Чичерина государственное начало, «составляющее плод народного самосознания», есть не цель, а средство. Целью же является сохранение прочного и эффективного

государственного устройства без вмешательства государства в сферу экономики. Философия права Чичерина исходила из единства свободы и власти и формулировала идеал «свободного человека в свободном обществе» и «уравновешенной демократии». В статье «Конституционный вопрос в России» (1878) он писал: «Из самого существа дела» вытекает и то, что для России идеалом представительного устройства может быть только конституционная монархия. «Водворение гражданской свободы во всех слоях и на всех общественных поприщах, независимый и гласный суд, земские учреждения, наконец, новая в России, хотя и скудная еще, свобода, всё это части нового здания, естественным завершением которого представляется свобода политическая»[5].

Наконец, в рамках либерального направления необходимо назвать концепцию П.Б. Струве, которая строилась на постулате сохранения «Великой России». Для него конституционализм был тесно связан с патриотизмом, признанием приоритета государственного начала и защитой личных прав и свобод.

П.Б. Струве, Н.И Кареев, С.А. Муромцев, В.И. Герье, М.М. Ковалевский, В.И. Вернадский, Е.Н. Трубецкой внесли весомую лепту в создание конституционно-демократической партии, которая и выработала российскую конституцию начала XX века. Отметим также, что мыслители данного направления позитивно относилось к европейскому опыту конституционализма, считая его необходимым для создания российских законов.

Другая точка зрения на конституционализм представлена в консерватизме во взглядах М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, Л.А. Тихомирова, К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, П.А. Столыпина, И.А. Ильина. Ключевой для консерватизма была ценность государственного порядка и власти, поэтому для него было характерно отрицание конституции, ограничивающей государственную власть. Философия консерватизма делала упор на традициях, обычаях и моральном содержании права, единстве церкви и государства во

внутренней политике, вопросах воспитания и образования, она отрицала демократию и правовое государство в западноевропейском варианте его развития. Для консерватизма была характерна критика формализма конституции; так И.А. Ильин противопоставлял «писанным» конституциям монархию, основанную не на сознательно-рассудочном толковании государственности, а на иррационально-интуитивном ей восприятия, как выражении духа народов, «не людьми а Богом даруемого». В рамках этого подхода важное место заняла разработка проблемы формирования правосознания российского общества и преодоления правового нигилизма.

При этом консерватизм допускал функциональное разделение властей, но при сохранении доминирующей роли самодержавия в государстве. С этой точки зрения права человека, демократия и суд подчинялись принципам государственного права. В целом консервативный конституционализм подчеркивал необходимость сохранения государственного единства в России, традиций, быта и религиозных устоев в обществе. Поэтому закономерна критика консерваторами Манифеста 17 октября и Основных Законов 1906 года.

Принципиально иной взгляд на конституционализм представлен в народничестве и марксизме. Философии права А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского были присущи критика формализма конституционного права, а также социальный эгалитаризм и этика социальной справедливости. Согласно Герцену, не следует копировать политические формы Запада; общественный государственный строй в России будет установлен органически на основе национальных начал: общины объединяются в области, которые составят конфедерацию с выборными и подотчетными населению органами управления снизу доверху. Законы буду установлены в соответствие с местными обычаями и потребностями, включая и те демократические права, которые зафиксированы в конституционных документах Запада. В целом в русской демократической и социалистической мысли прочно утверждается

убеждение, что проблема конституционализма не может быть свободной от социально-экономического контекста эпохи.

Однако закономерное сомнение в возможности формального конституционализма в России конституционных начал зачастую приобретало в народничестве крайние формы и доходило до нигилистического отрицания государства как у М. А. Бакунина и С. Нечаева или же превращалось в доктрину революционаризма. Так А.И. Герцен считал революцию неизбежным действием, направленным на решение внутренних противоречий общества. Ответственность за результаты революций он возлагал на меньшинство, которое представлял как социальную группу, осознавшую свою задачу и предназначение. «Виноват ли гений, что он выше толпы, виновата ли толпа, что она его не понимает?» [6] — спрашивает А. Герцен. И сам отвечает: в трагическом разрыве героя и толпы не виноваты ни он, ни она. Отдельные личности несут определенные идеи, которые создаются ими в результате взаимовлияния личности и его группы в частности, и всем обществом в целом.

Подводя итог рассмотрению дореволюционного конституционализма в России, следует признать, что названные концепции различны в своих аксиологических основаниях, что и проявилось в масштабных политических конфликтах. Необходимо также отметить и низкий уровень политического и правового сознания дореволюционного общества, правовой нигилизм власти, интеллигенции и бюрократии. В обществе в тот период ощущался дефицит «нормального» (И.А. Ильин) правосознания, отсутствовало демократическое гражданское общество с необходимой правовой культурой. После октября 1917 года всякое движение к правовому государству было остановлено. Советские конституции формально декларировали демократические права и свободы, но по существу защищали систему классового и тоталитарного государства.

Современная российская Конституция является результатом разумного компромисса различных социальных ценностей, имеющих

прямое отношение к базовым принципам конституционализма. В ней провозглашаются либеральные ценности естественных прав и свобод человека и гражданина, утверждены доктрина правового государства, разделения властей, демократии и гражданского общества. Либеральные ценности конституции выражены и в представлении о культурном плюрализме общества и свободе выбора в политике, экономике, духовной сфере, а также защите частной жизни человека и частной собственности.

Российская Конституция включает также и нормы социального государства, выражает идеалы социальной справедливости. В ней сохраняются право на труд, жилье, социальное страхование, что подчеркивает её связь с социальной философией права и социальным правом.

Наконец, в нынешней Конституции присутствует и консервативная составляющая сохранения единства и целостности сильного российского государства при утверждении принципа федерализма и исторических традиций народа. Консервативными можно назвать и положения, в которых учитываются историко-культурные особенности развития российской социальной и духовной культуры. Г.А. Гаджиев пишет: «Таким образом, «чтя память предков» как сказано в преамбуле Конституции РФ, имея традиционный набор рафинированных либеральных конституционно-правовых ценностей, в Конституции есть место и для традиционализма» [7]. По его мнению, современная российская политическая философия и само российское географическое пространство взывает к централизованному типу организации Власти, к сочетанию ценностей частного и индивидуального, не забывая при этом сложившиеся традиции уважения коллективного и государственного начала [7].

Российская конституция обладает определённой гибкостью в выборе возможной реакции на развитие социальных отношений и является её важным преимуществом. Объективно это создает условия

в рамках государственного конституционализма для сочетания деятельности свободной и социально ответственной личности и существования прочного государственного порядка в России. Данная идеология ставит своей целью укрепление демократического, конституционного характера государства – «борьбу за конституционализм», что требует сохранения общественного спокойствия, стабильности и безопасности государства. Конституционализм ищет такую форму защиты прав человека, которая не подорвет безопасности государства: права личности могут быть ограничены только законом и в том случае, если ими злоупотребляют. Лозунгом такого государства выступают патриотизм, инновация и ответственность. Исходя из этого, принципиальным является сохранение тех норм конституции, которые позволят, «борясь за конституцию» вместе с тем, учитывать и социальные новации, обновляя сам конституционный процесс. Терпимое сосуществование является самой мудрой конституционной позицией, но не менее существенным является и право личности на выражение собственной позиции.

Важным является в этой связи свободное и демократическое обсуждение различных социальных проблем, открытость и гласность, которые позволяют интегрировать общество и создавать в нём ценностное согласие. Единство в различии с конституционной точки зрения – это сложный процесс взаимопонимания, основанный на признании базовых ценностей общества всеми сторонам конституционного дискурса. Очевидно, что при этом требуется настойчивая и кропотливая выработка культуры конституционализма, утверждение конституционного общественного сознания. Конституционный процесс предполагает поэтапное и неуклонное совершенствование политической системы за счет обогащения практики принятия законов, создания новых политических институтов, а также формирования конституционного сознания общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кистяковский Б.А**. Философия и социология права. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998. – С. 564.
2. Императрица Екатерины II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. – С. 75.
3. **Радищев А. Н.** Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1952. – С. 145.
4. **Сперанский М. М.** Руководство к познанию законов / под ред. И. Д. Осипова. СПб.: Наука, 1992. – С. 342.
5. **Чичерин Б. Н.** Философия права / под ред. И. Д. Осипова. СПб.: Наука. 1998. – С. 508.
6. **Герцен А. И.** С того берега // Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 6. М., 1955. – С. 80.
7 **Гаджиев Г. А.** Онтология права. Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Инфра-М. 2013. – С. 182.

УДК 351/354

О.К. Павлова

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Исторические традиции благотворительности формировались и воспитывались со времен Древней Руси под воздействием условий жизни и большой роли веры, христианства, церкви. Еще в дохристианский период формировался самобытный, милосердный характер русского человека. Принятие Русью христианской веры оказало значительное влияние на развитие уже зародившихся ранее черт милосердия, сострадания и благотворительности. Неслучайно русский философ Н. А. Бердяев считал, что «душа русского народа формирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию» [1, с. 8].

Церковь через веру воспитывала стремление делать добро, помогать нуждающимся, но и сама стала центром милосердия в средневековой Руси. Забота о больных, сиротах, вдовах, престарелых являлась обязательной составляющей деятельности священнослужителей. Их примеру следовали и великие князья, которые относились к благотворительности как к важнейшей направляющей деятельности церкви и государства. В одном из первых законодательных актах – «Церковном Уставе», принятым князем Владимиром после крещения Руси, указывалось, что попечение и наблюдение за общественным призрением возлагалось на духовенство. На содержание монастырей, церквей, богаделен,

«пустынниц и странноприимниц» устанавливалась десятина, на эти же средства создавались учебные заведения для детей из знатных семей, средних состояний и неимущих родителей [2, с. 57].

История сохранила примеры соединения государственной, религиозной и личной благотворительности русских князей. Она выражалась, кроме прочих проявлений, например, в создании учебных заведений. Н.М. Карамзин, повествуя о деятельности Ярослава Мудрого, отмечает его заслуги в открытии на свои средства народного училища, где должны были обучаться триста юношей. Преподавание велось на основе духовных и гражданских знаний, необходимых для священников и княжеских детей. В целом благотворительность на Руси выражалась в различной помощи нуждающимся людям. По мнению В.О. Ключевского, «человеколюбие у наших предков было то же, что и «нищелюбие», и любить ближнего, прежде всего – накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице. Благотворительность считалась нужной не столько для благотворимых, сколько для благотворящих – для их нравственного здоровья, для поднятия уровня их нравственного совершенствования и как средство для обеспечения хорошего будущего в загробной жизни [3, с. 7].

Благотворительность и ее многостороннее проявление развивались вместе с государственным строительством, и были тесно связаны с этапами развития государства и государственными потребностями. Так, новым этапом в истории общественного призрения и благотворительности можно считать указ 1682 года, найденный и опубликованный в 1818 году известным историком благотворительности в России – А.Д. Стогом. Среди прочих положений о разделении нищих, их призрении, в документе отдельно рассматривался вопрос о нищих детях. Для них планировалось строительство дворов, где они могли обучаться грамоте и ремеслу. По желанию детей их отдавали в мастерские на учение к мастерам на дом. В организованных дворах детей должны были обучать наукам, в

том числе «цифирной», как наиболее важной и нужной для всех, особенно для купцов. Хотя этот указ практического значения не имел, так как за смертью Федора Алексеевича в 1682 году, он не был применен на деле. Однако в нем прослеживается идея царя воспитывать детей через обучение, привлечения их к труду.

К концу XVII века благотворительность в основном носила личностный и религиозно-церковный характер. Общественного призрения не существовало, а на государственном уровне существовали отдельные указы, отсутствовало четкое разделение между законодательством и благотворительной деятельностью правителей государства.

В XVIII веке государство активизировало свое влияние на все стороны жизни общества, в том числе на благотворительность в сфере образования. Известно, что Петр I с особым вниманием относился к развитию образования. Перенимая опыт Европы, царь считал нищенство, попрошайничество постыдным делом. Он издал множество указов, направленных на пресечение нищенства путем изучения причин оного и целенаправленной помощи со стороны государства, общества и частных лиц. На магистраты возлагалось обязанность борьбы с нищенством и организация обучения нищих детей. С этой целью учреждались школы при церквях и «где пристойно». В школах должны были обучать детей чтению, письму, арифметике и другим наукам. В школы принимались малолетние дети, особое внимание обращалось на детей неимущих, бедствующих родителей. Большое значение имела мотивировка Указа, данная царем: «…чтобы такие малолетние, а особенно бедных граждан дети, от которых вперед граду польза и вспоможение может быть, без обучения в непотребство и в какой-либо вред граду не возрастали» [4]. Петр I, проявляя заботу о будущем государства Российского, справедливо считал, что дети, получившие трудовые навыки, обученные каким-либо ремеслам, не только будут способны заработать себе на жизнь, но и принесут пользу государству.

Актуальная и поныне проблема обучение и воспитания малолетних детей путем привлечения их труду, для императора Петра была совершенно очевидна.

Не менее важным считал Петр I воспитание незаконнорожденных младенцев, о чем свидетельствует Указ от 1712 года, в котором особо выделена эта проблема. Далее следовали Именные Указы от 4 ноября 1714 г. и 4 ноября 1715 г., направленные на организацию специальных госпиталей при церквях для призрения незаконнорожденных детей. Там имелось специальное окно, куда можно было анонимно положить младенца [5]. Позднее был издан Указ от 1 февраля 1720 г., устанавливавший денежное жалование незаконнорожденным детям и их кормилицам, находившимся в московском госпитале. Из деятельности государства в лице царя становится очевидным, что поддерживая призрение и частную благотворительность, в том числе и собственным участием, были определены некоторые приоритетные направления. Среди приоритетных социальных направлений, нуждавшихся в особой заботе государства и общества, были воспитание и образование молодого поколения.

Во время правления преемников Петра I, существенные изменения относительно призрения и благотворительности в социальных вопросах, в том числе в области воспитания и образования не отмечаются. Однако некоторые указы представляют интерес. Так, в 1729 году Сенат издал Указ, распространявшийся на малолетних бродяг. Полиции, согласно указу, было поручено пойманных за бродяжничество малолетних детей, передавать для решения их судьбы в Коллегию экономии. Коллегия определяла детей на обучение и воспитание вместе с незаконнорожденными.

Существенные изменения в расширении и развитии благотворительности последовали при Екатерине II. Ее указ о создании Приказов общественного призрения в 1775 году, с одной стороны свидетельствовал об особом внимании государства к

социальным проблемам, а с другой – привлекал общество к участию в решении этих проблем. Приказ был призван заведовать и распоряжаться делами призрения и благотворительности. Приказы общественного призрения создавались во всех губерниях под председательством гражданских губернаторов и распространялись во все города России. В обязанности приказов входило открытие и содержание народных школ, сиротских домов и других учреждений социального назначения. Важным являлось определение финансовых источников приказов: государственный бюджет и местные средства, частные пожертвования. В том же, 1775 году, был создан еще один орган – при городовом магистрате образованы сиротские суды, сохранившиеся до 1917 года. Это сословные органы, ведавшие опекунскими делами вдов и сирот из купеческого и мещанского звания.

Продолжая политику Петра I, Екатерина II неоднократно обращалась к вопросу о воспитании и обучении детей оставшихся без родителей. В этой связи уместно вспомнить о деятельности И.И. Бецкого, создавшего проект способствовавший облегчению участи детей. С этой целью предполагалось создать новые учебно-воспитательные учреждения для подготовки и расширения среднего сословия России. На основе этого проекта были открыты Воспитательные дома, первый из них в Москве в 1763-1764 годах. Основной капитал этого учреждения состоял из личных средств императрицы и ее наследника. Число Воспитательных домов росло. Примеру императрицы последовали И.И. Бецкой, князь Д.А. Голицын, и особенно П. Демидов. Круг деятельности воспитательных домов был достаточно широк. Под руководством Воспитательных домов благотворители, называвшие себя попечителями, оказывали помощь в определении судеб подкидышей, заботились и сиротах, детях неимущих родителей.

Важнейшей социальной задачей общественного призрения считалась – просвещение нации. Екатерина II, считая себя просвещенной императрицей, проявляла интерес и определенную

заботу о просвещении нации. Во время ее правления увеличилось число учебных заведений различного уровня. Одной из важнейших проблем развития обучения являлась нехватка средств, поиски которых шли в разных направлениях. Так, для сбора средств на содержание народных училищ императрица приказала отпустить по десять тысяч рублей из собираемых городских доходов при Санкт-Петербургском порте. Для «девиц благородного звания» по инициативе императрицы в 1764 году при Воскресенском монастыре в Петербурге было открыто специальное учебное заведение.

Государство, не обладавшее достаточными средствами для содержания Воспитательных домов и других учебно-воспитательных учреждений, поддерживало и стимулировало частную инициативу. Например, дворяне за пожертвование 600 рублей в пользу Воспитательного дома получали чин камергера от Коллегии, а за пожертвование одной тысячи рублей им присваивался чин комиссара Коллегии. Людям недворянского происхождения, пожертвовавшим не менее 25 рублей, выдавался «соответствующий вид от Опекунского совета». Информация о фактах подобной благотворительности публиковалась в ведомостях и на страницах периодической печати. Сумма пожертвований, внесенных различными лицами в течение пятнадцати лет с 1765 по 1780 годы, составила 43.250 рублей.

Таким образом, организуя и систематизируя общественное призрение, Екатерина II в немалой степени заботилась о создании и развитии воспитательно-образовательной сферы. На эти цели она направляла часть своих капиталов, средства казны и частных пожертвований, различными способами стимулируя это благородное дело.

Ее сын и преемник, император Павел I, своеобразно решил проблему развития призрения и благотворительности, определив своим Указом Сенату от 2 мая 1797 года начальство над петербургскими и московскими воспитательными домами своей супруге – императрицы Марии Федоровне. В результате было создано

Ведомство учреждений императрицы Марии. Ранее императрица приняла в свое ведение единственный в России того времени женский институт «Воспитательное общество благородных девиц» [6]. Впоследствии это ведомство заняло ведущее место в области общественного призрения, в частности в развитии воспитательно-образовательных учреждений.

В результате многочисленных изменений в структуре управления приказами общественного призрения в период правления императора Александра I, последние были подчинены в 1819 году Министерству внутренних дел. Было увеличено финансирование со стороны государства приказов общественного призрения, а также привлечены к их деятельности и дополнительному финансированию общественные структуры и частные лица.

Исследователи вопросов призрения и благотворительности отмечают заметных подъем частной и общественной благотворительности в первые десять-пятнадцать лет XIX века. Небывалый патриотический подъем привел к активизации общества, в непреодолимом желании оказать возможную помощь нуждающимся. Особенно это проявилось в период Отечественной войны 1812 года. Вполне закономерно, что, прежде всего, было желание частных лиц и общества открывать больницы, богадельни и прочие лечебные заведения, дома призрения. Однако без внимания не оставались и учебно-воспитательные заведения. Так, тульское дворянство пожертвовало 80.000 рублей на Александровское училище для неимущих дворян. Московские купцы и мещане пожертвовали 75.000 рублей на Коммерческое училище, П. Г. Демидов пожертвовал более 320.000 рублей на Демидовское училище и другие университеты и гимназии, Тверское дворянство выделило 84.000 рублей на институт для воспитания благородных девиц. Гр. Ильинский пожертвовал 60.000 рублей на Романовский институт для обучения глухих и немых [7]. Эти примеры были отнюдь не единичные. Представители различных имущих слоев общества по разным мотивам стремились

вложить средства или оказать заметную помощь в деле общественного призрения и благотворительности, в частности уделяя значительное внимание учебно-воспитательным учреждениям.

Во времена правления Николая I (1825–1855 гг.) больше внимания в социальной политике государства уделялось борьбе с нищенством, заботе о военных, инвалидах войны и в меньшей степени – воспитательно-образовательным учреждениям. Император был убежден, что события 14 декабря 1825 года были следствием неправильной учебной системы. По мнению Николай I не было необходимости развивать общее образование, а преимущество должно иметь профессионально-сословное образование. Каждое сословие получает соответствующее его уровню мировоззрение и тот круг понятий, которые не должны выходить за рамки его повседневной деятельности [8]. Такая позиция царя повлияла на проводимую им политику. Появились новые учебные заведения, преимущественно для дворян, образовательные заведения для других сословий развивались медленно. Не ставилось целью образовывать неимущие слои населения – крестьянства, составлявшего около 70% населения страны, рабочих, пусть и малочисленный класс, но расширяющийся и развивающийся.

Общей проблемой для всех видов учебных заведений было отсутствие средств. Особенно тяжелым положение было уездных и городских приходских училищ. Следует отметить, что правительство не обращало внимания и практически не финансировало эти и подобные начальные учебные заведения. В основном они содержались за счет средств местного управления и благотворительности.

Как уже отмечалось выше, для XIX века, особенно со второй его четверти, было характерно открытие воспитательно-образовательных учреждений на благотворительные средства. Отчасти это можно объяснить заинтересованность предпринимателей в квалифицированных рабочих и специалистах, в развитии экономики

России, которой все в большей степени требовались грамотные работники.

К активной трудовой деятельности привлекались женщины, хорошо известно, что женский, равно как и детский труд, оплачивался ниже и был выгоден для владельцев предприятий. Поэтому на предприятиях создавались воспитательно-образовательные заведения для детей работниц. Так, в 1833 году на средства А.Н. Демидова в Петербурге был учрежден дом для призрения трудящихся, получивший название «Демидовский дом призрения трудящихся». Целью создания данного учреждения являлось предоставление бедным женщинам работы, обеспечение продовольствием. Для облегчения положения трудящихся женщин в 1837 году по инициативе попечителя Дома призрения И.Д. Черткова при Доме было устроено «убежище для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки». Позднее это убежище получило наименование «Образцовый приют барона Штиглица» в знак его значительной благотворительной деятельности в отношении приюта. Приют считался долгое время образцовым. В конце XIX века он имел четырехлетний курс обучения детей, который приравнивался к программе городских начальных училищ. Для воспитанников старших классов была устроена рукодельня, где могли усовершенствовать полученные ранее навыки бывшие воспитанники приюта [9]. Подобные учебно-воспитательные заведения были открыты как в столице, так и за ее пределами.

В 1838 году по указу императора был учрежден Комитет Главного попечительства детских приютов, который заведовал всем существовавшими и вновь возникающими приютами. Хотя инициатива создания Комитета исходила от центральной власти, реальная деятельность ложилась на плечи общественности и частной инициативы. Призывая общественность принять участие в расширении и устройстве приютов для малолетних детей, Комитет опубликовал

обращение, в котором говорилось: «Лица, желающие содействовать поставленной цели, могут присылать свои заявления и пожертвования в Высочайше утвержденный Главный Комитет для сбора пожертвований в пользу детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии (Санкт-Петербург, Казанская улица дом 7)» [9].

Таким образом, до середины XIX века, как правило, инициатива создания воспитательно-образовательных учреждений шла от государства. А частная и общественная инициатива шла навстречу царским указам и распоряжениям. Центральная власть часто стимулировала различным образом общественную и частную благотворительность, нередко перекладывая на нее развитие собственной инициативы.

Положение несколько меняется с середины XIX века. Реформы Александра II, быстрые темпы экономического развития, рост численности рабочего класса и другие обстоятельства требуют от государства и общества расширения и развития воспитательно-образовательной системы. В этот период постепенно при активном участии государства и общества формируется межведомственная многоступенчатая система образования, включавшая в себя учебные заведения профильного министерства, отраслевых министерств, учебные заведения религиозного подчинения. Большинство учебных заведений империи находились в ведении Министерства народного просвещения.

В конце XIX века активизировалась социальная политика государства в отношении детей. В 1891 году принято «Положение о детских приютах», на основании которого, впоследствии, на средства общества открывались приюты и попечительства в губерниях. Важную роль в развитии воспитательно-образовательной сферы принадлежала земствам. Информация о благотворительных организациях в этом направлении противоречива. Тем не менее, очевидно, что к концу XIX века в России формировалась

государственно-общественная система организации и руководства воспитательно-образовательной деятельности при привлечении частных и общественных средств для ее развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бердяев Н.А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.С.8.
2. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901.Т.1.Ч.1.С.57.
3. **Бадя Л.В.** Благотворительность и меценатство в России. Краткий исторический очерк. М., 1993.С.7
4. Полное собрание законов российской империи (ПСЗ). Т.VII. №4624.С.394-395
5. ПСЗ. Т.V. №2856. С.128-129; №2953. С.181
6. ПСЗ.Т.XXIV. №17952.С.604
7. **Соколов А.Р.** Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII- конец XIX вв.). СПб.,2006. С.232-233.
8. ПСЗ. Собр.II.Т.II. №1308.С.676.
9. Вестник благотворительности.1897. №7. С.72.

УДК 130. (9091): 39

Т. В. Ковалева

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЭТИКЕТНЫХ НОРМ В ЖИЗНЬ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЕГО РАЗВИТИЯ

Современное общество, сообщество, субкультура, группа людей, объединенных одной какой-либо идеей, неосознанно создает свой этикетный код, который определяет сущность взаимоотношений внутри каждой из этих групп. Благодаря этикету, как форме барьера, внешние факторы мало влияют на любую форму коммуникации внутри них. А внутренние механизмы этикета во всех своих проявлениях способствуют сплочению всех членов внутри этих сообществ. Таким образом, у этикета существует два назначения – объединять и разъединять. Этикет формируется постепенно, переходя из «нужного, полезного» в привычку, а потом в форму традиции. Большинство членов группы не задумываются, что, вступая в процесс коммуникации, действуют сообразно принципу: свой – чужой. Как только индивид нарушает какой-либо этикетный код (поведения, речи и т. д.), его оппонент моментально реагирует на это отступление и начинает идентифицировать и анализировать ошибку в своей кодовой системе. Жесткая матрица этикетных норм позволяет очень быстро считывать информацию о чуждом элементе в слаженной и стройной системе этикетных взаимоотношений. Процесс глобализации, как форма агрессивного объединения, вынуждает многие сообщества прибегать к тактике сохранения этикетной матрицы, чтобы избежать унификации. Этикет позволяет многим индивидам, объединившись во имя одной

цели (и идеологии в том числе), использовать его для сохранения самоидентификации, своей неповторимости. Этот процесс борьбы ярко проявляется в такой разновидности этикета как речевой этикет.

Речевой этикет в культурной традиции любого общества или сообщества является нравственной рефлексией на их взаимоотношения, мировоззрения и поступки. Он становится отражением повседневной жизни общества, упрощая ее с помощью установленных ими норм и правил. Этикет, как и мораль, является элементом жизни общества, который подстраивается под культурные, социальные и исторические условия. Несмотря на свое стремление к «долженствованию», этикет является живым организмом, который тонко реагирует на малейшие изменения в обществе. Однако при этом он становится маркером только данного культурного сообщества, четко проводя границы между своими и чужими.

На процесс формирования нравственной культуры русского дворянского общества значительное влияние оказывала западноевропейская этикетная традиция. Этика, прежде всего, речевая, отражала сложный процесс формирования нравственной культуры общества, норм, понятий, представлений. Речевой этикет способствовал выработке нравственного сознания, выстраивания ценностных приоритетов, повседневных поведенческих норм. XVIII век – это время становления новых социальных отношений, коммуникационных процессов, характеризующееся обостренной этической рефлексией, что связано было с выработкой отвлеченных понятий, этической лексики, терминологии. С петровских времен русское дворянское общество постоянно формировало культуру поведения через систему нравственного воспитания. Воспитание дворянина стало важным моментом культурной традиции общества, где основополагающая роль отводилась следованию нормам, установленным «дворянским кодексом чести». Еще в XVII в. Симеон Полоцкий в произведении «Вертоград многоцветный» обозначил моральные нормы поведения ребенка из благородной семьи. Название

стихов «Зависть», «Обличение», «Завет» и т. д. настраивали читателя на диалог с самим собой, на анализ своих поступков. Духовные наставления стали первым этапом формирования личности благородного человека. Достаточно вспомнить, что именно в XVIII веке в Словаре Российской академии фиксируется термин нравственность, А. П. Сумароков создает «кодекс чести дворянина». В своих статьях и стихах он обращается к «серединному» дворянству, поскольку сам относился к нему. Автор, используя особый жанр – сатиру, критикует нравственные изъяны общества, призывая обратить особое внимание на воспитание подрастающего поколения. Продолжая традицию морализаторства, Сумароков строит диалог с читателем, как систему коммуникации, в основе которой опять лежит духовная проповедь. Нравственные нормы поведения должны были стать отличительной чертой дворянина XVIII в. На их основе складываются различные формы общения между людьми, и именно они должны были стать консолидирующим моментом, который смог бы объединить столь разрозненное дворянское общество. Русское дворянское общество представляло собой многослойное сообщество людей с разным статусом, размером состояния, принадлежностью к группировкам и т.д. С появлением помещиков и обнищавших дворян разобщенность дворянского общества возросла. Очевидно, что был необходим общий свод правил поведения, который отражал общественные порядки, мировоззрение всех слоев дворянского общества.

Обычаи, правила вежливости формируются своей национальной культурой, но при этом могут быть заимствованы у других народов. Причиной такого заимствования может стать и общность культурных традиций, принадлежность к единому сословию, модные тенденции. XVIII век воплотил в себе все эти тенденции. К концу столетия русское дворянское общество ощущало себя уже частью мирового дворянского сообщества, в котором требования к поведению, речи, манерам перешли на высший уровень. Межличностная коммуникация

требовала жесткого соблюдения этикетных норм во всех сферах жизни. Культурные традиции, смешиваясь, вносили от себя новый элемент в космополитизм мирового дворянского общества. Так появлялись модные течения разновидностей этикетных норм, которые закреплялись в текстах через систему коммуникации. Французское и английское дворянские общества стали предметом подражания для русского дворянства. Французский язык становится маркером принадлежности к мировому сообществу дворян. Постепенно общекультурные правила этикета в России становятся непременным условием повседневного общения членов дворянского сообщества. Если в XVIII в. нормы и правила носили, скорее, рекомендательный характер, то уже в начале XIX в. они становятся жесткими этикетными требованиями.

Условия и причины смены кода 2-х языков – французского и русского

Филолог В. М. Блинохватова дает распределение сфер/ареалов употребления французского и русского языков в коммуникативном континууме. Языковое обеспечение ареала высших коммуникативных функций осуществляют русский и французский языки. Притом, что русский язык используется исключительно при написании официальных бумаг, писем, отчетов, прошений, обращений к высокопоставленным лицам. Очевидно, что в первой четверти XIX в. строгого закрепления этикетных норм за каждым из языков в сфере письменной коммуникации не существовало. Пушкин пишет письмо на имя императора Александра I на французском языке, но потом, сомневаясь в корректности использования французского языка, обращается к Жуковскому с советом: «Впрочем, да будет воля твоя, если покажется это непристойным, то можно перевести» [1]. В большинстве случаев вышеуказанный пример был для русского дворянского общества скорее закономерностью, чем исключением. Вяземский объясняет «неправильность языка» в случае перевода речи государя императора на русский язык тем, что французский язык вначале XIX в. выработал развитую базу канцеляризмов, с учетом развития социально-

политических и экономических отношений во Франции. Для российского общества «многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были *нововведениями в русском изложении. Надобно было над которыми призадумываться*» [2]. Все это приводило к тому, что многие не видели смысла особо стараться корректно излагать подобные фразы на русском языке, что приводило к полной или частичной интеграции французских слов или словосочетаний, которые составляли определенное семантическое поле, в русский политический лексикон. Однако закрепление канцелярской сферы за русским языком требовало перевода первоначально составленных текстов на французском языке на русский. Данное требование было продиктовано политическими соображениями, ведь русское государство должно было оставаться русским, несмотря на сильное влияние Франции и французского языка. Поскольку большинство дворянской молодежи должно было служить или по статской, или по военной службе, то неудовлетворение уровнем русского языка в данной сфере не могло не волновать их. Оно являлось катализатором многих идей о неком контроле за соблюдением правильности русской речи в пределах русского дворянского общества. А также выработки наиболее правильных эквивалентов французских политических терминов на русском языке. Эти языковые процессы способствовали укреплению позиций русско-французского билингвизма.

В XVIII в. некоторые слои общества, по словам Вяземского, использовали французский язык в качестве обращения, поскольку считали, что так «как-то почтительнее и вежливее». «Заговаривать по-русски казалось слишком запросто и фамильярно» [2, с. 432]. Начало следующего столетия эта традиция сохранилась. Вяземский вспоминает один из многочисленных случаев, когда князь Шкаликов впервые был представлен литератору Дмитриеву. Он обратился к Дмитриеву «mon general», хотя тот был человек не военный. Безусловно, это лишь частный пример. Выражение уважения в этом

случае является не только почитанием старости, но и почтением перед известным литератором. Ошибки на французском языке в обращении были более порицаемы, нежели на русском. «К ошибкам на отечественном языке оказывалось вообще более терпимости» [2, с. 432]. Вяземский объясняет это тем, что в России существовал недостаток в словарях, в хороших грамматиках и книгах. Русских учителей и воспитателей вообще не было. К середине XIX в. ситуация меняется в пользу русского языка, поскольку стало престижно говорить на русском литературном языке. В семье была возможность обращения на русском языке. Он использовался в обращении к людям старшего поколения, однако существуют некоторые отхождения от правил. Собственно, схемы очень условны, поскольку в каждом случае включается множество факторов выбора того или иного языка. Это и ситуативная сторона вопроса, этикетная, отношения между собеседниками, цель коммуникации, автоцензура и т. д. Обычно переход на русский язык мог происходить в сниженной бытовой ситуации или это снижение было сознательным.

Так обращение к дамам требовало педантичного исполнения этикета. Он предписывал мужчинам обращаться, вести разговор и писать письма к дамам только на французском языке. О. П. Козодавлев, министр внутренних дел, в письме к Д. П. Руничу пишет: «…я разумею переписку французскую гр. М., надв. сов. К. и г-жи Н…» [3]. На примере писем Пушкина к дамам можно определить этикетные нормы эпистолярного жанра. Первые письма, обращенные к женщинам, датируются 1824 годом. Собственно, здесь фигурирует только одна особа – княгиня В. Ф. Вяземская. Письмо к ней Пушкин пишет исключительно на французском языке. Следуя временной хронологи, можно обобщить все письма, написанные только на французском языке, как письма к дамам не из семейного круга. Принадлежность к семье позволяла мужчине обращаться к даме все так же почтительно, но на русском языке. Так, например, Пушкин в период ухаживания за Натальей Гончаровой пишет ей письма на

французском языке (письмо № 329 от … июня 1830 г.), с октября 1830 г. он переходит на русский язык. Это означало, что Н. Н. Гончарова стала его невестой. Невесте можно было писать по-русски, т. е. корреспондент мог уже отойти от высокого стиля, каковым он обязан был писать любой женщине, не состоящей с ним в семейном родстве. Это подтверждают письма Пушкина, написанные им П. А. Осиповой, А. П. Керн, В. Ф. Вяземской, Е. М. Хитрово, в этот же период времени, все они написаны им на французском языке. А.С. Грибоедов в письме к Булгарину описывает сцену объяснения в любви Нине Чавчавадзе. «… выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Venez avec moi, j`ai guelgue chose ávous dire!» (Пойдемте со мной, я хочу вам что-то сказать)» [4]. Этикетная форма передачи знаков уважения корреспондента дамам (не родственницам) через третьи лица, то есть через мужей или родственников, довольно четко давала понять, насколько близкие дружеские узы связывают их. Так А. Бестужев-Марлинский пишет письмо к князю Вяземскому на русском языке и лишь в конце делает приписку на французском: «P.S. Veullez bien, mon prince, de fairemes hommages à m-me Votre èpouse» (Благоволите, князь, передать мое почтение Вашей супруге) [5]. Это письмо от 18 января 1824г. демонстрирует читателю начало дружеских отношений между автором и Вяземским. Тогда как в другом письме, написанном им спустя год, речь письма становится более доверительной и указывает на то, что дружба между ними приобрела иной характер. Именно этот факт подтверждается тем, что Марлинский передает поклон жене Вяземского на русском языке. Такие тонкости в употреблении или отхождении от этикета раскрывают внутренний мир дворян, их культуру. Роман Л.Н. Толстого «Война и Мир» полностью построен на таких этикетных тонкостях, которые современному читателю недоступны, а, значит, многие причинно-следственные связи ускользают от него.

Однако среди них есть исключения, которые интересны с точки зрения отхода от этикета и проявления тенденций билингвизма.

Интересен и тот факт, что женитьба не давала право жениху, а потом и молодожену, на первых порах, обращаться в письмах к теще или дамам, из вновь породнившейся семьи, на русском языке. Пушкин пишет письма Н. И. Гончаровой, своей теще, на французском, и только в 1834 году он обращается к ней на русском языке.

«Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна,

Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал я в Ярополец; я бы имел и счастие с Вами свидеться... » (Около (не позднее) 25 августа 1834 г. Из Полотняного завода в Ярополец).

Дальнейшие письма его к теще написаны исключительно на русском языке.

Однако существуют исключения из правил. Так письмо Пушкина к своему брату О. С. Пушкину состоит из двух частей: в первой части письма Пушкин обращается к брату: «пиши мне по-русски, потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку», вторая часть, как бы вне логики родства, написана по-французски и адресована родной сестре. Значит обращение на французском языке намеренное, поскольку оно противоречит вышеуказанному заявлению и этикетным нормам родства. Исходя из вышеизложенного, можно сделать предположение, что содержание этой приписки на французском языке несет особую смысловую нагрузку. Она состоит, в основном, из осторожных вопросов. Выбранный высокий стиль письма подразумевает некую отстраненность и салонность. По вопросам ясно, что они давно не виделись (*Etes-vous de retour de votre voyage? quand revenez-vous à Pétersbourg? êtes-vous mariée, êtes-vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié?* – Вернулись ли Вы из путешествия? Когда Вы вернетесь в Петербург? Вы замужем или собираетесь замуж? Вы сомневаетесь в моей дружбе?), а выбор обращения на «вы» вообще говорит о том, что они могут быть в ссоре, тогда становится совершенно ясен выбор французского языка, как некого маркера дистанционного отношения Пушкина к сестре. Любопытен и другой случай выбора французского

языка Пушкиным в письме к брату Л. С. Пушкину (1822 г.) с обращением на «вы». В этом случае двойной отход от этикета должен был заставить оппонента отнестись к содержанию письма предельно серьезно. (*Les principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra coûter à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.* – Правила, которые я вам предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы вы могли их усвоить, не будучи к тому принужденными. Они могут избавить вас от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь вы услышите мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если речь идет о вашей жизни).

Существует еще два письма на русском языке, которые адресованы Пушкиным двум женщинам, которые не принадлежат его семье или семье его жены. Одно письмо адресовано кавалерист-девице Н. А. Дуровой от 19 января 1836 года, в котором он обращается к ней, как к мужчине «Милостивый государь Александр Андреевич?... ». Это один повод написать ей на русском языке, минуя этикетные предписания. Есть и вторая причина, по которой Пушкин пренебрег этикетом, это тот факт, что письмо имеет деловой характер. В нем речь идет о не дошедшей до Пушкина «Рукописи» Дуровой, и упоминается о крайней необходимости в ней. Это деловое письмо, выдержанное в этикетном стиле обращения к мужчине и коллеге по «литературному цеху». Подобно по характеру и письмо к писательнице А. О. Ишимовой. Из него становится ясно, что эта дама также и замечательная переводчица. Их связывает профессиональная деятельность, если так можно выразиться. Поскольку Пушкин стремился стать официальным писателем, который живет за счет продаж от своих произведений, то похвала уже признанного писателя является показателем того, что данная дама для него коллега и к ней можно обратиться, минуя этикетные правила.

Эти письма раскрывают этикетный билингвизм, а именно самые общие тенденции. В других письмах, как упоминалось выше, есть исключения, которые интересны с точки зрения исследования билингвизма. Если переписка с родными велась на русском в рамках повседневного общения, то переписка с друзьями так же имела подобный оттенок. Дружеская переписка с мужчинами позволяла сознательное снижение стилистики речи. Французский язык требовал изысканности речи, особенно холодной отстраненности. Письмо Дегильи от 6 июня 1821 г. было написано Пушкиным с использованием безличных конструкций, что позволяло создать максимальную отстраненность в отношении к оппоненту (*Il ne suffit pas d'être un J. F.; il faut encore l'être franchement. A la veille d'un foutu duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament.* – Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую. Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещание).

Этикет написания писем на французском языке требовал изысканных выражений, которые не могли выразить душевное состояние русского человека. Особенно тогда, когда его эмоциональное состояние требовалось выразить в более резких выражениях. Пушкин пишет так: «Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте» (письмо Н. Н. Гончаровой. Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Из Болдина в Москву). Еще один пример ярко иллюстрирует его слова. В письме к Наталье Николаевне Пушкин прерывает французский тест письма вставкой на русском языке. По характеру содержания становится ясно, что подобный тест можно написать только на русском языке. Он описывает ситуацию, которая произошла с ним в дороге. «Вы не по казенной надобности изволите ехать? – Нет, по собственной самонужнейшей. – Так извольте ехать назад на другой тракт. Здесь не пропускают. – Давно

ли? – Да уж около 3 недель. – И эти свиньи губернаторы не дают этого знать? – Мы не виноваты-с. – Не виноваты! А мне разве от этого легче?» (письмо Н. Н. Гончаровой. 18 ноября 1830 г. Из Болдина в Москву). Это подтверждает слова Пушкина из предыдущего письма. Но это касается только членов семьи. Для знакомых возмущенные письма должны были быть написаны на изысканном французском языке, нормы поведения требовали четкости и холодности тона и исключали любые прямые оскорбления. Это подтверждает письмо Пушкина, адресованное брату Льву Сергеевичу. В нем он дает наставления, как нужно вести себя в обществе, чтобы не уронить свою честь. «Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит;…» (письмо А. С. Пушкина Л. С. Пушкину от 4 октября 1822 г.).

Другой пример был взят из воспоминаний С. А. Прошина, воспитателя Павла I: «когда Государыня с Великим Князем по-французски говорить изволит, то называет его Monsieur le Grand Due, vous «Государь Великий Князь, вы», а, говоря по-русски, изволит ему говорить ты, тебе, батюшка» [6]. Хоть это и не эпистолярный жанр, а мемуарный, ситуация наглядно демонстрирует соотношение и позиции русского и французского языков. Французский язык для светского, этикетного обращения, а русский для бытового, даже сниженного до уровня простонародного – *батюшка*. Французский требует местоимение в вежливой форме – *вы*, а русский позволяет использовать обращение на – *ты*. Без сомнения, эпистолярный жанр более подвержен автоцензуре, чем мемуарный, поскольку последний ближе к разговорной речи. «Речь идет о существовании книжной языковой системы, связанной с письменными традициями и некнижной системой, связанной с обыденной жизнью» [7]. Существование смешанных текстов, когда письмо пишется сначала на русском, а потом на французском и наоборот, Успенский относит к процессу вытеснения одного языка другим или смешением их в тех или иных формах.

Утвердившаяся жесткая иерархия в языковой и культурной коммуникациях в последствии привела к отрицанию светского этикета, как единственно верной концепции консолидации дворянского общества. Вместо сплочения русских дворян в единое сообщество происходит еще большее их размежевание. Французский язык так и остается маркером принадлежности к этому обществу, но в отношении светского этикета разночинская молодежь выдвигает идею нигилизма, которая ставит под сомнения нормы и идеалы предыдущих лет. Клеопатра Светозарская фиксирует эту проблему на страницах своего произведения «Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий», которое вышло в свет в 1880г. Во вступлении она высказывает мысль о том, что светский этикет – это не то, что человеку навязано извне, а то, что помогает ему жить в обществе себе подобных. «…этикет не только не стесняет свободу человека, но … впитывается так сильно в кровь и мозг ребенка, что делается для него потребностью на всю жизнь, облегчая сношения с людьми, сглаживая все могущие встретиться неприятные столкновения и давая душе какое-то радостное спокойствие, так как истинная благовоспитанность неразрывно связана с любовью к ближнему и полным отсутствием эгоизма» [8]. При этом гендерная проблематика оставляет право говорить о возрастающем напряжении в отношениях между мужчиной и женщиной и о возрастающей роли женщины в обществе, где светский этикет жестко отводил им второстепенную роль через барьеры в общении. Стремление стать равной мужчине ломало эти барьеры и требовало новых знаний и наработок.

«Поступки людей, их взаимоотношения, всегда конкретны, имеют свое частное, особенное содержание, за ними стоят определенные и вполне достаточные для совершения данных поступков эмпирические мотивы» [9]. Для русско-дворянского общества XIX в. речевой этикет давал нравственную оценку содержанию поступков каждого из их членов. С одной стороны – жесткие рамки каждой модели коммуникации повседневной культуры

этого общества облегчали взаимопонимание внутри сообщества, а с другой – делали недоступными для понимания поступки для представителей других сообществ. Разработанная моральная концепция (кодекс чести дворянина) предыдущим поколением дворян была направлена на высшее благо, как идея духовного совершенствования. Именно такая форма речевого этикета для русско-дворянского общества представлялась им наиболее продуктивной и жизнеспособной для придания этой социально-культурной среде нравственно абсолютного смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Пушкин А.С.** Соб соч. Т.13. – М., 1965. С. 167.
2. **Вяземский П.А.** Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. – М., 1988. С. 189.
3. **Козодавлев О.П.** Переписка. / Ж.-л. Красный архив. 1927 .Т.6. С. 204.
4. **Булгарин Фаддей**. Сочинения. – М., 1990. С. 651.
5. **Бестужев-Марлинский А.А.** Сочинения в двух томах. Т.2. – М., 1958. С. 618
6. **Песков А.М.** «Павел I». – М., 2003. С. 235.
7. **Успенский Б.А.** Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX в. – М., 1985. С. 5.
8. **Светозарская К.** Светский человек. – Л., 1991. С. 7
9. **Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.** Этика. – М., 1998. С. 23

УДК 321

М. А. Саблина

ВОСПРИЯТИЕ ФИНЛЯНДИИ В РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Формирование имиджа Финляндии в имперской России происходило под воздействием, как внутренних изменений в самом финском обществе, его политическом и социокультурном контексте, так и под воздействием российских политико-идеологических и духовных процессов. В связи с этим можно провести определенную теоретическую классификацию основных факторов, оказавших определяющее воздействие на структуризацию имиджа Финляндии в России в этот период.

Первый период. После присоединения к России в 1809 году Финляндия более пятидесяти лет не часто попадала в поле зрения российских мыслителей. Господствовало благожелательное, романтическое представление о Финляндии. Как отмечает И. Соломещ, «интерес российского наблюдателя довольно редко имел политическую окраску. Скорее приходится говорить об эстетическом, этнографическом, романтически окрашенном интересе. В результате довольно быстро зафиксировался образ суровой природы, в условиях которой живут эти молчаливые, но совсем не опасные финны.

С легкой руки поэтов К. Батюшкова и А. Пушкина сформировалось несколько патерналистское отношение к финнам как к народу» [1]. Касаясь причин становления данного образа Финляндии в русской литературе, западный исследователь И. Хирвисахо отмечает, что российские идеологи воспринимали

Финляндию как колонию, со всеми присущими этому образу характеристиками – страны дикой, романтической, первобытной природы и не тронутого цивилизацией, простого народа. На этом фоне, считает И. Хирвисахо, представители России выглядели как цивилизаторы, несущие в этот край современную культуру. И. Хирвисахо [2] отмечает в своем исследовании, что все эти авторы намеренно преувеличивают, в полном соответствии с эстетикой романтизма, суровость и пустынность Финляндии, мрачность и неприветливость её природы и непритязательную простоту её населения, изображаемого как неких детей природы, находящихся в полной гармонии с окружающим их миром. Хирвисахо приводит знаменательную фразу Одоевского: «…финнов можно назвать народом древности, переселённым в нашу эпоху…» [3].

В исследовании М. А. Витухновской [4] приводятся интересные наблюдения публициста Х1Х века К. Грота, который в своем очерке «О финнах и их народной поэзии» отмечает, что финны энергичны, решительны и мужественны, на редкость терпеливы, честны и верны данному слову, страстно привязаны к своей родине и сострадательны по отношению к ближним, гостеприимны. Финны недоверчивы к иноплеменникам, скрытны и молчаливы, но справедливы, отзывчивы на доброе отношение.

«В частности, размышления об исторических судьбах Финляндии и ее месте в составе империи неминуемо оказывались в повестке дня полемики западников и славянофилов, при том общем замечании, что финляндские дела в общеимперском контексте еще долго не представляли собой проблему первого плана.

Славянофильский подход к Финляндии, равно как и в отношении других порубежных районов империи с их инородческим и иноверческим населением, довольно долго оставался окрашенным неким романтическим мессианством» [1].

Второй период. Повышенный интерес в российском обществе к развитию Финляндии возник во второй половине XIX века, когда, как

справедливо отмечает российский исследователь М.А. Витухновская, «отношение к национальному вопросу и имперской проблематике стало одним из существенных «маркирующих» идеологических признаков; национальный дискурс сыграл существенную роль в окончательном размежевании российского интеллектуального сообщества на консервативную и либеральную части» [4].

Начиная с 60-х годах XIX века имиджевая характеристика Финляндии меняется, что связано в первую очередь с активными процессами национально-государственного строительства, которые начались в Финляндии в период царствования Александра Второго. Важнейшим событием стало разрешение созвать Сейм, не собиравшийся до этого более пятидесяти лет. Консервативные и либеральные мыслители оценили этот поворот в жизни Великого княжества диаметрально противоположным образом – и тем самым положили начало тому противостоянию по финляндскому вопросу, которое с течением времени лишь нарастало, а к концу XIX – началу XX века привело стороны к неразрешимому конфликту. Именно в этот период, как пишет М. Витухновская, сформировались не только политические позиции противостоящих сторон, но и те типичные для консерваторов и либералов «образы Финляндии» [4].

Российские либеральные публицисты воспроизводят образ народа, воспринявшего основы европейской цивилизации, обладающего выборными органами самоуправления и приверженного гражданским и политическим свободам. У либералов «положительный образ» Финляндии включал в себя идеал формирующейся демократии, правового государства с элементами гражданского общества, что давало надежду на демократическую модернизацию и самой метрополии. В свою очередь консервативно настроенные журналисты и литераторы видели в процессах автономизации Финляндии опасность сепаратизма и развала империи.

Таким образом, отношение к развитию Финляндии стало своеобразным водоразделом между либералами и консерваторами в российском политическом мире.

В этом контексте важно разобраться в теоретических обоснованиях процессов формирования общественного мнения, что имеет прямое отношение к структурированию образа Финляндии в политических кругах России Х1Х века. Определяя черты общественного мнения, известный западный ученый Ч.Кули писал, что «общественное мнение – это не просто агрегация отдельных индивидуальных суждений, это – организация, совместный продукт коммуникации и взаимного влияния» [5].

Противоположные «образы» Великого княжества, которые существовали в представлениях идеологов обоих лагерей, симпатия к нему либералов и антипатия консерваторов имели в своей основе различие их политических идеалов и представлений о будущности России. Для лучшего понимания работы общественного мнения Кули предлагает отличать «истинное общественное мнение» от «массового впечатления». Первое отличается зрелостью, серьезным и ответственным подходом, устойчивостью связей и влияний, в то время как второе представляет расплывчатое, но эмоционально окрашенное представление, распространяющееся очень быстро и привлекающее к себе общее внимание, но недолговечное и способное так же быстро исчезать, не оставив по себе никакого следа.

Подчеркивая сложный характер общественного мнения, недостаточность организации в нем, неустойчивость связей между отдельными секторами общественного сознания. Кули, тем не менее, утверждает, что именно за этой формой общественного сознания будущее. Процесс демократизации, идущий в социуме, обусловливает именно такой способ мышления. «Эта пестрота, – пишет он, – отражает просто сложность организации, текучесть мнений и обсуждений, которые превращаются в повсеместный вид

деятельности, по существу это проявление роста, осуществляющегося в системе в целом и в каждом отдельном ее члене.

Общее мнение, если бы оно установилось как единственное, без конкретных видов мышления, которые проявляются в различных сферах науки и искусства, указывало бы на низкий тип структуры, более похожий на толпу, чем на разумное общество» [5, с. 127]. Кстати, на последнем утверждении основываются доводы противников демократии, доказывающих, что правление масс не может не быть шагом назад, ибо понижает уровень осмысления государственных вопросов: ведь массы в большинстве своем невежественны, а решение принимается именно большинством. Любопытен аргумент, который выдвигает Кули против этих рассуждении. Массы действительно невежественны, соглашается он, но они не глупы. Не зная множества конкретных вещей, они способны осознавать свое незнание и уважать мнение экспертов и специалистов. Много ли людей в современном мире читали Платона? а, тем не менее, авторитет Платона стоит высоко, поскольку так оценивают этого мыслителя те, кто его читал, а прочие принимают это мнение на веру. Ч. Кули ссылается здесь на П. Эмерсона, приведшего этот пример. П. Эмерсон утверждает: «Это, если быть точным, суждение меньшинства, и так обстоит дело в каком-то смысле со всеми утонченными суждениями, главное, что большинство имеет достаточно смысла, чтобы усвоить их» [5, с. 126].

Соотнося данные теоретические позиции с процессом формирования общественного мнения в России относительно Финляндии, необходимо подчеркнуть, что в середине Х1Х века именно экспертное мнение публицистов и литераторов, печатавших своих произведения в журналах, оказывало определяющее воздействие на структурирование представлений российского общества о Финляндии. Именно журналы стали важнейшим инструментом формирования имиджа Финляндии, причем «образ Финляндии» существовал для российских мыслителей в неразрывной

связи с тем «образом России», который возникал перед их мысленным взором и в разных случаях воспринимался либо как помеха на пути развития Российской империи, либо как один из стимулов к ее движению вперед» [4].

Третий период. К 1883 году оформилась теория «народного самодержавия», в основе которой лежала идея единения царя с народом при посредстве российского дворянства; политический курс приобретал националистическую окраску. По определению Р. Вортмана, идейной основой нового царствования, как, впрочем, и периода правления Николая II, стал национальный миф, идея о совершенной отдельности России от Европы по своему типу. «В основу исторической парадигмы, – пишет Р. Вортман, – была положена <…> заимствованная у славянофилов идеализированная картина XVII в. – эпохи, когда царь правил в единстве и в гармонии с “землей русской”» [6]. В этот период на первый план выходит националистическая и консервативная тематика в публикациях, относительно Финляндии. Главным идеологическим центром, формирующим общественное мнение, становится издание «Московские ведомости», где, по подсчётам Л. В. Суни, только за 1880–1889 годы было опубликовано более 200 статей по финляндской тематике [7].

Согласно контент-анализу статей в «Московских ведомостях», проведенному М. Витухновской, можно придти к выводу, что какие бы явления ни обсуждались в этих статьях – торговые ли таможенные привилегии Финляндии, открытие в Великом княжестве памятника на месте сражений шведов и финнов с русскими войсками, особое положение финляндских войск – основная мысль их сводилась к тому, что облагодетельствованная Россией Финляндия платит ей чёрной неблагодарностью, стремясь к обособлению и существованию за российский счёт.

М. Витухновская приводит типичный «образ неблагодарной Финляндии», нарисованный в «Московских ведомостях» (1884. 26 июня. № 176): «Имея своё управление и свою монетную систему,

будучи отделена от Империи таможенною границей, Финляндия находится почти только в личном соединении с Россией. Не желая участвовать в общей жизни Империи, уклоняясь от исполнения общегосударственных повинностей, не принимая участия в погашении долговых обязательств государства, не разделяя наших затруднений <…>, вообще обособляя себя от России, Финляндия желает жить за счёт России. Справедливо ли это?» [4].

Обвинение Финляндии в нахлебничестве по отношению к России было вызвано многочисленными льготами, предоставленными ей в правление Александра II и явившимися одной из причин, обусловивших её экономический рост. В задачу националистов входило показать, что только эти льготы и являлись основанием для столь быстрого развития финляндской экономики; без них, то есть без великодушной помощи России, Великое княжество не смогло бы пройти столь быстрый и результативный путь развития. Финляндия воспринималась национал-консерваторами как окраина, воспользовавшаяся богатствами метрополии, при этом отказывающаяся принять во внимание её национальные интересы, демонстрирующая отсутствие должного уважения или хотя бы элементарной благодарности, в которой так были уверены деятели всех направлений в 1860-х годах.

Задолго до появления интердисциплинарных исследований по теории и практике межкультурной коммуникации профессор Кипарский на примере истории формирования образа Финляндии и финнов в российской беллетристике и публицистике сделал несколько принципиально важных замечаний о характере и особенностях формирования представлений о народе-соседе. Как правило, эти представления основывались на личных впечатлениях путешественников или жителей приграничных местностей, распространявшихся устно или письменно. Очень редко возможность познакомиться с соседом переставляется всему народу.

Так происходит, например, когда один народ на время оказывается под властью другого [15].

Созревание финского национализма в 1870–начале 1880-х годов как-то выпало из поля зрения российских консерваторов, и национальная мобилизация Финляндии застала их врасплох. П. И. Мессарош, побывавший в Финляндии впервые в 1870 году, и вторично в 1895 году, был поражён «переменами, произошедшими в течение этих 25 лет во взглядах крестьянского населения края. Мы увидели, – продолжал Мессарош, – что в эти четверть века ненависть ко всему русскому приняла громадные размеры…» [8]. В этот период произошло столкновение вполне оформившегося, развитого, находящегося в пассионарной фазе финского национализма, с национализмом русским, который также находился в фазе активного развития. По мысли М. Витухновской, российские националисты страдали «комплексом национального унижения, поскольку были не в силах признать, что маленькая и бедная природными запасами окраина смогла экономически обогнать метрополию, опираясь, вкупе с уже упоминавшимися экономическими льготами, на своё либеральное законодательство, разумное самоуправление и рациональное хозяйствование» [4].

Повсеместно признанная в современной науке концепция М. Хроха [9] утверждает, что большинство европейских национальных движений прошли три фазы: первая – фаза А, в ходе которой пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору определённой этнической группы. Следом за ней идёт фаза Б – развитие национальной агитации. И, наконец, фаза В, последний этап, когда национальное движение становится массовым. Если использовать при анализе развития националистических тенденций в Финляндии во второй половине Х1Х века эту концепцию «эволюции национальных движений», то в этот период финское национальное движение

переходило от фазы национальной агитации к фазе массового национального движения.

К концу 1880-х годов сформировался новый «образ Финляндии» в консервативно-националистической прессе. Нежелание автономии вписываться в парадигму национальной империи, стремление к самостоятельности, следование своим курсом модернизации было расценено как предательство. Финляндия понималась идеологами националистического толка как отступник, обманувший доверие метрополии и использовавший её щедрые дары для своих нужд, игнорируя интересы империи.

Если рассматривать позицию российских консерваторов через дихотомию «свой – чужой», то становится совершенно ясно, что Финляндия и финны воспринимались ими как чужой, враждебный край и народ, сосуществование с которым в составе единой империи может быть только в том случае, если он откажется от своих претензий на самостоятельность. Данная позиция наиболее четко прозвучала в выступлении в Государственной Думе правого националиста В. М. Пуришкевича: «…Финляндия, выросшая под покровительством русского двуглавого орла, обязана всем своим благоденствием России, эта Финляндия отплатила ей чёрной неблагодарностью <…> мы должны быть сильны, и это один из главных поводов, одна из главных причин того, что самые серьёзные, самые беспощадные репрессии должны быть приняты в отношении взбунтовавшейся окраины» [4].

Однако, несмотря на весьма значительные националистические акценты в российской прессе периода царствования Александра Третьего и Николая Второго, необходимо отметить и либеральные характеристики Финляндии, которая в данном сегменте российского общественного мнения рассматривалась как единственный и благодатный уголок российской империи, где царили культура и демократия. Антифинская кампания, начатая консервативными изданиями, не могла не вызвать возмущения в либеральных кругах.

Первым на защиту Финляндии встал журнал «Вестник Европы», который, хоть и не мог сражаться с консервативными изданиями «на равных» (журнал выходил ежемесячно, а газеты «Московские ведомости», «Новое время» и «Свет» – ежедневно), однако «вёл» финляндскую тему систематически. Именно на его страницах формировался либеральный «образ Финляндии».

В основе этого образа лежало диаметрально противоположное консервативному представление о перспективах и будущем России. Идеалом либералов были западноевропейские демократии с их конституционным правлением, сформировавшимися основами гражданского общества, правовым сознанием народов и благоустроенным бытом. Финляндия была для них ближней, «подстоличной» Европой, Европой домашней, доступной, но при этом обладающей всеми основными внешними (и не только внешними) свойствами Европы «настоящей». Уже в начале XX века, выражая общее мнение российских либералов, А. И. Куприн писал, например, о Хельсинки: «Так близко от С.-Петербурга – и вот настоящий европейский город» [10]. Финляндия стала для российских либералов Европой в миниатюре, той развитой, благоустроенной, просвещённой Европой, которая была их общественным и политическим идеалом, которая, с их точки зрения, должна была стать моделью для развития России. Именно с этих позиций либеральная пресса вела защиту Финляндии от наступления российской власти.

Лояльность финнов связывалась либералами с их принадлежностью к «европейской цивилизации», воспитавшей в них черты гражданской личности и правовое сознание. Эти качества финляндского народа либералы ставили особенно высоко, и это их убеждение оставалось непоколебимым на протяжении десятков лет. «Голос» писал, что в результате связи с германо-скандинавским миром «очень рано были внесены в Финляндию все существеннейшие черты европейской цивилизации. <…> Под всеми этими влияниями

развивалось в народе сознание человеческих прав, складывалась и крепла гражданская личность, возникало сознание политической свободы, являлся навык к самоуправлению». Восторженно описываются приметы «тесной общественной организации» (мы бы назвали это основами гражданского общества), существующей в Финляндии. «Почти во всех городах, – отмечает неизвестный автор, – и даже в некоторых селениях Финляндии в настоящее время есть различные общества (перечисляются просветительные, врачебные, сельскохозяйственные, попечительские, литературные и т. д. общества, общества призрения нищих – *М. В.*), …действия которых обнимают положительно всю Финляндию…» [4].

Защита Финляндии в III Думе была беспрецедентно массовой – левые выступали против националистов широким фронтом, за выступлениями кадетов следовали речи социал-демократов, трудовиков, прогрессистов. Выступления были окрашены эмоционально, в них слышалась горечь и неистовое желание отстоять Финляндию – этот единственный и драгоценный уголок, где «народ свободно дышит и не угнетён экономически и духовно». Особую драматичность речам левых фракций придавало ясное ощущение, что их дело заведомо проиграно и разгром Финляндии неизбежен. Отсюда – то подчёркнутое тепло, которое звучало в их речах, выглядевших подчас как прощание с Финляндией. Социал-демократ И. П. Покровский 2-й констатировал: «Правительство не может терпеть рядом с собой страну, входящую в состав Российского государства, страну с действительным демократическим народным представительством, <…> где действительно, а не фиктивно существуют гражданские свободы, страну, где народное образование проникло вглубь, в деревню, страну, где культура дошла до глубины лесов и деревень» [4].

Широко пользуется распространённый приём либеральной прессы, когда сравнивается жизнь крестьян Финляндии и внутренних губерний России: «Живут финские крестьяне чисто; одеваются

хорошо и опрятно; по нашим понятиям их достаток можно назвать большим. Во внутренних губерниях таким достатком располагают только богатые мужики, да и то живут с меньшими удобствами…». В Курской губернии, продолжает публицист, несмотря на несравненно лучшие климатические и природные условия, доход хозяина в среднем в 2,5 раза ниже, чем в Финляндии» [11].

Крайне важной чертой финляндского общества либералы считали его просвещённость и грамотность. Их, удручённых состоянием школьного дела и просвещённости народа в своей собственной стране, восхищал огромный престиж образования, грамотности, культ школы, который существовал в Финляндии. Журнал «Мир Божий» несколько раз публиковал основательные статьи, анализирующие финскую систему просвещения. По их мнению, в основе школьного дела в Финляндии лежало два принципа: школьное образование нужно не только само по себе, а для того, чтобы вооружить народ для борьбы за существование, и поэтому должно быть массовым, а кроме того, нельзя ограничиваться простым преподаванием грамоты, а следует углублять образование, чтобы «вырабатывать развитых людей и хороших граждан». Иными словами, результатом просветительской программы должно стать воспитание сознательного, самостоятельно мыслящего гражданина.

Такая установка целиком противоречила тем принципам, которые пытался вводить в российскую образовательную систему К. П. Победоносцев, вдохновитель создания сети церковно-приходских школ в стране, считавший, что «простому человеку» нельзя прививать умения самостоятельно, логически мыслить. Если б удалось, наконец, нашим реформаторам привить к массе веру в безусловное, руководительное значение логической формулы мышления. В массе исчезло бы то драгоценное свойство устойчивости, с помощью коего общество успевало до сих пор держаться на твёрдом основании» [12].

Финляндской школе посвящено в либеральной литературе много похвал и в последующий период. А. Куприн: «О поголовной грамотности финнов все, конечно, слышали, но, может быть, не все видели их начальные народные школы. Мне привелось осмотреть довольно подробно новое городское училище <…> Это дворец, выстроенный года три-четыре назад, в три этажа, с саженными квадратными окнами, с лестницами, как во дворце, по всем правилам современной школьной гигиены» [10, с. 619].

Наконец, в либеральной прессе высоко оценивались внешние, бытовые черты «европейскости», которые так ценили русские в Европе, и которых многим из них так не хватало на Родине. В либеральных изданиях разных лет неизменно отмечалась высокая бытовая культура финнов, чистота, грамотность и честность народа. Эти черты до такой степени считались неотъемлемым свойством финнов, что приписывались всему народу в целом.

Мы вновь сталкиваемся с тем образом противостояния Финляндии и России, о котором уже упоминали, – грубая, тупая сила стремится разгромить оазис культуры и свободы, который раздражает её своим благополучием.

Вывод:

Развивающаяся Финляндия несла в себе угрозу для империи, ибо, как справедливо отмечает уже цитированный нами Р. Суни, «успехи модернизации создают условия для провала империи» Он поясняет, что пафос империи, её оправдание заключается в том, что она несёт цивилизацию подвластным народам. «Нуждаясь в оправдании права иностранцев управлять народами, которые стали преобразовывать себя в нации, – продолжает Суни, – имперская элита пользовалась идеей модернизации младших и нецивилизованных народов в качестве главного средства легитимизации имперского порядка…» [7]. Финляндия в эту схему никак не вписывалась, напротив – именно от неё либералы ждали цивилизационного воздействия на Россию. Всё сказанное помогает понять, в чём

заключались главные причины начавшегося во второй половине 80-х годов и продолжавшегося вплоть до самой революции 1917 года «похода на Финляндию», организованного консервативно-национальными силами и поддержанного властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Соломещ И. М.** От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / Под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко: НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004.

2. **Hirvisaho Iida Katariina.** A Stepchild of the Empire: Finland in Russian Colonial Discourse. Los Angeles, University of California, 1997.

3. **Одоевский, Владимир.** Саламандра. С. 244.

4. **Витухновская М. А.** Бунтующая окраина или модель для подражания : Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / Под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко : НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004.

5. **Кули Ч. Х.** Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000, – С. 121

6. **Вортман, Ричард.** «Официальная народность» и национальный миф Российской монархии XIX века. // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX в. / Сост. Мазур Н. Н. Москва-Венеция, 1999.№ 3 (11). – С. 238

7. **Суни, Рональд.** Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. –2001. – № 1–2. – С. 23.

8. **Мессарош П.И.** Финляндия – государство или русская окраина? СПб., 1897. С. 3.

9. **Hroch, Miroslav**. Social preconditions of national revival in Europe. A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller european nations. Cambridge, 1885.

10. **Куприн А.И.** Немножко Финляндии // Собр. соч. Т. 6. М., 1958. С. 614.

11. **Фирсов В.** Причины экономических и культурных успехов Финляндии // Мир Божий. 1898. № 12. СПб., 1898.

12. **Победоносцев К.П.** Народное просвещение // Победоносцев К.П.: Pro et Contra. Антология. СПб., 1996. С. 127.

УДК 130.2

Л. Э. Сутягина

ШВЕДСКИЕ СУВЕНИРНЫЕ ЛОЖКИ КАК АТРИБУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мы знаем о том, что язык является не только индикатором идентичности нации, но и безусловным средством коммуникации. Именно язык хранит историческую память в тех или иных словах и выражениях, образно говоря, сберегая живую нить времен. Однако для глубокого понимания жизни в другой стране одного знания языка недостаточно.

Чтобы понять иное пространство под названием государство, необходимо знать не только политику и экономику, историю и культуру, но и традиции, обычаи, нравы народа. Проще говоря, менталитет, определяющий поступки и поведение людей в обществе. Это не менее важно, чем просто знание языка. Секрет обаяния и долгожительства шведской самобытности – в любви к своей родине, которую шведы ласково называют «наша длинная страна», к её природе и культуре, и…в принципе «шведского стола» – smörgåsbörd, где каждый имеет право собственного выбора.

Эта традиция уходит в далекую древность, когда во времена викингов в месяц гой (февраль) собирались свеи и гауты на тинг – совет – у большого очага или костра и пускали чашу с горячим напитком по кругу, независимо от их статуса и положения в племени.

Прошли века, в начале XIX столетия в Скандинавских странах возрос интерес ко всему народному и самобытному. На заседании шведского общества «Gotiska Forbundet» в Стокгольме в 1811 году

была сформулирована идея скандинавского единства. Члены этого общества утверждали, что их предками были готы (йоты) и своей основной задачей считали изучение старых саг и преданий [1].

В 60-х и 70-х годах XIX в. в университетской среде Лунда, Уппсалы, Копенгагена и Кристиании (прежнее название Осло – прим. авт.) возникали «неоготические» студенческие кружки, где в непринужденной атмосфере собирались студенты, преподаватели и читали отрывки из «Старшей Эдды», пили за процветание скандинавских стран из имитированного серебряного рога, выполненного в древнем северном стиле «драконов». Среди этих молодых людей был и Артур Хазелиус – будущий основатель Северного музея и знаменитого музея «Скансен» – Open Air Museum.

В начале XX века, когда Nordiska museet возглавил Бернхард Салин, совет директоров музея решил издавать журнал «Fataburen» [2]. С 1906 г. этот журнал начал в популярной форме рассказывать не только о работе уникального музея, но и печатать статьи по этнографии, антропологии и музейному делу.

Название журнала связано со шведским словом fatabur — кладовая, или в русском значении, кладовка, где хранили одежду, посуду и другие ценные вещи семьи. Этимология этого слова уходит в древние времена. Кладовая должна была быть наиболее безопасным местом от краж. Строительство и использование таких кладовых было характерно для крестьянских домов в большинстве провинций Швеции с конца XV – начала XVI века. В библиотеке МАЭ РАН хранится подписка журнала «Fataburen».

Да и сам Северный музей стал своеобразной сказочной кладовой, хранящей уникальное собрание коллекций по традиционной культуре Швеции. Девизом всей жизни Артур Хазелиус выбрал знаменитое античное изречение – «Познай себя сам». Почему? Артур Хазелиус считал, что познавать следует не только самого себя как личность, но прежде всего, свой народ, его культуру, язык, традиции, обычаи и фольклор. Северный музей

позиционировался как важный инструмент для воспитания национального самосознания [3].

Петровская Кунсткамера является такой уникальной кладовой, где можно обнаружить разнообразные предметы материальной культуры многих народов мира. Среди музейных экспонатов Музея антропологии и этнографии РАН есть и шведские коллекции. В собрании МАЭ РАН хранится богатейшая коллекция деревянных ложек народов России и Европы, собранная Владимиром Александровичем Рышковым в начале XX века. Коллекция была приобретена у собирателя в 1927 г.

В. А. Рышков покупал ложки на ярмарках, в торговых лавках провинциальных городов, в европейских городах, в том числе и в городах Северной Европы. Мы не знаем, что побуждало В. А. Рышкова собирать ложки России и Европы, но для изучения культурной традиции народов этих стран коллекция деревянных ложек дает разноплановый материал.

После революции 1917 г. Рышков служил казначеем при секретариате Президиума Академии наук и был знаком с академиком С. Ф. Платоновым и Е. В. Тарле. В 1929 г. В. А. Рышков был «арестован и уволен» [4] по Академическому делу академика С. Ф. Платонова, а далее о его судьбе ничего не упоминается. А вот уникальная коллекция деревянных ложек хранится в фондах МАЭ РАН.

Среди предметов этой коллекции есть и шведские ложки. Предположительно, ложки из Швеции В. А. Рышков приобрел или в г. Або (Турку), или на ярмарке в Черниговской губернии ещё до революционных событий 1917 г.

Шведские деревянные ложки являются сувенирными. Черпающая сторона ложек имеет яйцевидную форму. Черенок выполнен в форме весла. Все ложки светло-желтого цвета и покрыты лаком. На каждой ложке указано название столицы Шведского королевства – Stokcholm. Ложки достаточно типичны для Швеции рубежа XIX–XX столетий.

Данные ложки предназначались не для употребления в быту, а как сувенирная продукция. На каждой ложке изображены девушки в национальном шведском костюме, характерном для провинций Центральной и Южной Швеции. Помимо изображения девушек, ложки украшены элементами традиционного орнамента и ландшафта Швеции; в элементах орнамента преобладает красный, зеленый и желтый цвет.

К примеру, одна из ложек украшена видом девушки в традиционном для центральной Швеции народном костюме (folkdräkt). Центральная Швеция – это во многих отношениях сердце шведской культуры и истории. Цвета шведского флага – *голубой и желтый*, но на самом деле, любимые цвета в Швеции – *зеленый и красный*. Зеленый цвет символизирует сосновый лес, а красный – скромный красный домик, стоящий на его краю. Об этом писал великий шведский драматург Август Стриндберг, и именно такой поэтический образ наилучшим образом подходит к провинции Даларна в Центральной Швеции, которую часто называют «самым шведским» из пейзажей. Само слово «даларна», значит «долины», долины в междуречье Западного и Восточного Далельвена. Провинция являлась родиной знаменитой красной краски, которой покрашен чуть ли не каждый пятый дом в стране. Именно для этой местности были характерны красочные народные костюмы.

Среди изображений на сувенирных ложках, хранящихся в фондах МАЭ РАН, молодая крестьянка в белой блузе с широкими рукавами и в вышитом зеленом жилете, который обычно зашнуровывался. На девушке – высокий темный головной убор, украшенный красной лентой и отороченный мехом. Для женского народного костюма в Центральной Швеции был обязателен пояс из крашеной шерсти. Такой пояс мы видим на изображении.

На одной из ложек – вид девочки в национальном костюме. Видимо ложка предназначалась как детский сувенир, так как она меньше по своим размерам, аккуратная, с крепким, достаточно

широким черенком. Девочка изображена в традиционном народном костюме и полосатом переднике. Передник представлял главную и центральную часть костюма, шился из полотна, хлопка, крепа или шелка.

Часто девушки в сельской местности использовали цветной платок. На одной из коллекционных ложек мы видим девушку в красном головном уборе и в розовом платке, накинутом на плечи. Девушка одета в яркий красный сарафан. Платок мог скрепляться большой брошью – непременным атрибутом народного костюма. Следует отметить, что народный костюм имел в каждом шведском лене (провинции) свои особенности и элементы декора, получив название ”Landskapsdräkt” – костюм лена.

Для разных регионов Швеции был характерен крестьянский костюм с определённым набором отличительных черт. Такие костюмы создавались в районах с чёткими естественными границами (лес, горы, водоёмы). Одежда и обувь изготавливались по правилам, которые портные и сапожники были обязаны соблюдать под угрозой штрафа или церковного наказания – отсюда и характерные признаки, отличия костюма одной деревни от другой. Это не означало, что шведские крестьяне носили униформу – некоторые индивидуальные различия всё-таки были. Костюм прихода (sockendräkt) и костюм уезда (häradsdräkt) мог считаться народным костюмом в том случае, если границы прихода или уезда были чётко очерчены [5].

К середине XIX в. традиционный крестьянский костюм в Швеции выходит из повседневного употребления. Это объяснялось быстрым экономическим развитием страны. С ростом городов и промышленности, развитием коммуникаций народ постепенно отказывается от традиционного костюма, считавшегося символом отсталого крестьянского мира. На рубеже XIX и XX столетий западную Европу охватило движение неоромантизма. Светское общество в Швеции обратило внимание на крестьянскую культуру и народный костюм. Именно в популяризации народной культуры

огромную роль сыграл Артур Хазелиус и его выдающийся проект Музея Северных стран. [6].

В 1872 г. Артур Хацелиус совершил поездку в Даларну, где приобрел шерстяную юбку; и с этого момента началась история новой этнографической коллекции, которая была выставлена на обозрение широкой публики в Стокгольмской Ратуше 24 октября 1873 г [6].

В это же время в Европе вырос спрос на сувенирные ложки, которые украшали не вымышленными псевдоантичными пейзажами, а изображениями реальных местных ландшафтов. В XIX в. такие ложки распространились по всем лавкам Европы. Мода на сувенирные ложки получила распространение и в России. В. А. Рышков начал собирать ложки в 1908–1909 гг., о чем свидетельствую коллекционные описи МАЭ РАН [7].

В шведском языке *ложка* – sked – происходит от глагола skeda – *отделять*, *разделять*. Ложка для резчика – просто универсальный продукт. Это прекрасный повод и для новичка потренироваться в основных навыках резьбы по дереву, и для профессионала – показать миру свое искусство. Многие известные мастера выполняли ложки с помощью разнообразных техник – как затейливые, с витыми или кружевными черенками, так и простые, изготовленные в минималистском стиле. Такой стиль позволял лучше всего увидеть фактуру дерева.

Для изготовления деревянных ложек использовали разные породы дерева, но чаще всего берёзу. Ложка вырезалась из берёзовой баклуши специальным, хорошо заточенным ножом, лезвие которого делали из крепкой шведской стали. Такие ножи до сих пор используются в Швеции при изготовлении деревянной сувенирной продукции, в том числе далекарлийских лошадок (Dalahäst). Нож был именным; и мастер бережно хранил свой инструмент.

Небольшая коллекция шведских сувенирных ложек в собрании МАЭ РАН не только дает нам представление о традиционной

культуре Швеции рубежа XIX–XX в.в., но и является своеобразным атрибутом шведской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Видар Хален**. Драконы с Севера // пер. Н.Будур. URL // http://www.norge.ru/vidar_halen.
2. Архив РАН. СПб филиал. Ф.142.Оп.1д.77.л.7,61.
3. **Agotnes Jakov**. The ideology of the folk museums // Skansen 1891-1991. Sweden. Stockholm. 1991.С.73.
4. Академическое дело. СПб., 1991. – Вып. 1. – С.94
5. **Иванова Л.В**. Шведский народный костюм как символ национальной идентичности // в сб. Шведы: сущность и метаморфозы идентичности. / Москва. РГГУ, 2008. – С. 494-503.
6. Nordiska museet. Stockholm. 1998. С.73. С.219.
7. Кол. Опись МАЭ РАН № 1454, 1786, 3143, 3144, 3547.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АРХИПОВА Виктория Юрьевна – аспирант кафедры маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета; 191023, Садовая ул., 21, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

ARHIPOVA, Victoria Y. – Saint-Petersburg State University of Economics and Finance (FINEC); 191023, Sadovaya Str. 21, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

БОЛДЫРЕВА Елена Леонардовна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: elena1971@yandex.ru

BOLDYREVA, Elena L. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: elena1971@yandex.ru

ГРИШИНА Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: grishinan@list.ru

GRISHINA, Natalia Y. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: grishinan@list.ru

ДИАНОВА Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологи Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия д. 5. Россия; e-mail: v_dianova@mail.ru

DIANOVA, Valentina M. – Saint-Petersburg State University; 199034, Mendeleevskaya line 5, St. Petersburg, Russia; e-mail: v_dianova@mail.ru

ЗАЗУЛИН Георгий Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конфликтологии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия д. 5. Россия; e-mail: zazulin.ecad@gmail.com

ZAZULIN, Ceorgy V. – Saint-Petersburg State University; 199034, Mendeleevskaya line 5, St. Petersburg, Russia; e-mail: zazulin.ecad@gmail.com

КЛИМИН Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

KLIMIN, Ivan I. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

КОВАЛЕВА Татьяна Викторовна – кандидат философских наук, ассистент кафедры этики Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия д. 5. Россия; e-mail: trandafir@yandex.ru

KOVALEVA, Tatiana V. – Saint-Petersburg State University; 199034, Mendeleevskaya line 5, St. Petersburg, Russia; e-mail: trandafir@yandex.ru

КОЛЕСНИКОВ Анатолий Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия д. 5. Россия; e-mail: Kolesnikov1940@yandex.ru

KOLESNIKOV, Anatoliy S. – Saint-Petersburg State University; 199034, Mendeleevskaya line 5, St. Petersburg, Russia; e-mail: Kolesnikov1940@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: A.C.folkvisa@gmail.com

LEBEDEV, Alexander S. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: A.C.folkvisa@gmail.com

ЛУКИН Вячеслав Петрович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и менеджмент в энергетическом машиностроении» Института Машиностроения «ЛМЗ-ВТУЗ» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: info@zavod-vtuz.ru.

LUKIN, Viacheslav P. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: info@zavod-vtuz.ru.

МАТВИЕВСКАЯ Анна Сергеевна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; 191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: annamatveevskaya@mail.ru

MATVIEVSKAYA, Anna S. – Saint-Petersburg State University; 199034, Smolnogo 1/3, 8 entrance, St. Petersburg, Russia; e-mail: annamatveevskaya@mail.ru

МАЧКАРИНА Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Мурманского государственного технического университета, 183010, ул. Спортивная, 13 г. Мурманск, Россия; e-mail: idosipov@mail.ru

MACHKARINA, Olga D. – Murmansk State Technical University; 183010, Sportivnaya Str. 13, Murmansk, Russia; e-mail: idosipov@mail.ru

МУКБИЛЬ Мансур Хасан – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: mansour@list.ru

MUKBIL, Mansur H. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: mansour@list.ru

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vmusaev62@mail.ru

MUSAEV, Vadim I. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: vmusaev62@mail.ru

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: idosipov@mail.ru

OSIPOV, Igor D. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: idosipov@mail.ru

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

PAVLOVA, Olga K. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pogodin56@mail.ru

POGODIN, Sergey N. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: pogodin56@mail.ru

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ral5@mail.ru

RIABOVA, Anna L. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: ral5@mail.ru

САБЛИНА Марина Александровна – старший преподаватель кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

SABLINA, Marina A. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

СУТЯГИНА Людмила Эдуардовна – кандидат философских наук, ведущий научный специалист Музея Антропологии и Этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 199034, наб. Университетская, д.3, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: lousia@yandex.ru

SUTIAGINA, Liudmila E. – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography “Kunstkamera” RAS; 199034, Universitetskaya em. 3, St. Petersburg, Russia; e-mail: lousia@yandex.ru

ТРОСТИНСКАЯ Валентина Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: irtrost@mail.ru

TROSTINSKAYA, Valentina P. – Saint-Petersburg State Polytechnical University, 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: irtrost@mail.ru

ТРОСТИНСКАЯ Ирина Рафаиловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: irtrost@mail.ru

TROSTINSKAYA, Irina R. – Saint-Petersburg State Polytechnical University, 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: irtrost@mail.ru

ФИРСАНОВА Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

FIRSANOVA, Olga V. – Saint-Petersburg State Polytechnical University, 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

ХРЕНОВ Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, заведующий кафедрой социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, 191186, наб. Дворцовая, 2/4, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: idosipov@mail.ru

KHRENOV, Andrey E. – Saint-Petersburg State University of Culture and Arts; 191186, Dvortsovaya em. 2/4, St. Petersburg, Russia; e-mail: idosipov@mail.ru

ШАПОШНИКОВ Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Прудкова (Мининский университет, 603950, ул. Ульянова, д.1, г.Нижний Новгород; Россия; e-mail: idosipov@mail.ru

SHAPOSHNIKOV, Lev E. – Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; 603950, Ulyanova street 1, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: idosipov@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора……. 5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Погодин С.Н. Международная деятельность Финляндии в сфере безопасности…….. 8

Болдырева Е.Л. Стратегия Министерства обороны Финляндии «Безопасно в будущее»……. 27

Климин И.И. Россия и Беларусь: разногласия политиков двух стран при разработке Конституционного Акта Союзного государства…… 32

Мусаев В.И. Восстановление независимости Эстонии, Латвии и Литвы... 60

Лукин В.П. Проблемы управления маркетингом на отечественных предприятиях с учетом требований всемирной торговой организации…... 100

Тростинская В.П., Тростинская И.Р. Энергетическое сотрудничество Россия–Китай: проблемы и перспективы…… 109

Фирсанова О.В., Архипова В.Ю. Методы улучшения качества товара как основа обеспечения конкурентоспособности в условиях вступления России в ВТО……. 125

Мачкарина О.Д. Принцип ответственности и согласованности действий в международном праве…… 136

Хренов А.Е. Основные направления американской геостратегии в период президентства Барака Обамы…….. 148

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Дианова В.М. Транскультурное пространство музея, или сложности межкультурного взаимодействия…… 166

Гришина Н.Ю. Международный опыт исследования когнитивной мобилизации 177

Матвеевская А.С. Балтийские государства в системе международной культурной коммуникации……... 186

Мукбиль Мансур Хасан. Влияние «арабской весны» на культурное сотрудничество с Россией……. 202

Рябова А.Л. Культурно-языковые ценности и межкультурная компетенция……... 209

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Шапошников Л.Е. Православные оценки глобализации…… 231
Колесников А.С. Бертран Рассел о проблеме власти в современном мире. 243
Зозулин Г.В. Глобализация, наркотики и конфликт…… 265
Матвеевская А.С. Особенности проявления европейского миграционного процесса в Финляндии……... 285
Лебедев А.С. Кризис «шведской модели» государства всеобщего благосостояния…….. 300

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Осипов И.Д. Взаимоотношение власти и права в русской философии (к 20-летию современной российской конституции)……. 321
Павлова О.К. Роль государства и благотворительной деятельности в развитии воспитательно-образовательной сферы царской России……. 334
Ковалева Т.В. Межкультурная интеграция этикетных норм в жизнь русского общества на разных этапах его развития…… 345
Саблина М.А. Восприятие Финляндии в России (в конце в XIX – начале XX веков)……... 358
Сутягина Л.Э. Шведские сувенирные ложки как атрибут национальной идентичности…… 372

Сведения об авторах……... 379

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MODERN WORLD

Pogodin S. N. International activity of Finland in the sphere of security…….. 8

Boldyreva E. L. The Strategy of the Ministry of Defense of Finland «Safe Future»……. 27

Klimin I.I. Russia and Belarus: the discord of the two country's politicians during the allied State Constitution Statement elaboration……. 32

Musaev V. I. Restoration of independence in Estonia, Latvia and Lithuania... 60

Lukin V. P. Problems of marketing management in the state enterprises with account for the demands of the World Trade Organization…… 100

Trostinskaya V. P., Trostinskaya I. R. Power engineering Russia – China collaboration: problems and prospects…… 109

Firsanova O. V., Arhipova V. U. The methods of the quality goods improvement as the guarantee for competition basis in the terms of Russia's WTO entry…….. 125

Mochkarina O. D. The Principe of responcibility and consensus in international Law……. 136

Hrenov A. E. The main geostrategic directions of America during B. Obama's presidential period……. 148

INTERNATIONAL COMMUNICATION AND INTERNATIONAL RELATIONS

Dianova V. M. Cross-cultural space of the museum – the intercultural co-coordinated activity complexity…….. 166

Grishina N. U. International experience of cognitive mobility research……... 177

Matveevskaya A. S. Baltic states in the international cultural communication system…….. 186

Mukbil Mansur Hassan. The «Arabian spring» influence on the cultural cooperation with Russia……... 202

Riabova A. L. Cultural-linguistic valuable contribution and the intercultural competence…….. 209

GLOBALIZATION AND THE CROSS-CULTURAL AREA

Shaposhnikov L. E. The Orthodox Church assessment of globalization…… 231
Kolesnikov A. S. Bertrand Russell about a problem of a power in the modern world…… 243
Zozulin G. V. Globalization, drugs and conflict…… 265
Matveevskaya A. S. The special peculiarities of the European migration process in Finland…… 285
Lebedev A. S. The crises of the «Swedish model» of universal prosperity state. 300

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE HISTORICAL CONTEXT

Osipov I. D. Interrelation of Rule and Law in Russian philosophy (to the celebration of 20 years of modern Russian constitution)…… 321
Pavlova O. K. The role of the state and charity activity in the development of education in the Russian Empire……. 334
Kovaleva T. V. The intercultural integration of the etiquette norms into the social life of Russia during different periods of its development…… 345
Sablina M. A. The perception of Finland in Russian society (end of XIX — beginning of XX century)…… 358
Sutiagina L. E. Swedish souvenir spoons as the national identity sign……. 372

Authors…… 379